

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 1 (3) • 2011

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина,

Е.В. Попов

Ответственный секретарь

И.Н. Тимофеев

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский

О.В. Гаман-Голутвина

В.В. Соловей

В.В. Гриб

Е.В. Колдунова

(выпускающий редактор)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева

В.Я. Белокреницкий

В.В. Гриб

В.И. Журавлева

М.В. Ильин

Е.В. Колдунова

В.Г. Ледаев

М.М. Лебедева

В.В. Михеев

О.В. Павленко

В.Д. Соловей

Л.В. Сморгунов

М.В. Стрженева

Д.В. Стрельцов

Т.А. Шаклеина

А.Ю. Шутов

Международный консультационный совет

Ayşe Ditrîhs

(Университет Анкары)

Akihiro Iwashita

(Университет Хоккайдо)

Zhao Huasheng

(Фуданьский у-тет)

Klaus Segbers

(Свободный Университет Берлина)

Anne de Tanguy

(Сьянс По)

Werner Vâth

(Свободный Университет Берлина)

Yu-Shan Wu

(Институт политологии, Academia Sinica)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,

Хасанова Г.И.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

125057, Москва, а/я 15

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая

группа». Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60х90/8. Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 10,0.

Усл. печ. л. — 10,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать:

01.12.2010 г.

© Воскресенский А.Д., 2011

© Сравнительная политика, 2011

© Издательская группа «Юрист», 2011

Содержание

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

А.В. Лукин. О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР	3
И.В. Ермолин. Влияние «внешних пертурбаций» на процесс формирования, структурирования и адаптации коалиций акторов датской и шведской политических подсистем координации вопросов ЕС	19

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

В.Д. Соловей. «Цветные революции» и Россия	33
А.Д. Воскресенский. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии	44

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

А.Д. Воскресенский Мировой финансово-экономический кризис и его влияние на развитие отношений в треугольнике Китай – США – Россия	70
Д.А. Журавлев Сравнительный анализ коммуникативных стратегий террористов	89

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Н.В. Никифоровс. Количественные параметры и сравнительный анализ тенденций высшего образования Латвии, Литвы и Эстонии	99
Кинтиро Хатояма. Сравнительный анализ токийского и московского опыта по улучшению ситуации с дорожными пробками в Москве: взгляд из Москвы и Токио	114
Научная жизнь	124
Обзоры и рецензии	130
На книжной полке	142
Об авторах.....	146
Информация для авторов	147

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ КНР И СССР

А.В. Лукин*

Советский Союз распался почти два десятилетия назад, но до сих пор облик российской науки определяют люди, получившие образование в советскую эпоху. Это касается и китаеведения. Естественно, достоинства и недостатки советского подхода к общественным наукам отражаются и на изучении Китая. Советский Союз по сравнению с рядом других крупных мировых империй существовал исторически довольно непродолжительный срок, но за это время была создана уникальная цивилизация, достоинства и недостатки которой еще долго будут предметом дискуссий поколений потомков. Тоталитарный советский режим войдет в историю благодаря беспрецедентному в истории массовому террору против собственных жителей, малопонятной населению утопической марксистской идеологии, захватнической внешней политике, крайне неэффективной экономике и многим другим своим хорошо известным негативным особенностям. В то же время не вызывает сомнения, что в советское время, по крайней мере в определенные периоды, в стране существовала передовая, вполне конкурентоспособная в международном плане фундаментальная, а в ряде отраслей и прикладная наука.

Недостатками общественных наук в СССР были их идеологизированность и обращенность на обслуживание политических целей государства. В частности, побудительным мотивом для развития китаеведения, как и востоковедения в целом, обоснованием их государственного (а другого и быть не могло) финан-

сирования всегда выступало стремление обслужить те или иные политические цели. До 1949 г. такой целью была поддержка китайской революции, затем — обоснование «вечной и нерушимой дружбы», позднее — разоблачение «ревизионистского» и «оппортунистического» характера политики Мао Цзэдуна. Однако в сложной системе организации науки в СССР, особенно в советской Академии наук, всегда находились разумные люди, которые могли объяснить руководству страны, что для достижения поставленных целей необходимо глубокое изучение всех аспектов китайской истории и общественного развития. Это обеспечивало финансирование и развитие фундаментального китаеведения.

В результате, развивая традиции российского востоковедения, советское китаеведение добилось больших успехов, создав целый ряд концепций и научных школ, ничем не уступавших зарубежным, а может быть, и превосходивших их. В то же время необходимость постоянно доказывать оправданность своего существования политическими целями и идеологизированный характер тоталитарной политической системы в целом отложили отпечаток и на подходы к изучению китайского общества.

Политизированность советского китаеведения имела двоякий характер. С одной стороны, ряд работ и авторов занимались прямым обслуживанием целей, которые ставились перед ними политическим руководством: критика режима Чан Кайши, доказательство возможности и необходимости революции в Китае, критика «культурной революции» как отступления от «правильной» (т.е. советской) модели социализма, критика реформ Дэн Сяопина как «право-ревизионистских» и т.п. Эта официальная политизирован-

* Автор выражает благодарность М.Е. Кузнецовой-Фетисовой за ценные замечания по данной работе.

ность хорошо известна и уже анализировалась. Но существовала и противостоящая официальной неофициальная политизированность, о которой сегодня практически не говорят. Речь идет об использовании примера Китая для того, чтобы показать несовершенство советской системы, подвергнуть ее критике в условиях, когда прямо это было сделать невозможно. Такой подход был обусловлен обстоятельствами и субъективно преследовал благие цели, но сегодня следует признать, что цели эти все же не были вполне научными. Он приводил к тому, что под видом исследования Китая в действительности описывалась советская система, что часто приводило к преувеличению сходства между СССР и КНР, к недооценке различий между ними.

В советское время в подобных целях использовались примеры не только Китая, но и ряда других государств, например Венгрии, Югославии, Кампучии «красных кхмеров», да и некоторые явления на Западе описывались с точки зрения необходимости использования их в СССР. Вероятно, некритическое принятие западных экономических теорий, причем наиболее праворадикальных из них, во многом и привело к плачевным последствиям для российской экономики, когда сразу после распада СССР к власти пришли люди, изучавшие западную экономику не саму по себе, а исключительно как элемент критики советской государственно-плановой системы. В данной статье рассматривается лишь то, как подобный подход сказался на изучении Китая, а также влияние неофициальной политизированности на некоторые концепции советского китаеведения.

Политическая культура: устойчивость традиции

Одной из наиболее влиятельных концепций советского китаеведения было утверждение особой, уникальной роли традиций в китайской истории¹. Эта идея

пришла в СССР с Запада, в основном из США, в основном среди «либеральных» (т.е. «левых») авторов. В 1950-е годы правые в США обвиняли в поражении Чан Кайши и приходе к власти в Китае компартии ошибками демократических администраций и даже подрывной деятельностью некоторых либералов, определявших в 1940-е годы китайскую политику Вашингтона. В ответ рядом либеральных китаеведов (Б. Шварц, Р. Соломон) была выдвинута теория об уникальной устойчивости китайских традиций. Согласно этой теории коммунизм наилучшим образом представлял китайскую традицию и фактически являлся возрождением традиционного авторитарного Китая в новых формах. Этим, по сути, оправдывалось поражение «сил демократии» в Китае, преодоление которыми тысячелетней авторитарной традиции было и вряд ли возможным.

Авторы концепции уникальной устойчивости китайской традиции рассматривали китайскую политическую культуру как необычайно устойчивую, почти не подверженную изменениям систему «устойчивых доминирующих ориентаций»², зародившихся еще в глубокой древности и воспроизведенных в новых формах в коммунистическом Китае. Известный американский политолог Л. Пай писал: «Комбинация бюрократической иерархии и идеологического подчинения управляла почти всеми измерениями традиционной китайской политической культуры. Как отмечали многие наблюдатели, коммунисты снова дали китайцам политическую систему, сконцентрированную вокруг бюрократической иерархии, на этот раз в форме коммунистической партии, и вновь интегрированную всепроникающей идеологией — марксизмом и маоиз-

в сборнике «Китай: традиции и современность» (М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976), она развивается в других статьях сборника, а также других сборниках о китайских традициях, подготовленных отделом Китая Института востоковедения АН СССР.

² Benjamin I. Schwartz. The world of thought in ancient China (Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1985).

¹ В концентрированном виде эта позиция выражена в статье Л.С. Васильева «Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае»

мом... Важно, что имперская бюрократия и коммунистическая партия в процедурной практике, так же как и конфуцианство и маоизм, в идеологическом содержании ясно подчеркивали вопросы власти и порядка»³.

В СССР эта концепция быстро нашла сторонников по ряду причин. Во-первых, она во многом соответствовала теории «азиатского способа производства», зародившейся в рамках марксизма, но имевшей оппозиционную по отношению к официальной идеологии направленность. Если критика маоизма давала возможность выразить мнение об отдельных политических аспектах советского режима, то теория «азиатского способа производства» позволила составить своеобразную всеобъемлющую теорию советского общества, основанную на смеси марксизма, веберизма и более новой западной теории тоталитаризма. Один из наиболее последовательных сторонников теории «азиатского способа производства» А.В. Меликсетов в 1970–1980-е годы так определял результат столкновения традиционного китайского общества с капиталистическим западным миром: «Главной... особенностью структуры китайского традиционного общества являлось непосредственное противостояние и взаимодействие мощного аппарата власти эксплуататорского государства и огромной массы мелких производителей деревни и города, что и нашло свое воплощение в китайском деспотизме. Господствующий класс китайской деспотии, опиравшийся на определенное единство собственности и власти, выступал прежде всего в качестве коллективного эксплуататора, как «класс-государство». Представляя собой в определенной мере единство базисных и надстроечных явлений, китайский деспотизм не только был мощным орудием классового господства, но и существенно воздействовал на процесс классовообразования; степень близости к власти становилась основным показателем социального статуса. Антагонисти-

ческая по своему характеру, деспотическая социально-политическая структура выполняла в то же время важные интегрирующие функции, связывая воедино хозяйственно-атомизированное общество, сдерживая его центробежные тенденции... В сфере частноправовых отношений подданный китайской империи имел определенные гарантии своей собственности, однако во взаимоотношениях с государством, в публично-правовой сфере, где, по выражению К. Маркса, царило «поголовное рабство», частный собственник никаких гарантий своей собственности и личности не имел... Деспотизм, китайская империя все больше расширяли свои экономические и социальные функции, все в большей мере использовали свою политическую власть для сдерживания социально-экономических процессов, грозивших гибелью старому строю. Политическая монополия, политическая сила, оказавшаяся способной в течение долгого исторического времени подавлять оппозицию, в условиях новой исторической эпохи порождала экономическое бессилие, обрекавшее в конечном счете некогда великий Китай на полное политическое подчинение капиталистическим державам»⁴.

Внимательный советский читатель, привыкший к эзопову языку, легко заменил в вышеприведенном тексте Китай на СССР и получал мощный вердикт советской системе: деспотизм, основанный на всеохватывающей госсобственности, эксплуатация поработенных масс трудящихся чудовищным «классом-государством», подавление оппозиции, отсутствие гарантий для частной собственности, и в результате — экономический застой. Напрашивались и рецепты: ликвидировать бюрократическую деспотию, дать свободу частной собственности и частному предпринимательству, прорвать международную изоляцию.

Тот факт, что, говоря об «азиатском способе производства» в Китае, сторонни-

³ Pye L. W., *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1992. P. 15–16.

⁴ Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 8–9.

ки этой теории в действительности думали об СССР, стал явным уже в период горбачевской «гласности». Один из ее основных сторонников Л.С. Васильев тогда написал, что «коммунистический тоталитаризм — лишь модификация классической восточной деспотии с ее произволом власти, бесправием индивида, строго контролируемым рынком и несвободной частной собственности. Модификация, к слову, экстремистская по основным своим параметрам, то есть ушедшая в сторону деспотизма много дальше, чем то было в случае с классическими восточными деспотиями»⁵.

Во-вторых, теория устойчивости традиций в Китае соответствовала аналогичной теории, выдвинутой сразу после революции 1917 г. рядом российских авторов, пытавшихся объяснить победу большевиков. Например, уже в 1918 г., еще находясь в России, Н.А. Бердяев написал следующие слова: «На поверхности все кажется новым в русской революции — новые выражения лиц, новые жесты, новые формулы господствуют над жизнью... Но попробуйте проникнуть за поверхностные покровы революционной России в глубину... Если пойти в глубь России, то за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи»⁶. Идеи преемственности большевистской России по отношению к царской Н.А. Бердяев последовательно развивал во многих своих произведениях. Например, в написанной значительно позднее и получившей широкое подпольное распространение в брежневском СССР книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он утверждал, что СССР — это возрожденная Российская империя или даже Московская Русь, а ленинский марксизм гораздо ближе к российским революционным традициям, чем к европейской социал-демократии. Эти идеи противостояли в глазах недо-

вольных советской действительностью исследователей-обществоведов, в том числе и китаеведов, официальной советской теории о принципиально новом, прогрессивном характере советского общества, и в связи с этим получили у них большую популярность. Не имея возможности развивать их на собственно советском примере, они с еще большим энтузиазмом переносили их на Китай.

В задачи данной статьи не входит оценка описанных выше концепций самих по себе. В конце концов, как показал еще в своей «Структуре научных революций» Т.С. Кун, даже в естественных науках исследователи работают в рамках определенных общих концепций, понятийных парадигм, что не умаляет научных достижений⁷. На основе концепции уникальной устойчивости китайских традиций были достигнуты значительные успехи в развитии советского китаеведения, вышли многочисленные серьезные работы, углубляющие наше понимание традиционного и более современного китайского общества. Но все это не должно закрывать глаза на моменты политизированности самой концепции, которые порой вели к искажению итогов исследований в сторону недооценки новых элементов в современном китайском обществе.

Да и в рамках самого понятия «традиционный Китай» содержалось некоторое представление о неизменности его политических форм, о том, что, хотя политическая система Китая до 1911 г. и несколько видоизменялась, эти изменения не носили принципиального характера⁸. В самой этой идее явно виден отпечаток европоцентризма, представления о том, что если общество не развивается в том направлении, куда идет Европа (Запад), то оно и не развивается вовсе, но существует в раз

⁷ Кун Т.С. Структура научных революций. М., 1975.

⁸ Это касается не только Китая. В рамках общей теории «застывшего Востока» существовали также представления о «неподвижной Византии», «застойной Османской империи», Индии, куда истинный прогресс, как считал, в частности, К. Маркс, принесло лишь английское завоевание.

⁵ Васильев Л.С. После банкротства // Новое время. 1990. № 49. С. 7.

⁶ Бердяев Н.А. 1991. Духи русской революции. Вехи. Из глубины. М. (впервые издано в 1918 г.). С. 251.

и навсегда застывших формах. Эта теория, получившая популярность в Европе XVIII–XIX вв. и, вроде бы крайне устаревшая, вновь всплыла в работах зарубежных и российских китаеведов XX в., считавших, что если развитие Китая не идет в «нужную» сторону (к демократии западного типа), значит, там (как и в СССР) возродился традиционный авторитаризм. Этот подход также недооценивал новые элементы китайского общества, не учитывал, что общественная эволюция возможна в различных направлениях, и если где-то на протяжении тысячелетий не возникли формы цивилизации, сходные с западной, это не означает, что общество там застыло и не меняется⁹.

Один из постулатов теории необычайной устойчивости китайской традиции — положение об уникальной древности и непрерывности китайской цивилизации, которая якобы в практически неизменном виде существует четыре или более тысячи лет. В концентрированном виде она была сформулирована А.И. Кобзевым в телепередаче «Что делать?», посвященной теме «В чем феномен китайской цивилизации», вышедшей на экраны на телеканале «Культура» в 2009 г. Согласно А.И. Кобзеву «китайская цивилизация — единственная цивилизация в мире, которая существует на этом месте не то что 5000 лет, но, по некоторым данным, больше 2 млн лет», а ее очаг «сопоставим с африканским». Он утверждал, что, согласно неким исследованиям, «китайцы на своей земле существуют от состояния полуобезьяньего» и «процесс сапиентации, превращения человека в человека с обретением всех основных черт цивилизации не только близких нам, но просто фундаментальнейших, складывание функциональных взаимоотношений между органами мышле-

ния, между полушариями мозга, образование языка, уж не говоря про письменности, все это на этой территории происходило и кумулятивно наращивалось»¹⁰. Далее А.И. Кобзев уточнил, что речь идет об особой развитости левого полушария у китайцев в отличие от правого у других народов, отметив, что это может быть связано и с расовыми особенностями¹¹.

В данном случае известный российский китаевед фактически солидаризировался с наиболее радикальной версией идеологии китайского «расового национализма», активно поддерживаемой пекинскими властями¹². Оно, как и всякая идеология, сочетает в себе ряд положительных верных и доказанных, ряд спорных и недоказанных и ряд откровенно ложных. Так, на сегодняшний день никаких доказательств того, что современные китайцы произошли по прямой линии от синантропа (а вероятно, именно синантроп здесь имеется в виду), не существует¹³. Промежуточные звенья не найдены, да и как выглядел синантроп — точно сказать крайне трудно, так как от него сохранились лишь несколько фрагментов черепа (значительная часть находок была утрачена)¹⁴. Эта теория одно время ак-

⁹ В замечательной работе А.А. Бокшанина показано, что китайское государство эволюционировало на протяжении всего времени своего существования, но не в том направлении, что в Европе. См.: Бокшанин А.А. Очерк истории государственных институтов Китайской империи // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М.: Наука. Восточная литература, 1993. С. 273–333.

¹⁰ «Что делать?» В. Третьяков. В чем феномен китайской цивилизации? (Китай) 01 (выпуск 244), 08.11.2009. <http://www.mgimo.ru/video/blog/blog.php?view=190&rub=1&play=1&page=1#190>

¹¹ Там же.

¹² По поводу этой идеологии см., например: Barry Sautman, *Peking Man and the Politics of Paleoanthropological Nationalism in China* / *The Journal of Asian Studies*. Vol. 60. No. 1 (Feb., 2001). P. 95–124; Sigrid Schmalzer, *The People's Peking Man: Popular Science and Human Identity in Twentieth-Century China*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.

¹³ Именно синантропу, которому, по последним данным, все же не 2 млн, а около 750 тыс. лет, приписывались черты монголоидов на основании сходства резцов. Более древние гоминиды, найденные на территории современного Китая, например, т.н. ланьтяньский человек (1 млн лет) или юаньмоуский человек (1,7 млн лет) признаков монголоидов не имели.

¹⁴ См., например: Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. Т. 1. М., 2006. С. 79.

тивно пропагандировалась китайскими учеными, стремившимися доказать уникальность своей цивилизации, но сегодня даже в Китае ее разделяют не все.

Исследования о корреляции между характером письменности и развитостью полушарий мозга, действительно, существуют. Согласно некоторым из них идеографическое письмо в большей степени способствует развитию левого полушария, отвечающего за чувства и ассоциации, в отличие от «логического» правого¹⁵. Но свидетельствует ли это об уникальности именно китайцев и их отличиях от всех остальных народов? Если особая роль «левизны» действительно связана с иероглифической письменностью, то следует признать, что иероглифы и сегодня используют не только китайцы, но и многие другие народы, а в прошлом это была вообще наиболее распространенная форма письменности. Как это повлияло на культуры различных народов, в какой период сложилось соотношение между полушариями, изменяется ли оно по сей день или остановилось, например, когда и древние египтяне, и жители Ближнего Востока писали иероглифами: вопрос, достойный изучения. Но в любом случае, китайцы здесь не уникальны. Если же «левизна» — следствие расовых отличий, то она должна быть присуща не только китайцам, а всем монголоидам.

Широкой распространенности мифологии об особой устойчивости китайской цивилизации способствует ее активная поддержка пекинским руководством, так как она позволяет ему, во-первых, гордиться древностью своей нации, а во-вторых, утверждать, что все территории, когда-либо контролировавшиеся любым государством, в состав которого входила хотя бы часть территории нынешнего Китая, исторически принадлежали Китаю. Например, территории, отошедшие к России во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке, были китайскими, потому что их считали своими маньчжуры, а Тибет и собственно Монголия — пото-

му что они входили в монгольскую империю. На том же основании правительство Китайской республики на Тайване до сих пор не признает независимость Монголии и даже официально не считает Окинаву частью Японии¹⁶.

Китай, по праву считающийся отдельной цивилизацией, необходимо сравнивать с другой приблизительно равнозначной по масштабам, например, европейской или индийской. По сравнению с ними в Китае мы увидим ничуть не меньше разрывов традиции и изменений. «Китай», т.е. государства, находившиеся на его нынешней территории, многократно завоевывались пришельцами, которые и этнически, и культурно сильно отличались от покоренных народов. Так, государство Шан-Инь было завоевано чжоусцами, в X—XIII вв. большую часть северного Китая занимали киданьское государство Ляо, а затем чжурчжэньское государство Цзинь, причем китайская династия Южная Сун признала себя вассалом последнего. В XIII—XIV вв. Китай находился под властью монголов, а с середины XVII по начало XX в. — маньчжуров. Считать все эти государства китайскими — все равно, что записывать всех, кто когда-либо завоевывал хотя бы часть нынешней территории России, от древних греков до монголов, не говоря уже о ханствах Центральной Азии и польско-литовском государстве — в русские. Конечно, если речь идет о Китае как цивилизации — это сделать возможно, но не в большей степени, чем считать все народы Европы, от древних греков, до завоевавших Рим кочевников, и владевших частью Европы турок-османов — частью большой европейской цивилизации.

Важным аргументом в пользу уникальности китайской цивилизации обычно служит то, что все китайские завоеватели ассимилировались китайской куль-

¹⁵ Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая: Древнекаменный век. М., 1996. С. 37–43.

¹⁶ Абсурдность обыденного взгляда на китайскую историю, распространяемого пекинской пропагандой, замечена давно. Интересно в этом плане сатирическое изложение истории Европы ее глазами: Кузнецов С. Краткая история Европы в изложении для китайцев. UREL: <http://skuzn.livejournal.com/626075.html?page>

турой. Но это не означает, что сама эта культура не изменялась. Таким же образом можно говорить и об ассимиляции варваров римской культурой: религия и латинский язык сохранились. Но в то же время феодальная Европа — это совсем не римская империя, так же как Китай под властью монголов династии Юань — совсем не сунский Китай. Что касается конфуцианства, то и его влияние не было безграничным. Китай знал целые эпохи, когда конфуцианство уходило на второй план, а наиболее влиятельными идеологиями становились легизм, буддизм, позднее — марксизм. Изменялись ли все эти системы под влиянием конфуцианства в большей степени, чем, например, в Европе христианство под влиянием философии Аристотеля — это еще вопрос.

Не выдерживает критики и постулат о незначительности внешних влияний, которые якобы не вели к изменениям коренной конфуцианско-легистской идеологии. Многие учения, широко распространившиеся в Китае и ставшие неотъемлемой частью его культуры, имеют не китайское происхождение. Пришедший из Индии буддизм, например, оказал огромное влияние на культуру и философию страны и в некоторые периоды фактически играл роль государственной религии. Контролировавшие значительную часть страны в XIX в. тайпины объявили своей идеологией христианство. «Три принципа» Сунь Ятсена гораздо меньше связаны с конфуцианством, чем с рядом западных теорий («разделение властей», теория Генри Джорджа, позднее — ленинского марксизма). Наконец, марксизм — государственная идеология современного Китая тоже пришел с Запада. Естественно, все эти учения изменялись на китайской почве, но то же происходило и со всеми другими учениями по мере их распространения по миру, например с христианскими политическими теориями и тем же марксизмом в России, исламом в Индии.

Пожалуй, наиболее веский аргумент в пользу уникальности китайской традиции — это китайская письменность, которая объединяет собой эпохи и поко-

ления. Действительно, образованный китаец и сегодня может читать довольно древние тексты и более или менее понимать их. Но сегодня таких людей в Китае становится все меньше и меньше. Классический китайский язык «вэньянь» не много учат в средней школе, но это особых знаний не дает. Всерьез его изучают лишь специалисты в университетах на гуманитарных факультетах. Остальные вряд ли смогут сегодня прочитать даже текст начала XX в. При этом не следует забывать, что приблизительно до 1960-х годов в большинстве школ многих стран Западной Европы в качестве обязательного предмета преподавали латынь (а иногда и древнегреческий), на ней же до Второго Ватиканского собора (1962–1965) велось богослужение в католических церквях. В результате многие образованные европейцы, учившиеся в школе до того времени, или просто верующие-католики до сих пор владеют латынью. Так что Китай в этом отношении, в связи с поздним распространением современного языка в письменной литературе, возможно, лишь несколько отстает от Европы.

Сравнения с Индией еще в большей степени не позволяют говорить об уникальной устойчивости китайских традиций. Многократно завоевывавшаяся различными пришельцами Индия, так же как и Китай, сохранила свою религиозную культуру, иноземные учения также подвергались изменениям на индийской почве. В Индии и соседних государствах образованные люди также владеют санскритом, который весьма близок к основным современным языкам этого региона. Возможно, Индия в несколько в меньшей степени, чем Китай, сохранила древний язык, но зато в значительно большей — традиционную социальную структуру. И тем не менее, точно так же как и Китай, сегодняшняя Индия значительно отличается от древней.

Идея о том, что Мао Цзэдун — новый Цинь Шихуан, коммунисты — новая династия, а огосударствление собственности привело к восстановлению традиционной формы хозяйства, слишком проста. На современный Китай возможен

и совершенно другой взгляд. Начиная с 1920–1930-х годов китайская наука (за исключением некоторых философских произведений) не оперирует традиционными понятиями. В современном Китае, причем как на материке, так и в Гонконге и на Тайване (в отличие, например, от ряда мусульманских стран), на полках магазинов вы не найдете книг, анализирующих вопросы современной экономики, политики или жизни общества в традиционных терминах. Китайские экономисты, историки и политологи пользуются западной терминологией (к которым относятся и марксистские). Из конфуцианства используются лишь отдельные термины (типа «сяокан»), но их немного. В современном Китае гораздо лучше знают теории западных экономистов и политологов, чем построения Конфуция или Шан Яна. Традиционные теории изучают, но на практике применяют исключительно западные. Справедливости ради стоит сказать, что последнее время появились попытки применить некоторые традиционные теории, например, к внешней политике. Но современный мир изменился, и сделать это сложно, в любом случае, необходим некоторый синтез традиционного и современного.

Современные китайские молодые люди мало напоминают традиционных китайцев, они мало знают классическую культуру и не особо интересуются ею. По всем показателям: количество разводов, участие женщин в общественной жизни, уровень рождаемости и т.п. — китайское общество уже не то, что было 100 и даже 20 лет назад. Конечно, какие-то традиции, такие как уважительное отношение к старшим, долг по отношению к семье и родственникам, любовь к родным местам, передаются из поколения в поколение, но и они уже мало связываются с традиционными верованиями (культ предков и т.п.).

Отношение в современном Китае к традиционной культуре говорит скорее о пренебрежительном отношении к древней культуре, чем о ее уважении. Конечно, большинство китайцев знают свою мифологизированную историю, как и во многих странах, воссозданную писателями и

политиками-националистами в Новейшее время. Но в то же время древние памятники разрушаются в массовом порядке, на их месте строятся либо кварталы новых домов, либо современные муляжи, способные привлекать туристов. Стоит задуматься о том, что в этой стране древней культуры практически нет аутентичных зданий старше XV в. — все они либо снесены, либо перестроены. Нет ни одного города (за исключением небольших поселений, взятых под охрану в самое последнее время), сохранившего свой исторический облик. Чего стоят в этом отношении знаменитые древние Сучжоу и Ханчжоу, полностью перестроенные за последние 15–20 лет! А ведь повсюду в Европе можно встретить сооружения римского и даже греческого периода и целые города, в значительной мере сохранившие средневековый архитектурный комплекс. Даже в России есть церкви XI и XII вв. Вряд ли такое отношение к реальным памятникам истории свидетельствует о глубокой связи с традицией.

Конечно, по мере экономического развития и выхода Китая в мировые лидеры интерес к традиционной культуре повышается. Но это лишь интерес, а вовсе не призывы восстановить традиционный уклад, которые раздаются во многих мусульманских странах. В Китае невозможно представить «конфуцианскую революцию» по примеру «исламской революции» в Иране, или «шариатского правления» Талибана в Афганистане. Китай не называет себя конфуцианской республикой, как, например, Иран или Пакистан. Но даже стремление восстановить традиционный уклад не означает, что он действительно восстановлен. Такое вообще невозможно: и Иран, и Пакистан, и Афганистан сегодня — совсем не те, что были тысячу лет назад, да и не могут стать таковыми.

По мнению многих, не традиционная культура стала причиной как упадка страны при Мао Цзэдуна, так и нынешнего ее подъема. Объяснения этих явлений влиянием конфуцианства ничего не дают. Не следует забывать, что сторонники уникальности традиций сначала объясняли ими политику Мао Цзэдуна и экономиче-

ский коллапс, ею вызванный, а затем ими же — экономический подъем, вызванный реформами Дэн Сяопина.

Между тем сами китайцы вовсе не воспринимали республиканский Китай как продолжения имперского. Борьба за республику велась под лозунгами ликвидации иноземного господства Цинов, а затем новое понималось как полное отвержение конфуцианства, вэньяня и всего старого, отсталого и «феодалного». И лидеры движения за новую культуру, и Мао Цзэдун считали конфуцианство главным врагом и весьма преуспели в уничтожении конфуцианского наследства. И сегодняшние попытки официальных кругов, в условиях отсутствия «правильных» моральных ориентиров у молодежи, вновь использовать некоторые конфуцианские ценности и теории только свидетельствуют о том, насколько глубоко зашел процесс «вестернизации» на самом фундаментальном уровне.

В любом случае, говоря о современном Китае, следует иметь в виду, что помимо теории неизбежности традиций на Западе и в самом Китае существуют и другие подходы. Пожалуй, наиболее ярким критиком теории возрождения конфуцианства в новых формах был Дж. Левинсон, посвятивший доказательству смерти китайского конфуцианства в XX в. публиковавшуюся с 1958 по 1965 г. трилогию «Конфуцианский Китай и его современная судьба». По его мнению, «преемственность китайской истории, в том числе ее коммунистической фазы, можно отстоять без объяснения последней возвращением извечно-го конфуцианства. Недовольство системой помещичьего землевладения, семейной системой, конфуцианским образованием накапливалось в Китае в течение длительного времени, а вовсе не со вчерашнего дня в доктринерских директивах. Хотя коммунисты, будучи у власти, способствовали распространению этих идей, их источники находятся глубоко в полутора столетиях бессистемного западного воздействия на более раннюю общественную структуру, которая была предложена для контакта»¹⁷. Со-

гласно Дж. Левинсону, если «интерпретировать интеллектуальную историю не как историю «мысли», а как историю мыслящих людей, можно увидеть не бескровное конфуцианство, накладывающее себя через личность на столь же абстрактный коммунизм, но уступающие дорогу, живущие, чувствующие и ослабляющие влияние конфуцианские поколения. Трансформированная и оставленная конфуцианская традиция прямо привела к коммунистической версии измененного китайского мировоззрения, не путем имманентного сохранения себя в коммунистической доктрине, но, не сумев сохранить себя, оставив наследников без гроша, потенциально чужими в собственной земле и, таким образом, прельстив их новой доктриной как ответом на их нужды»¹⁸.

Менее радикальную позицию занимает один из наиболее глубоких специалистов по китайской культуре американский исследователь тайваньского происхождения Ду Вэймин. Он соглашается, что вестернизация конфуцианского региона, включая Японию, две Кореи, материковый Китай, Гонконг, Тайвань, Сингапур и Вьетнам, «возможно, навсегда изменила интеллектуальный ландшафт», и считает, что «после более чем столетних унижений и разочарований, вызванных империалистическим и колониальным доминированием современного Запада, подъем индустриальной Восточной Азии символизирует унаследованную от эпохи Просвещения индустриальную рациональность, взятую в избытке. Ментальность Японии и многих «драконов» как раз и характеризуется... меркантилизмом, коммерциализмом, способностью к жесткой международной конкуренции. Китайская Народная Республика, родина циничного мира, со всей очевидностью избрала ту же стратегию развития и, таким образом, демонстрирует ту же ментальность, с тех пор как в 1979 г. были запущен процесс реформ. Конечно, возможность того, что они эволюционируют к более гуманному и устойчи-

¹⁷ Josef R. Levinson, *Confucian China and its Modern Fate: a Trilogy* (Berkeley and Los

Angeles: University of California Press, 1965. Vol. 1. P. 162–163.

¹⁸ Там же.

чивому сообществу, не стоит преувеличивать». Но в то же время, по мнению Ду Вэймина, «их коренные интеллектуальные ресурсы, включающие буддизм Махаяны, даосизм, синтоизм, шаманизм и другие народные традиции, способны выйти на поверхность и сделать свое присутствие заметным в новом синтезе», и «не стоит и просто отвергать широкое значение возрождения крупнейшей цивилизации в смысле ее собственного понимания и собственного направления»¹⁹. Таким образом, по мнению Ду Вэймина, практически заглавленная вестернизацией традиция все же имеет шанс возродить некоторые свои элементы в будущем, смягчить западный «меркантилизм» и способствовать созданию конструктивного синтеза.

В любом случае, говорим ли мы о смерти конфуцианской традиции в ее классическом смысле или о ее возможном синтезе с внешними влияниями, эти внешние влияния сыграли значительную роль в китайской истории XX в., коренным образом изменив китайское общество. Их невозможно не учитывать, сводя все лишь к простому возрождению старого в новых формах.

Описанные выше политические условия, способствовавшие концентрации советских китаеведов на возрождении традиций, исчезли с распадом СССР. В эзоповом языке больше нет нужды, и, оценивая труды по Китаю, никто больше не будет делать скидки на то, что автор, недостаточно точно описав собственно Китай, внес большой вклад в борьбу за лучшее будущее собственной страны, заклеив ее политический режим. В этих условиях, на основе достижений советского китаеведения, и уйдя от его политизированности, необходимо более предметно заняться изучением собственно китайского общества. Нисколько не умаляя значения изучения традиций и их роли в современном обществе, сегодня необходимо сконцентрироваться и на изучении новых явлений, синтеза нового и старого.

Что касается собственно традиций, то от постулирования их возрождения в новых формах необходимо перейти к более детальному изучению конкретных механизмов их реальной передачи, а также механизмов возникновения общественных и культурных инноваций.

Внутренняя политика: Сталин и Мао

С утверждениями о том, что как советский, так и китайский коммунистический строй являются не чем иным, как возрождением многолетней имперской традиции, связано их фактическое отождествление. В работах советского периода это отождествление, естественно, не могло быть сформулировано прямо и выражалось в таком описании китайской внутренней политики, в особенности репрессивных кампаний, которое можно было бы легко приложить к описанию сталинского террора. Причиной такого подхода было желание подвергнуть косвенной критике сам сталинский террор, однако вел он к явному затушевыванию различий между политикой И.В. Сталина и Мао Цзэдуна, к непониманию принципиальных различий между ними.

Наиболее яркой китайской репрессивной кампанией и по числу пострадавших, и по влиянию на общество, безусловно, была «Великая пролетарская культурная революция». Она часто описывалась в СССР, причем как консерваторами, так и либералами, как хорошо организованная Мао и его окружением акция, направленная на устранение соперников и неугодных в руководстве КПК. Действительно, после провала политики «трех красных знамен» в начале 1960-х годов в руководстве страны большое влияние получили лидеры, выступавшие за более медленное построение социализма, допущение отдельных элементов частной собственности и последовательное экономическое строительство. Именно они и подверглись репрессиям в годы «культурной революции». В рамках этой концепции «культурная революция» по целям была сходна со сталинскими репрессиями, но лишь проводилась несколькими методами.

¹⁹ Tu Wei-ming. The Confucian World. URL: <http://www.coloradocollege.edu/academics/anniversary/Transcripts/TuTXT.htm>

В то же время исследования событий «культурной революции», беседы с ее участниками показывают, что по атмосфере, целям и результатам она значительно отличалась от сталинских репрессий. Первое, что настораживает, — это отношение к «культурной революции» тех из ее участников, кто впоследствии встал на антикоммунистические позиции, — китайских «диссидентов». Невозможно представить, чтобы кто-то из советских диссидентов позитивно оценил хотя бы какой-то из аспектов сталинского террора. Это и понятно — организованное убийство тысяч людей вряд ли может вызвать какие-то положительные эмоции. Между тем многие китайские диссиденты с одобрением и даже некоторой ностальгией отмечают атмосферу свободной критики, внезапно возникшей после начала «культурной революции», и возможность обратить эту критику против реальных недостатков. Конечно, это критика не была неограниченной. Самого Мао нужно было боготворить. Но его именем можно было делать почти все что угодно.

Так, оценивая «культурную революцию» сегодня, ее участник, а ныне — известный оппозиционный философ Го Лоцзи говорит: «Вопрос о «культурной революции» очень сложен. Вначале молодежь и простой народ были преисполнены революционного энтузиазма, многие поднялись на борьбу с бюрократизмом, потому что долгое время испытывали гнет коммунистической бюрократии. Поэтому, когда Мао Цзэдун призвал к проведению «великой культурной революции», внизу воспользовались этим призывом для борьбы с бюрократией в своем учреждении. В ней были и положительные стороны, но очень многие методы были крайне варварскими»²⁰. Другой оппозиционный теоретик Ван Цзюньтао, проводивший несколько лет после событий 1989 г. в тюрьме, так сравнивает ситуацию в КНР и СССР: «Первое различие — это великая культурная революция. Мао Цзэдун разрушил авторитет компартии, для китайских

молодых людей компартия — не авторитет. Для Вас, возможно, компартия всегда была авторитетом. Ни Сталин, ни Брежнев, ни революционеры не думали пошатнуть авторитет компартии. Но Мао Цзэдун считал, что низы могут свергать верхи... Он не называл это борьбой с компартией, но провозгласил: «Бунт — дело правое!» Он говорил, идея о том, что «бунт — дело правое», — суть марксизма. Эту песню пела вся китайская молодежь. Если бюрократ — я могу против тебя бунтовать!»²¹

Эти и подобные оценки заставляют задуматься над различиями, которые сводятся к следующему. Сталинский террор был хорошо организованной кампанией по физическому устранению политических противников единоличной власти И.В. Сталина, а затем — по физическому устранению лиц, которые по своему происхождению, образованию, положению в обществе когда-либо в будущем могли этой власти представлять какую-либо угрозу. Конечно, в такой огромной стране, как СССР, он сопровождался определенной неразберихой, затрагивал самые различные слои общества, случались ошибки (в том смысле, что кто-то спасался, а репрессировали не того, кого хотели), но определенная логика, организованный характер репрессий и направленность на физическое уничтожение основных объектов террора не вызывают сомнений.

Механизм «культурной революции» в КНР был совершенно иным. Ее основным проводником были не правоохранительные органы, но само население, прежде всего молодежь. Именно молодежь, а позднее — рабочие, формировали отряды, которые осуществляли репрессии против собственного руководства. Их объектом были не столько конкретные люди, сколько бюрократический класс в целом (за исключением армии). Проводилась она неорганизованно, отдельные группы боролись между собой, что создавало возможность лавирования между ними. Маоистское руководство лишь запустило движение, далее оно развивалось по соб-

²⁰ Интервью автора с Го Лоцзи. Бостон. 03.07.1998.

²¹ Интервью автора с Ван Цзюньтао. Нью-Йорк. 07.01.1998.

ственным законом, а когда зашло слишком далеко, было подавлено при помощи армии. И наконец, что особенно важно для дальнейших судеб страны: жертвы как правило физически не уничтожались, а подвергались психологическому террору с целью «перевоспитания». Именно поэтому большинство противников курса Мао выжили (в отличие от противников И.В. Сталина) и после смерти «великого кормчего» пришли к власти.

«Культурная революция» — не хуже и не лучше сталинского террора. Обе кампании принесли страшные бедствия. Но они принципиально различны не только по ходу, но и по идеологическим основаниям. В рамках коммунистической тоталитарной модели у И.В. Сталина не было идеологических предпочтений, его целью была власть сама по себе. В тактических целях он мог блокироваться с правыми, чтобы свергнуть левых, а затем брать на вооружение левую политику, чтобы свергнуть правых. Он не верил в народную активность и боялся ее. Его модель государства — модель безграничной единоличной власти, опирающейся на машину государственного террора. Для Мао государство было малоинтересно. Он считал, что коммунизм могут построить проявляющие активность народные массы, которые бюрократическое государство только сковывает. Не случайно он говорил, что хотел бы повторять «культурную революцию» каждые десять лет. Если И.В. Сталин был фанатиком тоталитарной государственной власти, то Мао — фанатиком тоталитарной активности народных масс, единственным ограничением которой должна была быть любовь к нему (так как он считал, что хочет народу добра). В этом смысле И.В. Сталин был гораздо более традиционен, «восточен», в смысле склонности к «восточному деспотизму». Идеи Мао гораздо сильнее связаны с теориями левого коммунизма, близко-го к троцкизму с его критикой бюрократии, и даже анархизму, а также к идеям «движения 4 мая» — с его ненавистью к традиции, конфуцианству, которые, как считалось, мешают прогрессу страны. Он не только не восстанавливал традиционную китайскую империю, но боролся с ней и считал, что

его соратники-традиционалисты, как только он отходит от дел, восстанавливают традиционную бюрократическую структуру. Но, не признавая демократических методов борьбы с бюрократией и застоём, он в соответствии с левыми утопическими идеями, предпочитал бороться с ними гневом народных масс. Именно поэтому, отрицая его левые и социалистические идеи, некоторые диссиденты признают его искренность в борьбе с тем, что Л.Д. Троцкий называл «диктатурой секретариата».

Различия между сталинскими репрессиями и «культурной революцией», кроме всего прочего, во многом определили и дальнейшие неодинаковые судьбы КНР и СССР. Перефразируя Л.Н. Толстого, можно сказать, что не только семьи, но и народы, в том числе и под властью компартий, могут быть несчастливы по-разному. Недооценка этих различий ведет к односторонности и недостаточному пониманию исторических процессов.

Внешняя политика: возрождение империализма

Другая идея, основанная на идеологическом подходе, сводится к тому, что во внешней политике КНР возродила империалистическую или «китаеццентристскую» политику, характерную для императорского Китая. С этим в СССР были согласны как коммунистические ортодоксы, критиковавшие Пекин за отход от «пролетарского интернационализма», а по сути, от поддержки внешнеполитического курса Москвы, так и либералы, считавшие советскую политику «империалистической» и использовавшие пример «империализма» Пекина для ее скрытой критики. Как и в случае с традициями, этот подход вел к упрощенному пониманию внешней политики обоих государств и абсолютизации их сходства.

Среди противников советского режима уже во время существования СССР установилось мнение, что и СССР, и КНР отбросили в реальной политике марксистские теории пролетарского интернационализма и мировой революции и, используя их только для идеологического прикрытия, в действительности осуществ-

вляли традиционную территориальную экспансию. Хорошим примером здесь может служить известное эссе А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», в котором он писал: «Китай, как и наша страна, пережил революцию и гражданскую войну и, как и мы, воспользовался марксистской доктриной для консолидации страны. Как и у нас, по мере развития революции марксистская доктрина становилась все в большей степени камуфляжем, который более или менее прикрывал национал-имперские цели. Обобщенно говоря, наша революция прошла три этапа: 1) интернациональный, 2) национальный, связанный с колоссальной чисткой старых кадров, и 3) военно-имперский, закончившийся установлением контроля над половиной Европы. Как мне кажется, китайская революция проходит те же этапы: интернациональный период сменился националистическим, и по логике событий, вслед за этим должна последовать внешняя экспансия»²².

Внутри СССР люди, не являвшиеся диссидентами и публиковавшие свои работы официально, естественно, не могли рассуждать подобным образом про свою страну, но после разрыва с Пекином могли называть империалистическим Китай. Для них это было не только научным анализом, но и актом выражения несогласия с советской политикой, вернее, критическая политическая позиция в отношении СССР способствовала движению их анализа политики Пекина в данном направлении. Это позволялось в связи с тем, что и сторонники официальной позиции, пытаясь найти объяснение антисоветизма Пекина, также часто объясняли его скачиванием к империализму.

Что касается СССР, то упрощенный характер понимания его внешней политики как простого продолжения экспансионизма российской империи хорошо виден именно на примере отношений с Китаем²³. Лишь марксистско-ленинская

убежденность в том, что Китай, объединенный под властью «национально-демократического» Гоминьдана, а затем «рабоче-крестьянской» КПК, может стать надежным союзником социалистического СССР в борьбе с мировым империализмом, могла заставить Москву вооружать и всеми силами укреплять эти две организации. Обе они, консолидировав страну под своей властью с советской помощью, позднее занимали антисоветские позиции. Такая политика никак не могла проводиться царским режимом, всегда предпочитавшим не способствовать объединению Китая, а закрепляться на его территории. Другой пример: смягчение условий союза с Китаем в договоре с коммунистическим Пекином 1950 г. по сравнению с договором 1945 г., заключенным с гоминьдановским правительством. Здесь уступки И.В. Сталина можно только объяснить идеологическим видением коммунистического Китая как ближайшего союзника, в отличие от «классово чуждого». Вряд ли царское правительство могло бы добровольно пожертвовать российскими интересами в Китае ради какого бы то ни было «социально близкого» режима²⁴. И уж оно точно никогда бы не сдало «классовому другу» таких важных «агентов влияния», как, например, один из высших руководителей КНР Гао Ган, а именно это сделал И.В. Сталин, пытаясь наладить отношения с Мао Цзэдуном.

Таким образом, следует согласиться с выводом А.Д. Воскресенского, заключившим, что «на определенном этапе в советском подходе к отношениям с КНР обладали скорее идеологические, чем геополитические факторы. Или, что будет точнее, идеологические факторы стали определять геополитический подход. В этом состояло еще одно различие между отношениями Китая с царской и Совет-

XVII—XXI веках. М. : Восток-Запад : АСТ, 2007. Гл. 2.

²² Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1969.

²³ Подробнее см.: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в

²⁴ Внешняя политика, основанная на идеологии, была известна и ранее, хотя, конечно, не была основной, а скорее исключением. Один из примеров — союз Николая I с Австрией, который в смысле обычных национальных интересов ничего не давал России.

ской Россией. В данном случае также очевидно, что «новые» отношения не были в равной степени благоприятными для обеих сторон»²⁵.

Что касается желания И.В. Сталина расширять территории СССР и создавать марионеточные режимы по всему миру, то и это можно объяснить с марксистских позиций как желание расширить область господства социализма как более прогрессивного строя. Вот один из наиболее радикальных примеров. И.В. Сталин в свою очередь в беседе с генеральным секретарем ИККИ Г. Димитровым 7 сентября 1940 г. так сформулировал отношение к исчезновению Польши с карты мира: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население»²⁶. Речь здесь, как видим, идет не о территориальных приобретениях СССР, а о расширении сферы распространения социализма.

Конечно, в политике И.В. Сталина идея восстановления территории Российской империи как территорий, по праву принадлежащих СССР, вероятно, играла определенную роль. Но она причудливо переплеталась с марксистскими воззрениями, причем в зависимости от обстановки в различные периоды те или иные элементы этой общей идеологии выходили на первый план.

Внешнюю политику КНР также вряд ли можно рассматривать как исключительно экспансионистскую в традиционном, имперском понимании. После прихода к власти КПК И.В. Сталин рассматривал Китай как форпост социализма в Азии. С этой ролью Пекин в тот

период был согласен. Советский лидер говорил, что, «поскольку СССР входит в Азию лишь частично, а Китай весь в Азии, ему должна принадлежать первая роль»²⁷. Обобщая взгляды И.В. Сталина на Китай накануне победы коммунистов, С.Н. Гончаров, Дж. Льюис и Сюэ Литай делают вывод: «Китайцы получают собственную сферу ответственности и влияния, но будут действовать под всеобъемлющим контролем Москвы так, чтобы не поставить под угрозу ее целей. Китайцев поощряли на более активные и агрессивные действия в Азии, но лишь до той степени, чтобы в них не оказалась замешана Москва»²⁸.

После ссоры с Москвой Пекин продолжил деятельность на поддержку радикальных коммунистических движений в слаборазвитых странах в Азии и по всему миру, но уже без учета интересов Москвы, принял на себя роль революционного лидера «третьего мира». Теория «трех миров» была развитием ленинизма-сталинизма в условиях разрыва с СССР, но ее и основанную на ней политику трудно объяснить традиционным экспансионизмом. Не могли же в Китае серьезно считать, что после победы маоистов, например, в Индонезии или других, еще более отдаленных странах, Китай присоединит их.

Сложно с точки зрения традиционного экспансионизма трактовать призывы Мао Цзэдуна к третьей мировой войне с использованием ядерного оружия. Вряд ли в имперских интересах Китая была гибель значительной части его населения, а затем — победа коммунизма во всем мире, где, вероятно, более влиятельный СССР все равно бы играл более значительную роль. Наиболее экспансионистский пример из китайской внешнеполитической практики: провоцирование вооруженных конфликтов с Индией в конце 1950-х — начале 60-х годов. Однако и здесь есть яв-

²⁵ Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Муравей, 2004. С. 466.

²⁶ Цит. по: Сальков А.П. «Польский вопрос» и западная граница СССР в советской внешней политике (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.) // Российские и славянские исследования: сб. науч. ст. Вып. 1 / редкол.: О.А. Яновский (отв. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2004. С. 214.

²⁷ Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 171.

²⁸ Goncharov S.N., Lewis John W. and Litai Xue. Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, California: Stanford University Press, 1993. P. 72.

ные черты марксистского подхода. Так, реагируя на знаменитое заявление ТАСС 1959 г. по поводу китайско-индийского пограничного конфликта, Пекин выражал непонимание, почему Москва прямо не встала на сторону социалистического Китая в споре с капиталистической Индией. С точки же зрения Москвы, Индия была одним из лидеров «прогрессивных развивающихся стран», союзницей мирового социализма, поэтому речь шла о сложном не только геополитическом, но и идеологическом выборе.

Сегодняшний Китай, конечно, во внешней политике отошел от марксизма гораздо дальше, чем в 1950–1960-е годы. Но и сегодня объяснять его внешнеполитический курс исключительно возрождением традиционных теорий и практики было бы слишком упрощенно. Традиционная китайская внешнеполитическая доктрина не знала ни концепции равных отношений с партнером, ни понимания, что в мире вообще существуют другие государства, ни четкой трактовки государственных границ, ни много другого. Но сегодня Китай изменился, изменился и внешний мир. Сегодня Китай, как современное государство, естественно, все эти понятия активно использует. Поэтому наиболее конструктивными представляются попытки трактовки современной внешней политики Пекина как результат сочетания, синтеза различных традиционных, националистических (теорий Сунь Ятсена и т.п.) и более современных подходов²⁹.

В любом случае, излишняя идеологизированность ведет как к научной необъективности, так и к весьма опасным и нереалистичным прогнозам. Не следует забывать, что упоминавшийся А. Амальрик, ожидавший так и произошедшего роста экспансионизма Пекина, предсказывал неизбежность советско-китайской

войны и даже призывал демократические США не проявлять «расизма», не помогать СССР и встать на сторону Китая. Вряд ли современные аналитики, исходящие из извечности и неизменности китайского подхода к миру, способны на более реалистичные и полезные для России прогнозы.

Выводы

Задача отделить попытки достижения политических или идеологических целей от поисков научной истины ставилась в общественных науках давно. М. Вебер сформулировал ее еще в начале XX в. Выдающийся немецкий социолог считал основным условием превращения науки об обществе в «объективную» отделение изучения «сущего» от «долженствующего быть сущим». Другими словами, исследование того, что есть на самом деле (реальности), нельзя смешивать с описаниями того, что «должно быть» (отсутствующего в реальности идеала), и призывами стремиться к нему. Это не означает, что об идеалах, о том, к чему следует стремиться, писать нельзя, что не следует заниматься, по определению М. Вебера, разработкой «оценочных суждений об определенных политико-экономических мероприятиях государства»³⁰. Но два эти стиля не нужно смешивать, и что особенно важно, нельзя выдавать работы, написанные с политической целью, за научное исследование: такое произведение будет политической статьей, докладом, рекомендацией, но не исследованием научной истины. Конечно, исследователь не может полностью исключить влияние собственных взглядов и политической позиции на свое исследование, но он должен хотя бы пытаться это делать, понимать, что такое влияние вредит цели установления научной истины.

Так сложилось, что исследования международных отношений особенно тесно связаны с политикой. Это характерно не только для России и Китая, так обстоит дело и в других странах. Однако полное господство идеологии в СССР

²⁹ Интересный пример: Чжао Хунвэй. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии. Аналитические записки НКСМИ МГИМО(У) МИД России. Выпуск 1 (21), январь 2007. URL: <http://old.mgimo.ru/fileserver/books/az-21.pdf>

³⁰ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. М., 1990. С. 346.

особенно сильно повлияло на общественные науки, что часто дает о себе знать не только прямо, но и косвенно. Поскольку большинство из нас вышло из того времени, то его отпечаток сохраняется на некоторых исследованиях и сегодня. Однако политическая ситуация к настоящему времени коренным образом изменилась, нужна в использовании китайского

примера для описания собственной страны отпала, про ее политические и экономические проблемы вполне можно говорить прямо. И российские китаеведы имеют полную возможность заняться собственно Китаем, без оглядок на Россию. Именно такой неполитизированный подход и даст наиболее объективный материал для сравнительных исследований.

ВЛИЯНИЕ «ВНЕШНИХ ПЕРТУРБАЦИЙ» НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ, СТРУКТУРИРОВАНИЯ И АДАПТАЦИИ КОАЛИЦИЙ АКТОРОВ ДАТСКОЙ И ШВЕДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ КООРДИНАЦИИ ВОПРОСОВ ЕС*

И.В. Ермолин

На процесс адаптации акторов в коалиционных образованиях любых политических систем влияют как внешние, так и внутренние факторы. В данной статье я уделю внимание внешним факторам, обусловившим адаптацию акторов коалиционных образований и возвышение коалиций Кабинета Премьер-министра стран и Министерства финансов в политической подсистеме координации предложений ЕС в датской и шведской политических системах.

В Дании в это время уже существовала «зрелая» политическая подсистема координации вопросов ЕС, которая отвечала следующим критериям:

- акторы политической подсистемы — частично автономные сообщества, которые разделяют общие ценностные установки и разделяются по компетенции;

- акторы пытаются оказывать влияние на государственную политику внутри своей компетенции достаточно долгий промежуток времени;

- существуют специальные подразделения внутри *акторов* на всех уровнях управления, которые решают различные проблемы в их компетенции;

- заинтересованные организации или специальные подразделения внутри

заинтересованных организаций рассматривают имплементацию вопросов как главный политический предмет обсуждения¹.

Основными чертами этой политической подсистемы являлись сложившаяся система мировоззрения и политико-интенциональное учение во властвовавшей коалиции акторов, в то время как в Швеции в 1994 г. только начиналось структурирование «формирующихся» коалиционных образований. Таким образом, о смене парадигмы развития политической подсистемы регулирования вопросов ЕС можно говорить только в случае Дании. В Швеции же вся борьба происходила за новую политическую реальность в политической системе.

Внешние (системные) события включают в себя главные социально-экономические изменения в политической системе или, согласно П. Сабатьеру и Х. Дженкинсу-Смиту, внешние «пертурбации», внешние шоки, такие как диспропорции экономического развития или рост социальных движений; изменения в общественном мнении,

¹ Sabatier P.A. An advocacy coalition framework of policy change and the role of policy-oriented learning therein // Policy Sciences, 21: 129–168. P. 136, 1988.

* Определение и анализ понятия «политическая подсистема» читатель сможет найти в статье автора «Коалиции взаимозависимости и теория ресурсной зависимости: перспективные подходы неизвестной теории» // Полис. 2010. № 1; «Проблема «безбилетника» как отражение трансформации скандинавской модели либерального общества» // «Мировая политика: новые проблемы и направления»: сб. научных статей / под ред. М.М. Лебедевой. «МГИМО — Университет», 2009. С. 37–60.

в особенности в отношении приоритетов правительств в расходовании средств бюджета; изменения в правящих коалициях, «включая «решающие» и/или повторно проводимые выборы²» (изменения режимов правления); политические решения и влияния других политических подсистем³.

Данные «пертурбации» играют немаловажную роль в изменении аллокации ресурсов акторов подсистемы (финансовых средств, членов коалиций, экспертных оценок и т.п.), которые являются неотъемлемым элементом коалиций взаимозависимости. В частности, «они предоставляют возможности изменения степени политического влияния для коалиций меньшинства, у которых отсутствует достаточная власть для оказания влияния на реализацию тех или иных правительственных программ»⁴.

Следуя данной теоретической предпосылке, необходимо остановиться на следующих трех факторах: референдумы по вопросам Европейского Союза, как следствие этого — изменения в общественном мнении (отражением данного фактора является баланс удовлетворения и баланс доверия) и влияние других политических подсистем.

Первым фактором, который обусловил адаптацию акторов коалиционных образований, можно рассматривать референдумы по поводу членства и вступления в Европейский Союз 1993 и 1994 гг. Как в Дании, так и в Швеции 1993 и 1994 гг. знаменовали собой во многом начало либо формирования, либо трансформации политической подсистемы координации вопросов ЕС.

Образование Европейского Союза в 1992 г. породило неоднозначную реакцию в

датском обществе. Как видно из таблиц 3 и 4, население Дании при традиционно большой явке избирателей отрицательно отнеслось к данному новообразованию. В 1993 г. после оформления четырех поправок (оговорок) — условий одобрения ЕС как наднационального института в так называемые Эдинбургские соглашения Дания с небольшим перевесом все же проголосовала за Европейский Союз. В контексте нашей работы интересен факт прихода к власти правительства П. Расмуссена и обозначение в связи с этим функционального перераспределения во внешней политике. Как подчеркивает П. Недергаард, изначально распределение рабочих полномочий в связи с членством Дании в Европейском Союзе привело к большим столкновениям интересов Министерства иностранных дел, с одной стороны, экономических министерств и отраслевых министерств — с другой, в том числе и по поводу проводимых по ЕС референдумов (последние являлись, да и являются единственным выражением воли народа по вопросам Европейского Союза)⁵. Результатом данного процесса явилось «необыкновенное усиление формальной формы координации»⁶. Формально сильно централизованная координация сохраняется и сейчас. С другой стороны, процесс децентрализации полномочий привнес усиление влияния неформальных связей. В 1993 г. именно правительство П. Расмуссена решило усилить свое влияние на координационный процесс, интегрировав в себя целый ряд экспертных групп и объединив в коалиционное образование несколько министерств (подробнее об этом ниже). Способствовали этому усилению внесение и принятие уже упоминавшихся поправок (оговорок). Вкратце стоит напомнить их. Во-первых, Дания не принимает участия в третьей части кооперации по евро и вхождения в зо-

² Burnham W. D. *Critical Elections and the Mainsprings of American Politics*, New York : WW. Norton, 1970 ; Brady D. *Critical Elections and Congressional Policy Making*, Stanford : Stanford University Press, 1988.

³ Muller P. *Les politiques publiques comme construction d'un rapport au monde*, in A. Faure, G. Pollet and P. Warin (eds), *La construction du sens dans les politiques publiques*, Paris : L'Harmattan. P. 153–179, 1995.

⁴ Sabatier P. *The advocacy coalition framework: revisions and relevance for Europe* // *Journal of European Public Policy*. 5:1 March 1998: 98–130.

⁵ Nedergaard P. *Organiseringen af Den Europæiske Union. Bureaukrater og institutioner: EU — forvaltningens effektivitet og legitimitet*. Handelshøjskolen Forlag. København. P. 382. 2005

⁶ Grønnegård Ch. J. *Centraladministrationen: organisation og politisk placering*. Samfundsvidenskabeligt Forlag. København. P. 185. 1980

ну евро, во-вторых, Дания не является частью оборонной политики Европейского Союза, в-третьих, Дания не будет участвовать в наднациональной внутренней политике (второй столп ЕС), и наконец, в-четвертых, Дания выступает против европейского гражданства, которое заменило бы национальное. Последняя из этих оговорок на данный момент не является актуальной, поскольку была включена в договоры Европейского Союза (Амстердамский и Шенгенский). Сила влияния этих оговорок как на коалиции акторов, противоположных коалиции Кабинета Премьер-министра страны, так и на европейскую политику Дании в целом остается большой. Так, М. Келструп приводит пример подобного влияния в рамках разногласий относительно третьей оговорки — Дания не будет участвовать в наднациональной внутренней политике (второй столп ЕС). «В сентябре 2003 года Премьер-министр П. Расмуссен сформулировал главную цель своего правительства — поделить формулировку третьей оговорки о юстиции и внутренних делах на разные части, стараясь, таким образом, обеспечить сохранение за страной оговорки по иммиграционной политике (прежде всего политики по отношению к беженцам), но отказаться от других частей данной оговорки, которая относилась к политической кооперации и борьбе с терроризмом. Социал-демократы неохотно приняли эту политику, тогда как социал-либералы, впрочем, как и консерваторы, оказались в оппозиции к ней»⁷. Министерство иностранных дел, возглавляемое консерватором Пером Стиглером, а также Министерство обороны (редкий случай объединения коалиционных усилий двух данных министерств) встало в оппозицию к подобному политическому курсу Кабинета Премьер-министра, вслед за оппозиционными партиями. В приведенном М. Келструпом отрезке касательно третьей поправки указаны также основные проблем-

ные области взаимодействия акторов коалиций по вопросам Европейского Союза.

Референдум по Маастрихтскому договору и Эдинбургским соглашениям все же не дал вопреки ожиданиям большинства датских политиков почвы для дальнейшего окончательного положительного разрешения проблемы политической легитимности. Референдумы по Амстердамскому трактату 1998 и по евро 2000 это наглядно продемонстрировали. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что положительные результаты референдума по ратификации Амстердамского трактата во многом стали продуктом деятельности коалиции правительства П. Расмуссена в «противостоянии» с коалицией Министра иностранных дел Дании с 1993 по 2000 г. Нильса Хельвега Петерсена (Niels Helveg Petersen). Система мировоззрения и политико-интенциональное учение в этом противостоянии стоят обособленно. В данной статье автор не будет останавливаться на этих аспектах. Здесь же относительно референдумов можно добавить, что провал референдума 2000 г. по вступлению страны в зону евро во многом зависел от стратегии коалиции Министерства финансов. Как отмечено в таблице 3, с 1993 г. вместе с перераспределением рабочих функций Кабинета Премьер-министра началось и возвышение Министерства финансов. С образованием Европейского Союза и, следовательно, с увеличением объема поступающей из Брюсселя информации, а также делегированием больших полномочий финансирование проектов увеличилось. Министерство финансов стало формировать опытные команды экспертов, что сыграло свою роль в одобрении принятия евро как национальной валюты государства политической элитой, в том числе Кабинетом Премьер-министра, а также членами Фолькетинга⁸. Убедительные доводы коалиции Министерства финансов тем не менее не ока-

⁷ Kelstrup M. Denmark in the Process of European Integration: Dilemmas, Problems, and Perspectives, in: National identity and the Varieties of Capitalism, J. Campbell, J. A. Hall and Pedersen O.K. (eds.), McGill University Press, Montreal, 2006. P. 375–397. P. 396

⁸ Kelstrup M. Denmark in the Process of European Integration: Dilemmas, Problems, and Perspectives, in: National identity and the Varieties of Capitalism, J. Campbell, J.A. Hall and Pedersen O.K. (eds.), McGill University Press, Montreal, 2006. P. 375–397

зались столь же убедительными для большинства населения, о чем свидетельствуют результаты референдума 2000 г. Порог политической легитимации, таким образом, до сих пор не может быть преодолен, но он значительно снижен по сравнению с другими странами — членами ЕС.

Если в Дании мы видим влияние референдумов на смену парадигм при трансформации политической подсистемы вопросов ЕС, то референдумы в Швеции оказывали влияние на формирование системы координации вопросов ЕС в политической подсистеме.

Анализ предпосылок и причин вступления Швеции в ЕС не является предметом данной статьи. Достаточно полное рассмотрение предпосылок представлено в работе Й. Густавссона «Изменения методов ведения внешней политики: объясняя переориентацию Швеции на членство в ЕС»⁹.

Однако надо заметить, что, как и в Дании в 1993 г., в Швеции в сентябре 1994 г. произошла смена правительства. Отчасти благодаря этому обстоятельству 13 ноября того же года состоялся референдум, на который был вынесен вопрос о вступлении страны в Европейский Союз. 52 процента голосовавших на референдуме сказали «да» ЕС. И это произошло вопреки тому факту, что большинство электората социал-демократов, вновь вставших у руля страны, было скептически настроено к процессу европейской интеграции. И. Карлссон, ставший во второй раз Премьер-министром страны, сыграл в этом непосредственную роль, назначив на пост нового министерства — Министерства по европейским делам (*Minister for European Affairs*)¹⁰ — Матса Хельстрема

ма. Таким образом, референдум 1994 г. по вступлению страны в Европейский Союз упрочил коалицию Кабинета Премьер-министра, предопределив тем самым переход бразд управления в сфере европейской политики в свои руки вслед за реформами 1996 г.

Отклонение на референдуме 2003 г. предложенного вопроса о вступлении страны в зону действия евро, как и в случае с Данией, показывает, что разрыв между требованием и решением политической легитимации остается большим. Как бы то ни было, следует проанализировать процентное соотношение удовлетворенности и доверия среди электората для того, чтобы сделать некоторые выводы относительно степени изменения политической легитимации.

В то же время референдумы, являясь явственным выражением воли народа, отразили и степень удовлетворенности работой демократических институтов как в стране, так и в Европейском Союзе в целом. Анализ степени удовлетворенности играет роль детерминанта изменений, произошедших в 90-е годы XX в. и в первое десятилетие XXI в.

Распределение баланса удовлетворенности представлено в таблице 5. Как видим, в Дании вплоть до 2000 г. существовал отрицательный показатель степени баланса удовлетворенности. При этом 1994 г. оказался в этом списке на «вершине» отрицательного баланса удовлетворенности с показателем - 61. В данном случае положительный исход референдума, скорее, свидетельствует об улучшившемся позитивном отношении к Европейскому Союзу в целом. Естественно, что заслуга в становлении такого отношения принадлежит программе правительства. Кабинет Премьер-министра, ратовавший за принятие четырех оговорок, позднее оформившихся в Эдинбургские соглашения 1993 г., в этом случае, несо-

⁹ Gustavsson J. The Politics of Foreign Policy Change: Explaining the Swedish Reorientation on EC Membership. Lund: Lund University Press, 1998.

¹⁰ В начале 1994 г. правительство К. Бильдта создало Министерство по европейским делам и внешней торговле (*Minister for European Affairs and Foreign Trade*) во главе с консерватором Ульфом Динкельшпиелем (*Ulf Dinkelshpiel*), зависевшее в стратегии и тактике от МИДа Швеции, естественно, усиливая коалицию и влияние данного министерства

на европейскую политику. Унаследовавший пост Премьер-министра Швеции И. Карлссон преобразовал структуру министерства и создал во многом подчиненное Кабинету Премьер-министра Министерство по европейским делам (*Minister for European Affairs*).

мненно, выиграл от итогов референдума 1993 г. Одобрение Амстердамского трактата 1998 г. отчасти можно объяснить достаточно позитивным отношением населения к наднациональным институтам в Брюсселе (- 8) и в то же время достаточно высоким негативным отношением к национальным институтам, в том числе занятым в сфере координации вопросов Европейского Союза в датской политической системе (- 43). Референдум по ратификации Амстердамского трактата требовал от населения признания расширения прав наднациональных акторов на построение правовой базы в области ОВПБ (Общей внешней политики и политики безопасности). В данных условиях Министерство обороны сыграло не последнюю роль в создании положительного образа новых инициатив по ОВПБ у датчан. Обладая слабой экспертной базой (что свойственно всем министерствам обороны ввиду их государственной закрытости), Министерству обороны было выгодно примкнуть к какой-либо коалиции акторов. Боясь усиления Министерства иностранных дел как прямого соперника в борьбе за оказание влияния на политику страны по отношению к ЕС, Министерство обороны выбрало в «партнеры» по коалиции Кабинет Премьер-министра, который обладал к тому моменту достаточно квалифицированными экспертами в области внешнеэкономической деятельности и оборонной политики, чтобы составить заметную конкуренцию МИДУ Дании. С уверенностью можно сказать, что коалиция Министерства обороны и Кабинета Премьер-министра сделала свою работу на отлично. Кабинет Премьер-министра лоббировал интересы Министерства обороны со стадии рассмотрения инициативы референдума в специальных комитетах (*speciale Udvalg*). Данная площадка (форум) для обсуждения является основным в министерской сети акторов датской политической подсистемы координации предложений в Европейском Союзе. Заинтересованные организации, как правило, не принимали активного участия в обсуждении вопросов ЕС, связанных с ОВПБ, и поэтому

МИД Дании не имел поддержки с их стороны.

Удивительным кажется распределение баланса удовлетворенности при проведении референдума 2000 г. по евро. В начале года баланс удовлетворенности впервые с начала 90-х годов свидетельствовал о позитивных изменениях сразу по обоим направлениям выражения удовлетворенности: + 15 по отношению к функционированию национальных политических институтов и + 58 по отношению к функционированию наднациональных политических институтов. В это время в политической системе Европейского Союза намечались существенные изменения в области монетарно-финансовой политики. Естественно, что Министерство финансов приняло непосредственное участие в формулировании позиции страны по этому вопросу. Несмотря на численное превосходство МИДа Дании в роли председателя в специальных комиссиях (*speciale Udvalg*), в специальных комиссиях по бюджету ЕС и финансовому программированию (*EU's budget og finansielle bestemmelser*), экономической политике (*Økonomisk politik*) председательствует Министерство финансов. МИД, присутствуя в данных комиссиях в качестве члена, не оказывает столь значительного влияния на политику в данных областях. В свою очередь, Кабинет Премьер-министра Дании П. Расмуссена выступает на данном референдуме опять же «партнером» по коалиции с Министерством финансов. Результатом действия коалиции стало одобрение проекта введения хождения евро на территории Дании в политической подсистеме координации вопросов Европейского Союза. Однако, несмотря на все старания акторов коалиции, проект не удовлетворил ожидания общественности, главным образом потому, что общественность не получила достаточного обоснования выгод от введения хождения новой валюты, в то время как оппозиционные партии в парламентской Европейской комиссии Дании содействовали созданию негативного образа евро, который и стал определяющим для начала снижения степе-

ни удовлетворенности политикой страны (во второй половине 2000 г. показатели резко упали вниз и составили - 56 по отношению к национальным институтам и - 32 по отношению к наднациональным. Следствием данной тенденции стало отклонение проекта вступления страны в третью фазу ЕМС (Евро-зона) 28 сентября 2000 г.

Таким образом, баланс удовлетворенности в Дании изменился в 90-х годах, чему способствовало возвышение коалиций Министерства финансов, и прежде всего Кабинета Премьер-министра. МИД страны не смог удовлетворить до конца запросы населения в отношении работы демократических институтов внутри страны, отвечающих за вопросы ЕС. Данное обстоятельство явился одним из факторов ослабления позиций МИДа в вопросах ЕС. Отсюда повышение политической легитимации. Образование Европейского Союза в 1993 г. породило реакцию трансформирования политической подсистемы Дании по координации вопросов ЕС. Референдум как основной источник внешних трансформаций детерминировал и развитие внутренних процессов. С ослаблением влияния в этой подсистеме коалиции МИДа страны на первый план с 1993 г. выдвигается коалиция Кабинета Премьер-министра с различными министерствами и экспертными группами. Референдум 1993 г. явился началом становления механизма трансформационной цепи адаптации акторов подсистемы, а именно его внешнего звена (см. схему 1, процесс не завершился на сегодняшний день).

Данные баланса удовлетворенности по Швеции во многом противоположны данным по Дании. С 1995 г., т.е. изначального периода пребывания страны в Европейском Союзе, удовлетворенность функционированием национальной демократией оставалась на положительном уровне (в среднем составляя + 37), тогда как удовлетворенность функционированием демократии в ЕС являлась на протяжении всего периода пребывания Швеции в Европейском Союзе отрицательной, кроме первой половины 2000 г. и 2006 г.

Референдум 1994 г. произвел на свет новую реальность — начало формирования шведской политической подсистемы регулирования предложений Европейского Союза. Экономический кризис стал основной причиной положительного результата референдума¹¹. Тяжесть подготовки программы вступления страны в Евросоюз легла на плечи Кабинета Премьер-министра Швеции К. Бильдта и вице-премьера Б. Вестерберга, которые воспользовались трудным экономическим положением страны начала 90-х годов, программой способствовал установлению положительного баланса удовлетворенности к национальным политическим институтам в стране (в 1995 г. + 12, в 1997 г. + 16). Непосредственно вступление страны в ЕС произошло при правительстве И. Карлссона и вице-премьеров М. Салин и особенно Л. Йелм-Валлен. Удивительным кажется отношение шведов к функционированию наднациональных политических институтов. Вплоть до 1999 г. неудовлетворенность их функционированием только росла с - 28 в 1995 г. до - 45 в первой половине 1999 г. В 2003 г. — время проведения референдума по Евро-зоне — процент неудовлетворенных несколько снизился, составив в 2004 г. - 13. Скептицизм стал неотъемлемой чертой шведского электорального мышления.

Если рассматривать баланс удовлетворенности с точки зрения влияния референдумов на формирование шведской политической подсистемы координации вопросов Европейского Союза, то в 1995 г. регулирование предложений в данной подсистеме подпало под ведение Министерства иностранных дел Швеции, которое начиная с этого года наладило повседневную координацию вопросов ЕС. Все же референдум не был подготовлен МИДом страны. В этом большая заслуга Кабинета Премьер-министра Швеции К. Бильдта. В 1996 г. Кабинет Премьер-

¹¹ Подробнее об этом в уже упоминавшейся работе Й. Густавссона: Gustavsson J. The Politics of Foreign Policy Change: Explaining the Swedish Reorientation on EC Membership. Lund: Lund University Press, 1998.

министра встал на путь возвращения влияния в «строящейся политической подсистеме».

В контексте анализа баланса удовлетворенности надо отметить, что в Швеции в отличие от Дании референдум не производил такого влияния на решения и мировоззрение общества и политической подсистемы. Более мощным источником этого влияния в Швеции необходимо признать другой источник «внешних пертурбаций» — принятие государственных политических решений.

Теперь следует коротко остановиться на анализе баланса доверия в политических подсистемах координации вопросов ЕС в Дании и Швеции (см. табл. 6). Здесь надо отметить следующее: необходимо отличать доверие, которое существует в обществе к ЕС — подобное доверие мы можем охарактеризовать как коллективное, — и неформальное доверие в политической подсистеме.

Как отмечают У. Педерсен и Т. Олсен, «распределение баланса доверия кажется удивительным. В Дании существует относительное большинство, не удовлетворенное национальной демократией по сравнению с тем, кто не удовлетворен работой демократии в Евросоюзе. Данная тенденция характерна для страны с начала 70-х до середины 80-х годов. С 1994 по 2001 г. появилось больше тех, кто был не удовлетворен европейской демократией, чем тех, кто удовлетворен. В период с 1995 по 2006 г. как в Швеции, так и в ЕС в целом прослеживается и другая тенденция — появляется подавляющее большинство тех, кто удовлетворен национальной демократией. Однако и в Швеции, и в Дании, за исключением нескольких лет, существовало большинство, испытывавшее больше неудовлетворение, чем удовлетворение европейской демократией. Это не так заметно в ЕС-15, когда число неудовлетворенных было равным удовлетворенным»¹².

¹² Pedersen O.K. og Olsen T.V. Den Europæiske skruer: Demokratisk dynamik i Danmark og Sverige. København: Jurist og Økonomiforbundets Forlag. P. 42. 2008.

Таким образом, референдумы 1993 г. в Дании и 1994 г. в Швеции дали неплохие результаты в плане установления баланса доверия к национальным демократическим институтам, регулирующим вопросы Евросоюза. Тогда как на протяжении всех 90-х годов в Дании можно проследить тенденцию более или менее равного отношения доверия как к национальным акторам министерской сети, так и к национальным акторам парламентской сети (в среднем процент составляет + 38), в первом десятилетии нашего века уже налицо снижение процента доверия к национальным акторам министерской сети, который достигает критической точки в 2004 г. (- 6). В то же время доверие к национальным акторам парламентской сети постепенно растет начиная с 1993 г. Это может, как и в случае с балансом удовлетворенности, свидетельствовать о все возрастающей роли Кабинета Премьер-министра в процессе координации предложений Европейского Союза. Несмотря на провал референдума по Амстердамскому трактату, Кабинет Премьер-министра не потерял того доверия, которое ему было оказано в 90-х годах. Подобный сценарий развития событий может говорить также о растущей роли заинтересованных организаций (лоббирующих предложения через представителей партий в Европейской комиссии Дании) и, таким образом, реализации принципа субсидиарности.

Ту же тенденцию можно разглядеть и в другой скандинавской стране — Швеции. Постоянный рост доверия к национальным парламентам и низкий уровень доверия к акторам министерской сети.

Интересно, что в 1995 г. — году, означавшем начало формирования новой политической реальности, новой политической подсистемы, — в Швеции показатель отношения доверия к правительственным министерствам был меньше нуля, как и в ЕС-15 в целом, тогда как именно МИД страны занял ведущие позиции в деле регулирования вопросов ЕС. Настроение электората, на референдуме проголосовавшего за инициативу коалиции двух Кабинетов Премьер-министров — К. Бильдта и И. Карлссона, последний

достаточно хорошо уловил. Это явилось началом перехода инициативы из рук МИДа в руки коалиции Премьер-министра, к тому же подкрепленное уже упоминавшимся учреждением Министерства по европейским делам. Позже политическое решение 1996 г. закрепило такое настроение общественности.

Таким образом, можно согласиться с У. Педерсеном и Т. Олсеном в том, что «цифры, показывающие степень доверия и удовлетворенности функционированием демократии, отражают и степень скепсиса населения. Как видно, доверие к европейским институтам растет, также это касается и функционирования демократии в рамках ЕС. В то же время по отношению к институтам ЕС в Брюсселе существует и большая часть скептически настроенных людей. Все же степень скепсиса в скандинавских странах (Дании и Швеции) не такая большая по сравнению с остальными странами Европы. Это особенно затрагивает датчан, у которых показатели скепсиса меньше¹³. Некоторые индикаторы свидетельствуют о сильном отличии Дании и Швеции от остальных стран ЕС (15), особенно в процессе передачи новых политических функций в ЕС»¹⁴.

Влияние референдумов на образование и становление коалиций также достаточно велико. Особенная роль в этом принадлежит референдуму 1993 г. по образованию Европейского Союза, который дал ход трансформации межкоалиционных отношений в датской политической подсистеме и положил начало формирования такой же подсистемы в Швеции. В Дании после 1993 г. коалиции Кабинета Премьер-министра и Ми-

нистерства финансов стали играть более важную роль в координации предложений ЕС в подсистеме. Влияние последней несколько пошатнулось после провала референдума 2000 г. по вопросу вступления страны в зону евро. Референдумы четко обозначили тенденцию объединения различных секторальных министерств в коалиции с Кабинетом Премьер-министра, что, несомненно, говорит о возросшей роли последнего: такими случаями являются объединение Министерства обороны и Кабинета Премьер-министра при создании программы для референдума по Амстердамскому трактату 1998 г., а также объединение усилий Министерства финансов и Кабинета Премьер-министра в вопросах по референдуму 2000 г.

Последний фактор влияния «внешних пертурбаций» представляет собой влияние других политических подсистем на подсистему координации предложений ЕС. В качестве примера автор предлагает проанализировать решения министерств Дании, касающиеся сферы регулирования вопросов Евросоюза. Сегодня можно сказать, что примерно 20–25% законов и распоряжений, которые были введены в Дании, происходили из Брюсселя. Однако существует большая разница в распределении процентов по сферам ответственности министерств. Датские чиновники свидетельствуют, что регулирование вопросов ЕС в 2003 г. больше всего происходило в Министерстве продовольствия (27,3% исполненных законов имели свой источник в Брюсселе). После этого следует Министерство занятости (22,4%), Министерство экономики и промышленности (21,8%), Министерство транспорта (21,5%), Министерство науки и технологий (20,5%) и Министерство окружающей среды (19,3%). На противоположном конце расположены, например, Кабинет Премьер-министра (0%), Министерство финансов (0%), Министерство обороны (0%) и Министерство иностранных дел (2,4%)¹⁵. Однако данные,

¹³ По евроскептицизму как явлению см. сравнительный анализ четырех стран Европейского Союза К. Серенсен : Sørensen C. Euroscepticism: A conceptual Analysis and a Longitudinal, Cross — country Examination of Public Skepticism Towards the European Union, Danish Institute for International Studies/ Institute of Political Science, University of Copenhagen, 2007.

¹⁴ Pedersen O.K. og Olsen T.V. Den Europæiske skrue: Demokratisk dynamik i Danmark og Sverige. København: Jurist og Økonomiforbundets Forlag. 2008. P. 43.

¹⁵ Blom-Hansen J. og Grønnergård Christensen J. Den europæiske forbindelse, Aarhus: Magtudredningen, 2004. P. 68.

приводимые Блом-Хансеном и Кристенсенем, свидетельствуют о том, что цифры даются с определенной неуверенностью, так как значению отдельных законов и распоряжений не придавали важности в исследовании. Все же четверть регистрируемых законов — хорошее подтверждение правильности выбранного пути.

Директивы, касающиеся дел ЕС, превращаются в грозное оружие министерств при обсуждении предложений в специальных комиссиях. Именно этот низовой уровень координации вызывает особый интерес при изучении влияния директив других политических подсистем, поскольку, как уже отмечалось, может рассматриваться как основной форум для дискуссий по вопросам Европейского Союза. По данным Х. Кассима, «95 процентов из всех вопросов ЕС разрешаются в специальных комиссиях, в то время как четыре процента разрешаются в Комиссии ЕС (EU — udvalget). Последний один процент вопросов окончательно разрешается во Внешнеполитической комиссии правительства»¹⁶. Затем данные вопросы следуют для обсуждения в Европейской комиссии Дании.

Г. Кристенсен анализирует целый ряд вопросов, касающихся того, каким образом тенденции централизации и децентрализации сбалансированы на практике. Подвергнув анализу этапы прохождения ряда директив ЕС (в последнем названии нефтяные директивы, директивы по рабочему времени, директивы по транспортировке товаров, директивы по технологии производства продовольственных товаров) в процессе принятия решений, он ясно показал, что исполнение отраслевыми министерствами основной части возложенных на их плечи управленческих задач становится причиной и высокой степени контроля над формулированием политики, а также влияния на

коалиционные образования и ротации в коалициях. Однако данное исполнение отличается в зависимости от рассматриваемого вопроса — от сферы принятия решений¹⁷.

Самая значительная секторизация происходила в вопросах о нефтяных директивах, когда Министерство энергетики в тесной координации с заинтересованными организациями (в роли которых выступают нефтяные компании) и экспертными группами проводит свою собственную линию координации, которая без изменений преодолевает функционально пересекающуюся координационную систему. Секторизация нарушилась в последней фазе принятия решений, после того как ряд членов правительства обратили внимание на то, что существует вопрос, в котором ставятся на карту суверенные интересы Дании и Министерство энергетики потеряло почву под ногами. Здесь же можно сказать, что имеет место быть и тенденция централизации, поскольку Премьер-министр принимает участие в рассмотрении директивы. Данный вопрос также является примером того, как координация ЕС иногда заканчивается провалом. Секторизация в такой ситуации представляется как отражение перекрещивающихся функциональных подсистем. В Дании этот процесс пересечения более всего виден в работе специальных комиссий. При подобном перекрещивании взаимозависимость является источником либо координации, либо конфликта¹⁸. Данный случай является ис-

¹⁶ Kassim, H. 2000. Conclusion: The National Coordination of EU Policy: Confronting the Challenge. P. 235–265 in: H. Kassim, B.G. Peters & V. Wright (eds.). The National Coordination of EU Policy. The Domestic Level. Oxford: Oxford University Press.

¹⁷ Nedergaard P. Organiseringen af Den Europæiske Union. Bureaukrater og institutioner: EU — forvaltningens effektivitet og legitimitet. Handelshøjskolen Forlag. København. 2005. P. 385.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Fenger M., Klok P. - J. Interdependency, beliefs, and coalition behavior: A contribution to the advocacy coalition framework // Policy Sciences 34: 157–170. P. 162. 2001. Более разработанный анализ взаимозависимости см. в работе: Sobek J. Comparing Policy Process Frameworks: What Do They Tell Us About Group Membership and Participation for Policy Development? // Administration & Society 2003; 35: 350. В оригинальной версии Зафанте и Сабатьер развивают данную идею о перекрещивающихся функциональных политических под-

точником именно координации, при которой у акторов превалирует симбиотическая взаимозависимость. Политическая подсистема энергетики напрямую соприкасается и оказывает влияние на подсистему регулирования вопросов ЕС. Здесь Министерство энергетики попыталось самостоятельно решить координационный вопрос, не входя в какую-либо коалицию в комиссиях, таким образом, осуществляя секторизацию. Кабинет Премьер-министра вмешался в разрешение данной ситуации на консенсусной основе, доверяясь своим экспертам, которые и вынесли окончательный вердикт, отстранив Министерство энергетики от участия в данном регулировании. Следует отметить также, что МИД Дании не сыграл большой роли в разрешении ситуации, хотя доля участия этого министерства в Комиссии энергетической политики (*Energipolitiske spørgsmål*) почти равнозначна участию Министерства энергетики¹⁹. МИД, являясь изначально актором, скептически настроенным к процессу европейской интеграции, часто пытается сократить поток информации для остальных секторальных министерств. Причина этого видится также и в том, что Министерство иностранных дел имеет достаточно сильную экспертную базу (которая включает в себя специалистов из всех экономических и политических сфер) и боится потерять эти экспертные команды, а вместе с ним и влияние в той же степени, в какой сделал это шведский МИД. Таким образом, МИД противостоит вмешательству в систему координации акторов других политических подсистем, а Кабинет Премьер-министра,

поддерживая симбиотическое взаимодействие с министерствами, наоборот, способствует данному процессу, ослабляя МИД.

В Швеции ситуация для МИДа страны еще хуже, но в этой стране мы можем говорить о влиянии скорее не других политических подсистем на подсистему координации предложений ЕС, а о принятии политических решений.

Ситуацию относительного конфликта и соперничающей взаимозависимости представляет для нас анализ директив по технологии производства продовольственных товаров — примеры четкого балансирования между координацией и секторизацией. Это скорее исключительный случай, чем правило, но эта ситуация показывает как раз уязвимость системы координации в подсистеме. Отраслевые задачи относительно рассмотрения этих директив изначально были поделены между Министерством здравоохранения и Министерством промышленности. Это означало экстраординарные усилия координации, которые в дальнейшем усилились разногласиями, существовавшими вокруг формулирования политики между затрагиваемыми секторами и внутри последних. Пример показывает, что сильно скоординированная политика не обязательно представляет собой идеальную переговорную линию. В особенности это не касается ситуаций, когда политика производит на свет компромисс, который обеспечивает положительное разрешение ситуаций больших внутренних противоречий интересов²⁰. Недостаточная компетентность двух вышеупомянутых Г. Кристенсеном министерств очень часто приводит к патовым ситуациям, когда перекрещивающиеся функциональные подсистемы не реагируют должным образом на вызовы и оказывают негативное влияние на политическую подсистему координации вопросов ЕС независимо, как указал Г. Кристенсен, от степени скоординированности усилий акторов.

системах. Фенгер и Клок предпочли назвать данное образование взаимозависимостями, придав несколько дополнительных черт, поскольку, по их мнению, понятие взаимозависимости имеет более общее значение. Автор следует этому названию. См.: Zafonte M., and Sabatier P. 1998. Shared Beliefs and Imposed Interdependencies as Determinants of Ally Networks in Overlapping Subsystems // *Journal of Theoretical Politics*. 10(4): 473–505.

¹⁹ Nedergaard P. *Organiseringen af Den Europæiske Union. Bureaucrater og institutioner: EU — forvaltningens effektivitet og legitimitet*. Handelshøjskolen Forlag. København. 2005. P. 459.

²⁰ Grønnergård Ch. J., Germer P. og Pedersen Th. *Åbenhed, offentlighed og deltagelse i den danske EU — beslutningsproces*. Rapport til Rådet for Europæisk politik. 1994.

Таблица 1. Основные изменения во внутренней политике координации предложений ЕС в Швеции (связана с моделью трансформационной цепи)

Год	Изменения
1994	Создано специальное министерство по европейским делам внутри МИДа Швеции. Повседневная координация европейской политики сосредоточена в руках Секретариата ЕС в МИДе Швеции.
1996	Упразднено Министерство по европейским делам. Функции перешли Государственному секретарю по европейским делам. Повседневная политическая координация сосредоточена в МИДе страны. Основная ответственность за координацию ложится на плечи Кабинета Премьер-министра.
1998	Должность Государственного секретаря по европейским делам переведена в Офис Премьер-министра. Государственный секретарь с этого момента возглавляет Департамент по делам ЕС, созданный путем слияния Секретариата по делам ЕС и одного из союзов МИДа Швеции. Департамент становится ответственным за координацию.
2005	Зам. Премьер-министра и Департамент по делам ЕС образуют горизонтальную линию координации в Правительстве. Все чиновники, занятые в горизонтальной координации вопросов ЕС, переехали из МИДа в Кабинет Премьер-министра.

Источник: Persson Th. Explaining European Union Adjustments in Sweden's Central Administration // Scandinavian Political Studies. Vol. 30. № 2. P. 204–228, p. 214, 2007.

Таблица 2. Основные изменения во внутренней политике координации предложений ЕС в Дании (связана с моделью трансформационной цепи) начиная с 1993 г.

Год	Изменения
1993	Правительство П. Расмуссена: разделение рабочих функций, результатом которого явилось уменьшение роли МИДа, и Кабинет Премьер-министра встал на путь упрочнения своей позиции. Кабинет Премьер-министра получил возможность разрешать вопросы международного ранга, в том числе и по ЕС. Возвышение Министерства финансов, обозначение соперничества последнего с МИДОм.
1994	Меморандум о возможности использовать на слушаниях другие постоянные комитеты Парламента помимо Европейской комиссии Дании (Beretning om Regeringens orientering af Folketinget om EU — sager, 20 maj 1995).
1996	Соглашение Европейской комиссии Дании с правительством страны усилило влияние Комиссии на политику в отношении ЕС. Во-первых, относительно имплементации директив ЕС. Во-вторых, относительно директив, адаптированных Европейской комиссией, и других «административных» правил, установленных Брюсселем без прямого вовлечения Совета министров. Европейская комиссия Дании с этого момента информировалась обо всех случаях.
2001	Роль Кабинета Премьер-министра также усилилась во время правительства VK (2001), и позиция Премьер-министра особенно усилилась на заседаниях Европейского совета и правительственных конференций.

Источники: Собственные аналитические выкладки автора; Von Dosenrode S.Z. Danish EU — Policy Making, in Branner H. and Kelstrup M. (eds.) The Danish Policy Towards Europe after 1945: History, Theory and Options, Odense, University of Southern Denmark. P. 250, 2003 ; Pedersen O.K. og Olsen T.V. Den Europ iske skrue: Demokratisk dynamik i Danmark og Sverige. P. 72, 2008 ; Интервью с С. Ван Дозенроде от 14.11.2008 и Й. Блом-Хансенот от 16.11.2008.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Таблица 3. Процентное распределение голосов на референдумах по поводу вступления и членства Дании и Швеции в ЕС, в процентах

Дания	1972	1986	1992	1993	1998	2000
Да	64,3	56,2	49,3	56,7	55,1	46,8
Нет	36,6	43,8	50,7	43,3	44,9	53,2

Швеция	1994	2003
Да	52,3	42,0
Нет	46,8	55,9

Источник: Pedersen O.K. og Olsen T.V. Den Europ iske skruer: Demokratisk dynamik i Danmark og Sverige. Jurist og konomforbundets Forlag. København. P. 39. 2008.

Таблица 4. Референдумы в Дании по поводу вопросов ЕЭС / ЕС

Дата	Наименование вопроса	Процент участвовавших	Да (%)	Нет (%)
02.10.1972	Членство Дании в ЕС	90,1	63,3	36,7
27.02.1986	Единый европейский акт	75,8	56,2	43,8
02.06.1992	Маастрихтский договор	83,1	49,3	50,7
18.05.1993	Маастрихтский договор и Эдинбургские соглашения	86,5	56,7	43,3
28.05.1998	Амстердамский договор	74,8	55,1	44,9
28.09.2000	Вступление в третью фазу ЕМС (Евро-зона)	87,6	46,8	53,2

Источник: Официальная статистика Дании.

Таблица 5. Баланс удовлетворенности работой демократических институтов в стране респондентов (Дания и Швеция) и в ЕС

Год	1994 Евробар 41	1994 Евробар 42	1995 Евробар 43	1997 Евробар 48	1998 Евробар 49	1999 Евробар 51	1999 Евробар 52	2000 Евробар 53	2000 Евробар 54	2001 Евробар 56	2004 Евробар 61	2006 Евробар 65
Источник												
Дания												
Удовлет-сть функционированием национал-демократии	- 48	- 61	- 59	- 67	- 43	- 52	- 62	15	- 56	- 42	82	87
Демократи-ей в ЕС	- 10	- 13	1	- 26	- 8	- 30	- 27	58	- 32	2	13	36
Разница	- 38	- 48	- 60	- 41	- 35	- 22	- 35	- 43	- 24	- 44	69	51
Швеция												
Удовлет-сть функционированием национал-демократии	-	-	12	16	15	32	30	89	33	46	48	50

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Демократией в ЕС	-	-	- 28	- 37	-39	- 45	- 29	28	- 34	- 16	-13	9
Разница	-	-	40	53	54	77	59	61	67	62	61	41
ЕС-15 (12)												
Удовлетворением национал-демократии	- 3	1	- 2	1	- 1	25	16	55	22	20	11	21
Демократией в ЕС	- 2	- 8	- 10	- 9	- 8	4	- 1	18	- 3	6	3	12
Разница	- 1	9	8	10	7	21	17	37	25	14	8	9

Источник: Pedersen O.K. og Olsen T.V. Den Europiske skruer: Demokratisk dynamik i Danmark og Sverige, Jurist og økonomforbundets Forlag. København. P. 43. 2008 ; Pedersen O.K. Transnationalisering og parlamentarisk styreform — Syv demokratiske udfordringer, I O.K. Pedersen, (ed.), EU i forvaltningen. Broen fra Slotsholmen til Bruxelles, København: Jurist og økonomforbundets Forlag. P. 315–338, 321–323.

Таблица 6. Баланс доверия к наднациональным европейским и национальным институтам:
баланс доверия рассчитывается вычитанием части, не имеющей доверия к институтам, от части, имеющей данное доверие (в процентах). Опросы не проводились систематически, поэтому данные за некоторые годы отсутствуют

Объект доверия	1993 Евробар 39	1995 Евробар 43	1999 Евробар 52	2000 Евробар 54	2001 Евробар 56	2004 Евробар 61	2007 Евробар 67
Совет Министров							
Дания	15	4	1	1	13	21	18
Швеция	-	- 6	- 4	- 4	12	13	12
ЕС	22	2	9	8	17	9	15
Европейская комиссия							
Дания	5	- 3	- 12	- 11	14	14	32
Швеция	-	- 15	- 5	- 10	8	18	28
ЕС	28	4	15	16	25	18	20
Европейский парламент							
Дания	19	-	35	32	28	15	22
Швеция	-	-	3	4	20	56	29
ЕС	30	-	26	25	33	25	25
Национальные правительства (министерская сеть в Дании и СПФР в Швеции)							
Дания	43	27	-	-	29	- 6	36

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Швеция	-	- 1	-	-	17	1	15
ЕС	10	- 3	-	-	4	31	- 3
Национальные парламен- ты (Европейские комис- сии в Дании и Швеции)							
Дания	46	36	-	24	49	32	71
Швеция	-	20	-	7	35	9	44
ЕС	18	5	-	- 6	12	- 19	7

Источником послужили исследования Евробарометра различных лет. ЕС 1993 г. — ЕС-12, в остальные годы ЕС-15.

См. также: Pedersen O.K. og Olsen T.V. Den Europæiske skrue: Demokratisk dynamik i Danmark og Sverige. Jurist og konomforbundets Forlag. København. P. 42. 2008.

Схема 1. Модель причинных механизмов (трансформационной цепи)

Изменение в политической системе (политическая система — совокупность проблемных областей взаимодействия акторов); начало адаптационных процессов

1.

Превалирование коалиции большинства во внешней политике сталкивается с сопротивлением коалиции меньшинства; баланс политических сил

2.

«Политико-интенциональное учение» и неформальные связи коалиции меньшинства; влияние последних на результат

3.

Результат политического действия коалиции меньшинства

Источники: Адаптировано из: Coleman J.S. Foundations of Social Theory, Cambridge : Harvard University Press, 1990; Hedström P. and Swedberg R. Social mechanisms: An introductory Essay, In Social mechanisms: An analytical approach to social theory, Hedstrom P. and Swedberg R. (eds.) Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» И РОССИЯ

В.Д. Соловей

Были ли революции?

Те, которые теряют от революции,
редко склонны признать за ней
ее настоящее имя.

Лев Троцкий

В русском и иностранных языках термин «цветные революции» звучит, по крайней мере, двусмысленно. Не очень понятно, что им обозначается, каковы природа и характер перемен, которые в течение шести лет, с 2003 по 2010 г., последовательно охватили Грузию, Украину, Киргизию, Молдавию и снова Киргизию. Была ли это вторая волна «бархатных революций», сопровождавших на рубеже 80–90-х годов прошлого века падение коммунизма? Или специфическая разновидность революций, присущих исключительно постсоветскому пространству? Или же, как настаивает российская пропагандистская машина, «цветные революции» были инспирированными из-за границы восстаниями против законных властей суверенных стран и в конечном счете против России?

Именно участие — реальное или мнимое — Запада в «оранжевых революциях» служит, по мнению российских официозных наблюдателей, главным основанием для того, чтобы отрицать революционный характер событий и квалифицировать их как государственные перевороты. И хотя в случае событий в Киргизии — ни в марте 2005 г., ни в апреле 2010 г. — невозможно доказать ни западное участие, ни антироссийский характер новой киргизской власти, в первом случае российская пропаганда легко вышла из затруднения. Субститутом «Запада» стала местная «мафия», якобы связанная с транснациональными силами, а пророссийский характер нового режима был объявлен «победой здоровых сил» над «заговорщиками». В апреле 2010 г. российские массмедиа вообще исключили тему внешнего влияния из интерпретации со-

бытий в Киргизии, акцентируя внимание исключительно на внутренних факторах.

Так или иначе, принципиальный вопрос о том, что же представляли собой «цветные революции», остается в научном плане открытым.

По иронии, критикуя «цветные революции», российские наблюдатели явно или имплицитно исходят из традиционного марксистского определения *социальной* революции, акцентирующего внимание на смене классовой гегемонии и социальной глубине революции. Они избегают обращаться к современным определениям революции. И понятно, почему, если взять определение революции одного из наиболее авторитетных специалистов в этой области, Джека Голдстоуна: «Это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»¹.

От Грузии до Молдавии мы легко обнаружим *все* элементы этого определения. Во всех странах широкие массы были мобилизованы, а их действия сопровождались угрозой насилия или его элементами. К счастью, полномасштабное насилие с жертвами случилось лишь однажды — в Киргизии в апреле 2010 г. Во всех странах была предпринята попытка — успешная или не очень — преобразовать политические институты и дать новое обосно-

¹ Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 61.

вание политической власти. Идеологическим мотором «цветных революций» выступил артикулированный демократический миф (Грузия, Украина, Молдавия) или смутное, но сильное стремление к справедливости и свободе (Киргизия).

Хотя «цветные революции» не были глубокими социальными революциями, они могут смело оцениваться как революции политические.

Зарубежное участие в них — реальное или мнимое — нисколько не отрицает оценки этих событий как революций. Более того, в теории революций иностранное вмешательство традиционно считается одной из главных причин революции². В начале XXI в. формы и методы такого вмешательства стали более изощренными и разнообразными: на смену вооруженного экспорта революции и грубого давления пришла *soft power* — влияние через культуру, ценности, образ жизни и институциональные сети. При этом революционная активность чаще всего выступала не прямым, а побочным продуктом иностранного влияния.

Да, ЕС и США сформировали сеть фондов и грантов в Грузии, Украине и Молдавии. Однако не существует достоверных оценок ее масштаба и размера влияния. В конце концов, сила этого влияния была предопределена тем, что в революционных странах шла спонтанная социокультурная переориентация. Зерна западного влияния могли прорасти лишь там, где для них была готова почва.

Основной поток трудовой эмиграции из Украины и Молдавии (а также из Белоруссии) уже давно направлен в Европу, а не в Россию. Европа — важный источник финансовых поступлений в эти страны, но, главное, она значительно привлекательнее России, которая все чаще оказывается антимodelью, а не образцом подражания для постсоветских обществ. Молодежь Грузии и Молдавии — полностью, а Украины — в значительной мере в ценностном и культурном отношении ориентирована прозападно. Для нее мало что значат общая советская история и экономическая зависимость их стран от России.

Прозападная ориентация абсолютно превалирует и среди белорусской молодежи, со всей очевидностью указывая вероятное будущее Белоруссии.

Отвечая однажды на вопрос, что же привело к падению коммунизма, последний советский лидер Михаил Горбачев ответил в несвойственной ему афористичной манере: «Культура». «Бархатные революции» рубежа 1980–1990-х годов прошлого века были подготовлены социокультурной трансформацией коммунистических обществ. Аналогичная по масштабу и вектору трансформация стала благодатной почвой для «цветных революций».

Россия не смогла воспрепятствовать «цветным революциям» ни во враждебной ей Грузии, ни в целом лояльных ей Украине и Молдавии, ни во всецело зависимой от нее Киргизии. А ведь в 2004 г. потенциал влияния России на Украину был значительно выше, чем у любых внешних игроков. Во время президентских выборов Россия откровенно вмешивалась во внутренние дела Украины, активно и открыто поддерживая одного из украинских кандидатов, в кампании которого принял личное участие даже тогдашний президент России Владимир Путин.

Вряд ли Запад можно считать главной причиной российского проигрыша. Непонимание российской элитой постсоветской динамики, неэффективное использование потенциала влияния, непривлекательность российского пути развития выглядят более убедительным объяснением провала российской политики в постсоветском пространстве, чем «геополитический заговор» против России.

Но даже если мы признаем важную роль внешних сил в «цветных революциях», это не отменит их права называться революциями, а лишь рельефнее подчеркнет революционный характер событий.

Причины революций

Все удачные революции одинаковы, как счастливые семьи Льва Толстого. Чтобы революции возникли и победили, необходима комбинация структурных

² Голдстоун Дж. Указ соч. С. 64–66.

факторов³. Более или менее одинаковый набор факторов мы обнаруживаем во всех «цветных революциях».

Первое. Кризис государственной власти, при которой государство воспринимается элитами и массами как неэффективное и несправедливое. В случае «цветных революций» (за исключением Грузии и Киргизии в апреле 2010 г.) доказательством несправедливости государства и одновременно триггером революций выступили обвинения власти в нечестном проведении общенациональных выборов. Не имели значения ни масштабы этих злоупотреблений, ни даже отсутствие убедительных доказательств их совершения. Общества априори воспринимали власть как несправедливую и склонную к электральной фальсификации. Глубокое моральное недоверие власти вело к ее политической делегитимации. В культурной рамке революционного кризиса экономические и политические кризисы, материальные лишения и угрозы воспринимались как непосредственный результат несправедливости и нравственных недостатков государства, в резком контрасте к добродетельности и справедливости оппозиции⁴.

Отказ власти от репрессий против революционеров не повышал ее морального авторитета, а наоборот, воспринимался как проявление ее слабости и неэффективности. Но и репрессии не были решением кризиса. Они закрепляли впечатление несправедливости государства и усиливали массовый протест, особенно если задевали невинных, как это случилось, например, в Киргизии в апреле 2010 г.

В результате власть оказывалась в ловушке: репрессии доказывали ее несправедливость, а их отсутствие в ситуации революционного кризиса доказывало ее слабость.

Эта ловушка возникала потому, что часть элиты отказывалась от поддержки режима и предпочитала искать альтернативные пути разрешения революционного кризиса. «Государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революций снизу»⁵. Раскол элиты — второй структурный фактор революции.

Здесь важно обратить внимание, что речь идет не о рядовом элитном конфликте, а об оформлении элитных фракций, имеющих различную идеологию и различные представления о структуре желательного социального порядка. Раскол на, условно, консервативную и (прото)демократическую фракции элиты имел место во всех революциях от Грузии до Молдавии, не исключая Киргизии. В Грузии против слабого режима Шеварднадзе выступила элитная фракция Саакашвили — Бурджанадзе — Жвани. На Украине против Януковича — Ющенко и Тимошенко. В Киргизии против Акаева — Бакиев — Кулов — Отунбаева, затем уже против Бакиева — Отунбаева. В Молдавии Гимпу и Филат против Воронина. Так или иначе, все оппоненты власти сами занимали в ней важные посты или были от них ранее отстранены.

Третий структурный фактор революции — кризис народного благосостояния — не столь однозначен, как два первых. В этом отношении «цветные революции» выглядят полемикой между Владимиром Лениным и Алексисом де Токвилем. Первый считал важной причиной революции социоэкономический кризис и обнищание низов — «обострение выше обычного нужд и бедствий трудящихся классов». Второй на примере Великой французской революции показывал, что к революции парадоксальным образом ведет не ухудшение, а улучшение социоэкономической ситуации, сопровождающееся быстрым ростом массовых притязаний, для удовлетворения которых не хватает ресурсов. Иначе говоря, революция политическая и социальная начинается с революции ожиданий.

³ Перечень этих факторов см. в: Голдстоун Дж. Указ. соч. ; Goldstone Jack. *Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions* // Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.) *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences* Cambridge : Cambridge University Press, 2003 P. 41–90.

⁴ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 76–77.

⁵ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 66.

Опыт «цветных революций» подтверждает обе гипотезы одновременно, не делая однозначный выбор в пользу одной из них. В Грузии и Киргизии социально-экономическое положение накануне революций было ужасающим; в Молдавии оно ухудшилось вследствие мирового кризиса, но не драматически. Зато Украина в течение двух-трех лет перед «оранжевой революцией» наслаждалась беспрецедентным экономическим ростом, составлявшим 12–14% в год. Этот рост сформировал обширный украинский средний класс, пробудил к жизни его политические амбиции и повысил притязания украинского общества.

В общем, резкое ухудшение народного благосостояния не обязательно предшествует революции. Уровень жизни имеет значение не сам по себе, а только в сочетании с другими структурными факторами. Эти факторы усиливают его воздействие либо, наоборот, способны компенсировать его слабость, как это было на Украине.

И наоборот: даже самое драматическое падение жизненных стандартов, если оно не комбинируется с другими факторами, не ведет к революции. На той же самой Украине экономическая ситуация накануне президентских выборов 2010 г. была несравненно хуже, чем в 2004 г.

Отдельно взятый конфликт элитных фракций ведет к перевороту, но не к революции. Отдельно взятая массовая мобилизация — к восстанию или даже гражданской войне, но не к революции. Для революции критически необходим союз части элит и народных масс в их атаке на государственную власть. Без этого, четвертого структурного фактора успешная революция вряд ли возможна.

Во всех «цветных революциях» союз части элит и общества сыграл ключевую роль. При этом массовая мобилизация носила в целом мирный характер, хотя сопровождалась угрозой насилия и даже отдельными его проявлениями. Лишь последняя революция в Киргизии сопровождалась широкомасштабным насилием.

Революция невозможна без оппозиционной идеологии — пятого структурного фактора. Такая идеология соединяет элиту и массы в их борьбе с властью, оправдывает эту борьбу и предлагает альтернативный социальный порядок. В качестве подобной идеологии выступала утопия (по К. Мангейму) справедливости и освобождения. В Грузии, Украине и Молдавии она была рационализирована и артикулирована в форме демократической идеологии, в Киргизии — в виде довольно смутного, но сильного стремления к справедливости.

Наконец, шестым и последним — в порядке перечисления, но не по степени важности — структурным фактором окажется внешнее влияние. Под внешним влиянием, как я уже объяснял, понимается не только и не столько политическое вмешательство, сколько социокультурное влияние, восприятие Запада как желательной нормы и образа будущего. В этом качестве Запад составлял важную часть оппозиционной утопии.

Таким образом, внешний фактор усиливал оппозиционную идеологию и влияние такого фактора, как кризис народного благосостояния. Применительно же к Украине внешний фактор компенсировал слабость этого кризиса.

Как уже отмечалось, в Киргизии ни в каком виде невозможно обнаружить серьезное западное влияние. Она была финансовым клиентом России, которая сохраняет преобладающее социокультурное влияние на киргизское общество и служит главным направлением киргизской трудовой миграции.

В то же время, если включить во внешний фактор революционный пример, влияние революционных событий *per se*, тогда можно говорить о внешнем влиянии и применительно к Киргизии. Бесспорно, что грузинская «революция гвоздик» послужила вдохновляющим примером, моделью и резервуаром политического опыта для всех «цветных революций», включая первую киргизскую. Роза Отунбаева, лидер первой и второй киргизских революций, была хорошо знакома с грузинским революционным опытом.

Итак, в двух странах — Грузии и Молдавии — мы обнаруживаем все шесть структурных факторов революции, на Украине и в Киргизии — по пять. На Украине был слабо выражен кризис народного благосостояния, в Киргизии — внешнее влияние. В то же время в Киргизии присутствовал структурный фактор, отсутствовавший во всех других «цветных революциях», — демографический перегрев.

Демографии принадлежала важная роль в масштабных исторических потрясениях Новейшего времени, она послужила своеобразной «мальтузианской» основой революционных кризисов и войн XIX–XX вв. При этом существует отчетливая корреляция между демографической динамикой и масштабом насилия.

Ни в «бархатных», ни в «цветных» революциях демографический фактор не играл заметной роли. Единственное значимое исключение — азиатская Киргизия, где демографический перегрев оказался важным структурным фактором кризиса. В каком-то смысле он компенсировал отсутствовавшее внешнее влияние. В то же время демографический перегрев способствовал высокому уровню революционного насилия.

Черта, которую часто полагают особенностью «цветных революций», — активное участие в них молодежи — в действительности является общим признаком всех революций.

Возможен интересный сравнительный анализ «цветных революций» по таким параметрам, как протестные идентичности и тип мобилизации, характер лидерства, гендерный фактор и т.д., но эти вопросы второстепенны по отношению к основной линии моей статьи.

Революционные результаты

Я последовательно проводил мысль, что «цветные революции» носили демократический или хотя бы протодемократический, как в Киргизии, характер. В пользу этого говорят такие свидетельства, как демократический характер оппозиционной идеологии, выбор Запада в качестве образца развития, в це-

лом мирный характер революционной динамики. Единственное исключение в этом смысле, еще раз повторю, составила Киргизия.

Однако можно ли назвать политические режимы, установившиеся в результате революций, демократическими? Здесь надо пояснить, что характер революции и ее результаты, включая тип политического режима, не связаны детерминистскими отношениями. Более того, последствия революции вообще невозможно вывести из ее структурных условий. Демократия или диктатура, мир или война, глубина политических и социальноэкономических преобразований оказываются результатом сложной и непредсказуемой констелляции структурных факторов и множества переменных. В целом результаты революции скорее случайные, чем предопределенные⁶. «Цветные революции» полностью подтверждают этот теоретический вывод.

Точно так же они подтверждают наблюдение, что революционные усилия, уходящие на перестройку политических институтов, душат экономический рост, а пред- и постреволюционный раскол элит оказывается губительным для экономического прогресса. В большинстве случаев долговременное экономическое развитие революционных режимов отстает от развития сопоставимых стран, не знавших революций⁷. Возможно, развитие демократических институтов окажет в конечном счете стимулирующее воздействие на экономическую динамику стран, переживших «цветные революции». Однако в настоящее время можно говорить об экономических провалах, а не об экономических достижениях «цветных революций». Провалах, которые не обязательно компенсируются развитием политической демократии.

Уверенно говорить об утверждении демократии можно лишь на Украине, о хороших демократических перспективах — в Молдавии, в то время как демократическое будущее Грузии и Киргизии

⁶ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 98–99.

⁷ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 94–95.

выглядит весьма неопределенным и тревожным.

Предпочтение, отданное Украине, вызвано тем, что в этой стране в ходе общенациональных конкурентных, свободных и прозрачных выборов 2010 г. сменились местами власть и оппозиция, в свою очередь, поменявшиеся местами в ходе «оранжевой революции» 2004 г. Мирная смена власти в ходе выборов — важный критерий успеха демократизации.

При этом одним из ключевых факторов выживания и упрочения демократии на Украине стал ожесточенный конфликт внутри украинской элиты. Равенство сил элитных фракций поставило их перед дилеммой: взаимное уничтожение или компромисс, механизмом которого стали демократические институты и процедуры. Украинская ситуация лишней раз подтверждает давнишнее наблюдение: демократия вырастает не из достоинств людей, а из их недостатков. Она служит не для того, что создать на земле рай, а для того, чтобы не возник ад.

Правда, если в политике элитный конфликт привел к упрочению демократии как механизма внутриэлитного компромисса, то в экономике его результатами стали дезорганизация и управленческий паралич. Феноменальный украинский экономический подъем закончился почти сразу же после «оранжевой революции», причем вследствие внутренних причин, а не в результате влияния внешних факторов. За демократию Украине пришлось заплатить масштабными экономическими и социальными потерями. Впрочем, с начала 2010 г. украинская экономика демонстрирует высокие темпы восстановления — почти столь же высокие, как и темпы падения в 2008–2009 гг.

Экономические проблемы Молдавии трудно отнести на счет революции, поскольку молдавская революция проходила в ситуации глобального экономического спада. В Молдавии соблюдаются демократические процедуры и правила игры, но, пока она не прошла испытания демократической сменой власти, невозможно говорить об успешной консолидации демократии.

В Грузии демократический потенциал революции был выхолощен, утвердившийся режим Михаила Саакашвили характеризуется заметными авторитарными чертами, а экономически его невозможно назвать успешным. Впрочем, страна, избравшая военный путь для восстановления территориальной целостности, по определению лишается шансов нормального экономического развития и тяготеет к авторитарному правлению. Удивительно, но, даже проиграв «пятидневную войну» августа 2008 г., грузинская власть сохранила известную популярность и авторитет. Что, наряду с ее способностью выдержать натиск оппозиции, свидетельствует о политической эффективности. Хотя режим Саакашвили нельзя назвать демократическим и в этом смысле справедливым, его можно считать эффективным. Таким образом, результатом грузинской революции стало формирование режима — более сильного, чем уничтоженный революцией, хотя и менее демократического.

В отличие от Грузии постреволюционная Киргизия вообще не могла предъявить позитивных результатов революции: ни политической демократии, ни экономического роста, ни относительно эффективной власти. Режим Бакиева оказался еще более коррумпированным, неэффективным и непопулярным, чем свергнутый режим Акаева. Даже масштабная трудовая миграция киргизов в Россию не смогла спасти небольшую страну от демографического перегрева. Результатом глубокого внутреннего кризиса стала новая революция в апреле 2010 г., оказавшаяся полной неожиданностью для наблюдателей.

Итак, из четырех стран, переживших «цветные революции», лишь в двух идет относительно успешный процесс консолидации демократии — в Украине и в Молдавии. В Грузии и в Киргизии сформировались режимы сущностно недемократические, хотя и использовавшие демократические процедуры. Правда, в Грузии новая власть оказалась эффективнее старой хотя бы в части подавления оппозиции. В Киргизии же она не могла по-

хвастать даже этим достижением, что и привело к новой революции.

Хотя делать выводы о характере новой киргизской власти преждевременно, можно предположить, что она окажется более чувствительной к общественным запросам и в этом смысле потенциально более демократичной. Идея перейти от президентской к парламентской республике выглядит важным шагом в этом направлении.

Если в политической области результаты «цветных революций» можно рассматривать как двойственные, то в экономике они оказались негативными. На Украине послереволюционный конфликт элит привел к срыву впечатляющего экономического роста и к кризису, который впоследствии был усугублен мировым кризисом. Радикальное ухудшение экономической ситуации произошло и в Киргизии, несмотря на российскую помощь, китайские инвестиции и существенные (по меркам киргизского бюджета) доходы от аренды США авиабазы «Манас». В Грузии и в Молдавии революционные режимы не смогли обеспечить экономический рост. Впрочем, вряд ли он был там вообще возможен.

Негативные экономические последствия революции являются скорее правилом, чем исключением, а установление демократии не гарантируют даже демократические по характеру революции. В России негативные результаты «цветных революций» использовались как важные аргументы в широкомасштабной контрреволюционной пропагандистской кампании для дискредитации как конкретных революций, так и идеи революции вообще.

По стезям Николая I

Российская реакция на «цветные революции» была избыточно сильной и в чем-то даже истеричной. Особенно острую реакцию Кремля вызвала «оранжевая революция» на Украине. И понятно, почему. Грузия, Киргизия и Молдавия — страны небольшие и не представлявшие первостепенного интереса для России ни в экономическом, ни в ге-

ополитическом отношении. Грузия вообще воспринималась как недружественное государство.

Украина же в силу своих масштабов, геополитического положения, историко-культурной близости и экономического потенциала всегда считалась ключевой для России страной постсоветского пространства. Но при этом российский политический класс смотрел на своего западного соседа свысока. Украина казалась жалкой копией России, ее население — тупым, безынициативным и послушным властям, а исход украинских выборов 2004 г. выглядел предрешированным. И вот — совершенно внезапный для российских и европейских наблюдателей масштабный общественный протест, радикально изменивший политическую ситуацию. Помимо утери политического влияния на Украину Кремль подсознательно экстраполировал «оранжевую революцию» на российскую ситуацию. Тем более что сразу же после (но не вследствие!) украинской революции по России прокатилась волна выступлений пенсионеров, протестовавших против так называемой монетизации льгот. Эти бунты сломали стереотип о пассивном и не способном к социальному протесту российском населении.

Политико-идеологическая активность Кремля в 2005–2008 гг. носила открыто и последовательно контрреволюционный характер. Типологически она повторяла контрреволюционную стратегию российского императора Николая I, при котором Россия получила неблагозвучное прозвище «жандарма Европы». Разумеется, формы и методы современной российской контрреволюции отличались от тех, которые использовались во второй трети XIX в. В 2005 г. Россия не послала войска на мятежную Украину, как в 1848–1849 гг. она посылала их в революционную Венгрию. Зато в январе 2006 г. и 2007 г. Россия перекрывала поставки газа на Украину. Другие времена, другие песни. Но идеологическая музыка оставалась прежней.

Идеологическое обоснование контрреволюции при Николае I и при Влади-

мире Путине концептуально совпадало. Правительство Николая I последовательно защищало принцип легитимизма, выступало против экспорта революционных идей, за которыми усматривало масштабный международный заговор, и против демократии *per se*.

А вот что говорил в 2005 г. президент Владимир Путин: «Демократию нельзя экспортировать из одной страны в другую. Так же как нельзя экспортировать революцию, так же как нельзя экспортировать идеологию»⁸. Директор ФСБ Николай Патрушев был откровеннее в своих заявлениях, прямо обвинив спецслужбы и организации иностранных государств в дестабилизации (читай: в организации революций) соседних с Россией государств.

При Николае I графом Уваровым была сформулирована доктрина российского самодержавия — теория «официальной народности». Вопреки названию ее центральным пунктом была не «народность», а «самодержавие» — монархия, обладающая всей полнотой власти на территории страны и свободой рук во внешней политике. Два других члена уваровской триады, «православие» и «народность», трактовались как производные и целиком зависимые от монархии величины. Теория Уварова идеологически противостояла идеям народного суверенитета, республиканизма и национализма.

Современной репликой теории графа Уварова стала «суверенная демократия» Владислава Суркова, высокопоставленного чиновника, пользующегося репутацией идеолога российской власти. Смысл этой идеологии предельно прост: свободная от любых внешних ограничений российская власть, полностью контролирующая российское общество. Термин «демократия» в доктрине Суркова — такая же дань времени, как и термин «народность» в теории Уварова. «Народность» Уварова не подразумевала народного суверенитета, а «демократия» в понимании Суркова имела к демократии приблизи-

тельно такое же отношение, что и «народная демократия» коммунистических режимов.

Modus vivendi «суверенной демократии» также более или менее воспроизводил внутреннюю политику «официальной народности», хотя и с поправкой на время. Во время второго президентского срока Путина был стерилизован избирательный процесс, чрезмерно ужесточено законодательство по борьбе с экстремизмом, репрессировалась любая несанкционированная публичная активность, преследовались неправительственные организации, время от времени устраивались антизападные пропагандистские кампании, были созданы массовые прокремлевские молодежные и общественные организации и др.

В общем и в целом контрреволюционные практики носили явно избыточный характер. Точно такой же избыточной была реакция правительства Николая I на крошечные группы оппозиционных царской власти интеллектуалов — славянофилов и западников. И тогда, и сейчас страх российской власти был подлинным, но не слишком понятным. Ведь ни во второй трети XIX в., ни в первое десятилетие XXI в. Россия не стояла вплотную перед угрозой революции.

Почему не Россия?

Украина не Россия.

Леонид Кучма, экс-президент Украины

Все структурные факторы «цветных революций» в России отсутствовали или были слабо выражены. Российское государство не переживало делегитимации. Наоборот, с приходом к власти Владимира Путина, осуществившего централизацию власти, государство значительно укрепилось — и как институт, и как факт общественного мнения. Хотя укрепившееся государство не приобрело в глазах общества репутации справедливого, оно выглядело весьма эффективным в некоторых отношениях.

Во-первых, в достижении экономических целей: с 2003 г. по осень 2008 г. Россия переживала беспрецедентный в пост-

⁸ Путин высказывается против попыток «экспорта демократии» // Интерфакс. 2005. 18 сент.

коммунистическую эпоху экономической подъем, который массовое сознание ассоциировало с режимом Путина. Не столь важно, что в действительности этот подъем в решающей степени зависел от благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, а не от действий российских властей. Не будь этих действий, экономический рост был бы еще более значительным.

Во-вторых, Россия выглядела весьма успешной в преследовании внешнеполитических целей. Здесь очень важным был контраст с ельцинской эпохой, воспринимаемой российским обществом как период национального унижения и позора. (Вообще 1990-е годы во всех отношениях стали выигрышным фоном для новой российской власти.)

В-третьих, российская власть проявила жестокость и изощренность в преследовании своих оппонентов — актуальных и потенциальных. Причем эта жесткость долгое время воспринималась обществом весьма одобрительно. В течение нескольких лет открыто выступать против сверхпопулярного Путина решались лишь небольшие маргинальные политические группы — радикальные левые и радикальные либералы, не пользовавшиеся симпатиями в российском обществе. Более или менее влиятельные оппозиционные политические партии были маргинализованы («Яблоко», СПС) или вообще уничтожены («Родина»).

Четвертым важным доказательством эффективности российского государства стал его полный и успешный контроль над телевизионными массмедиа. Во всех странах, переживших «цветные революции», присутствовали влиятельные оппозиционные массмедиа. В России они исчезли еще в первое путинское президентство. А ведь в отсутствие влиятельных оппозиционных политических партий их роль могла взять на себя только массмедиа.

Влияние глобального экономического кризиса на Россию ослабило впечатление экономической эффективности российского государства, но не критически. Масштабные государственные программы поддержки пенсионеров и бедных

слоев населения в какой-то мере усилили впечатление о справедливости государства, тем самым компенсировав представление о снижении его экономической эффективности. Точно так же некоторое ослабление административного контроля в ходе муниципальных выборов марта 2010 г. привело к тому, что выборы были восприняты обществом как более справедливые.

В общем, требования русских к честности государства (и к государству вообще) настолько незначительны, что любой его шаг навстречу обществу способен улучшить репутацию государства или, по крайней мере, ослабить критику.

В других отношениях — преследование националистических внешнеполитических целей, подавление оппонентов и контроль над телевидением — российское государство остается не менее эффективным, чем прежде. В целом оно не испытывает рисков делегитимации и утраты контроля над ситуацией.

Еще один структурный фактор революции — кризис народного благосостояния. Как дело обстоит с этим? В годы процветания «золотой дождь» нефтяных цен проливался на Россию неравномерно, но доставалось всем слоям. Социальные низы, к которым, по разным оценкам, относится до трети населения, получали массивный пакет государственной помощи. Зависящие от государственных вспомоществований и характеризующиеся ярко выраженными патерналистскими настроениями социальные низы не только не оппозиционны власти, но и составляют ее стабильную опору. Так было до кризиса, так остается и сейчас.

Разогретый экономическим подъемом российский средний класс не переживал революцию ожиданий, подобную украинской. Конфронтации с властью он предпочел стратегический пакт с режимом: отказ от политических амбиций в обмен на экономический рост и рост собственного благосостояния. С точки зрения российского общества, обмен свободы на возможность обогащения выглядел рациональной сделкой. Негативные последствия «оранжевой революции» на

Украине, где война элит привела к срыву экономического роста и дезорганизации государства, не способствовали желанию политических перемен.

Так или иначе, начавшийся в 2008 г. кризис народного благосостояния не имел драматических последствий. Во многом потому, что в предшествующие годы «процветания» был создан запас прочности.

В любом случае, говорить о возможности массовой мобилизации в России не приходится. По заслуживающим доверия социологическим оценкам, даже в пик экономического кризиса, в 2009 г., готовность населения России принять участие в массовых выступлениях лишь немногим превышала докризисный уровень и колебалась в пределах статистической погрешности.

Теоретически потенциальную базу революции в России составляет средний класс. Триггером его мобилизации может стать угроза личным и групповым интересам, т.е. в первую очередь экономические мотивы. Наиболее масштабные, радикальные и организованные акции протеста в России в 2009–2010 гг. прошли именно там, где были существенно задеты интересы среднего класса — во Владивостоке и Калининграде. Однако выступавшие не ограничились экономическими требованиями, а выдвинули и политические.

Тем не менее эти выступления не слились в широкое общенациональное движение. Российскому среднему классу есть что терять, перспектива экономического восстановления сдерживает реализацию его протестного потенциала. В оптике российского среднего класса социальные и материальные риски открытого выступления против власти значительно перевешивают гипотетические плюсы. Значительное большинство российского общества считает ценность стабильности и порядка несравненно важнее ценности свободы и справедливости. Три четверти населения России называют стабильность самой важной ценностью. В политическом плане это подразумевает сохранение статус-кво и неприятие любых радикаль-

ных перемен. Последняя киргизская революция лишь усилила консервативные настроения в России.

Но даже в практически невероятном случае массовой мобилизации народное выступление натолкнется на сплоченное элитное сопротивление. А, как подчеркивал Голдстоун, «государства, пользующиеся поддержкой сплоченной элиты, в целом неуязвимы для революций снизу». И еще: «Угроза революции возникает тогда, когда... элиты не желают поддерживать режим либо одолеваемы разногласиями по поводу того, делать ли это, а если да, то как»⁹.

Российская элита в целом далека от возможности принципиального раскола. Хотя разногласия в ее рядах с приходом к власти Дмитрия Медведева усиливаются, они не привели к поляризации и формированию элитных группировок с резко различающимися представлениями о структуре желательного социального порядка. Между тем для возникновения революции (или хотя бы острого государственного кризиса) важны не внутриэлитные конфликты сами по себе, а возникновение элитных фракций с радикально отличающимися программами. Оформление таких фракций — важного структурного фактора революции — выглядит пока что скорее гипотетической возможностью.

Маловероятной кажется и перспектива коалиции либеральной элиты с обществом. Напомню, что без союза части элиты и общества успешной революции просто не может быть. Мой скепсис в отношении его перспектив вызван следующим обстоятельством.

На глазах современной российской элиты пал могущественный Советский Союз. Обоснованно или нет, но первопричиной его гибели в России принято считать поспешную и массовую либерализацию в кризисной ситуации. Поэтому значительная часть российской элиты испытывает предубеждение против политической либерализации. В целом элита опасается глубокого вовлечения общества

⁹ Голдстоун Дж. Указ. соч. С. 66, 68.

в политику, поскольку последствия новой «гласности» и «перестройки» могут легко выйти из-под контроля и принять непредсказуемый характер.

Важно отметить, что психологический профиль российской элиты отличается от профиля элиты тех стран, где произошли «цветные революции», по крайней мере в одном важном аспекте. Она готова прибегнуть к массовому и жестокому насилию. В ходе «цветных революций» власть не решалась противостоять оппозиции или же сопротивлялась ровно до угрозы массового кровопролития. В случае возникновения подобной угрозы она сдавалась.

Российская элита, словами царского сановника начала XX в., патронов жалеть не станет и холостых залпов давать не будет. Объектом особого поощрения власти являются милицейские подразделения (внутренние войска), предназначенные для подавления массовых волнений. Крайняя жестокость и бесконтрольность российской милиции хорошо известны всем и каждому в России.

Между тем в стране отсутствует оппозиционная идеология, способная оправдать возможные жертвы общественного протеста. Ни один из вариантов левой, либеральной или националистической идеологии не способен мобилизовать общество в целом на борьбу с властью. В России отсутствует широкая культурная рамка, способная придать смысл радикальным переменам и объединить общество в стремлении к ним. Легитимирующий перемены миф свободы и справедливости по своему влиянию значительно уступает оправдывающему сохранение статус-кво консервативному мифу стабильности и порядка.

В то же время очевидно, что внешнее влияние не способно компенсировать слабость оппозиционной идеологии в России. К любым международным и даже российским неправительственным организациям российское государство подходит с презумпцией недоверия. Исключение составляют НПО и общественные организа-

ции, которые властью созданы и/или контролируются ею с целью имитации гражданского общества. Наиболее известный пример — Общественная палата.

Западное социокультурное влияние имеет в России парадоксальные следствия, резко выделяющие ее из числа других стран. Русские разделяют основные ценности, ассоциируемые с Западом, ориентируются на западные потребительские стандарты и считают Россию европейской страной. В то же время большинство общества и элиты полагает, что к западным результатам можно прийти незападным путем, не копируя западные институты и процедуры. В отличие от других постсоветских государств, в отличие от самих себя рубежа 1980–1990-х годов прошлого века для современных русских Запад более не выступает нормативистским образцом и мобилизующим примером.

Доказательства несформированности или слабости структурных факторов революции в России могут казаться слишком очевидными, чтобы уделять им много времени. Однако, как ни парадоксально, отсутствие революционной перспективы в России не столь очевидно.

Дело в том, что теория революций признает свой провал в части предсказания революций. Революции можно описать, но невозможно предсказать. Они всегда неожиданны для современников и чаще всего происходят тогда, когда их никто не ожидает. Структурные факторы революции не обязательно ведут к ней. Но и зрелость структурных факторов обычно выясняется лишь постфактум, после того, как революция уже произошла. В январе 1917 г. Владимир Ленин, отнюдь не рядовой политический ум своей эпохи, с горечью писал, что его поколение не доживет до революции в России.

И хотя теория предрасполагает к агностицистской позиции, я все же рискну высказать собственное мнение. В современной России, скорее всего, складываются условия для масштабного государственного кризиса. Однако даже случись, этот кризис вряд ли приведет к революции.

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И КОНЦЕПЦИЯ НЕЗАПАДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

А.Д. Воскресенский

Задачи, стоящие перед модернизирующейся Россией, не уникальны. Другие страны решали их раньше, правда, по-своему и в другой последовательности. То есть пути решения этих не уникальных по отдельности задач являются уникальными для каждой страны из-за ее специфики. Развитые страны Запада прошли путь модернизации и трансформации от традиционного к индустриальному обществу и завершили или завершают переход к постиндустриальному. Сумели сделать это и некоторые страны Востока. Другие страны только начали движение по этому пути, а некоторые никак не могут даже вступить на него. Следовательно, существуют разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической системы, которые приводят или не приводят к успешному завершению процесса модернизации. Интересно, что некоторые страны Востока, который в целом вступил на этот путь позже, чем Запад, сумели предложить свой путь, не равнозначный западному, т.е. не равнозначный вестернизации, и сохранили свою культурно-цивилизационную специфику, обогатив опыт мирового развития. Именно им и удалось догнать Запад.

Опыт этих стран Востока чрезвычайно важен для России, которая, осознав в целом необходимость рационального решения социально-политических проблем, отражением чего служит дискуссия о суверенной демократии и оптимальном экономическом и политическом устройстве нашего общества (спор об изменении конституции, третьем сроке для президента, увеличении президентского срока, концепции суверенной демократии, сверхуправляемой демократии, имитационной демократии, 44-летнем цикле базисной основы политического режима

дуумвирата, необходимости трансформации и даже изменения политической системы), только вступает на путь научного конструирования модели развития, ориентированной на осовременивание и, одновременно, плодотворно и рационально использующей опыт других стран.

Принципы сравнительного анализа политических систем

Прежде чем перейти к проблеме осмысления эволюции политических систем и конкретному анализу восточных политических систем во всей его сложности и многоплановости, необходимо определить методологические позиции, которые структурируют логику анализа и дают возможность строить практические построения и делать выводы прикладного характера. В этой связи нам предстоит определить следующие вопросы:

Каковы методологические подходы к общественным явлениям и как соотносится системный анализ политических процессов с компаративистским?

Как определять сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле в частности; каковы могут быть методологически корректные типы сравнений и соответственно какова аберрация выводов при методологически неправильной постановке вопроса, как эта аберрация может быть связана с проблематикой корректного компаративного анализа политических систем?

Есть ли и в чем смысл «пространственного» анализа материала в связи с региональной спецификой и каким образом пространственно (т.е. «спатально», используя политологический термин) группировать «незападный»/«восточный» материал при его анализе и изложении?

Как в этой связи определить соотношение общих и специфических (региональных/страновых закономерностей) в рамках системно-сравнительного подхода и какова может быть связь соотношения общего и специфического в проблематике политических систем, а соответственно каково влияние этого соотношения на результаты и скорость модернизационных процессов?

Как конкретно сформулировать специфику обществ незападного и восточного типов (как части незападного типа) в отличие от западных?

Каким образом углубить понимание механизмов функционирования политических систем восточных обществ, какова степень практической применимости подобного понимания и как можно выделить модели незападной, в том числе и азиатской, демократии на основе этого понимания?

Системный подход к обществу и политике

Системный подход становится достоянием политической науки с середины 50-х годов XX в. Очевидно также, что многие из положений политической науки, которые относятся к системному подходу, были разработаны и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики¹. Соответственно Т. Парсонс и Д. Истон стремились создать комплексную теорию социального действия, где политическая система, представленная в виде «черного ящика», внутреннее устройство которого было не так важно, развивалась по определенным правилам, а все остальное являлось политической средой, с кото-

рой взаимодействовала политическая система.

Одновременно исследователи определили, что общественные (и политические как их составная часть) науки имеют свою специфику — прежде всего по своему характеру они исследуют политические, т.е. часть социальных, отношения, а значит, это в целом — социальные системы. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах часто сложно провести четкую границу, а соответственно и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят вполне условный характер. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными (и политическими) общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системной организации. Еще одна особенность политической системы отношений и составляющих ее частей связана с тем, что ее основные элементы представлены социальными (политическими) общностями (включая отдельных индивидов), т.е. они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов.

Если излагать «скучные» и абстрактные методологические построения популярным языком, то их «методологическая quintessence» будет достаточно проста: в разных системах разные институты могут выполнять схожие функции; в разных системах схожие институты могут/будут выполнять разные функции. Если оттолкнуться от этого методологически корректного положения, можно найти интересные объяснения сложностям построения теорий так называемого демократического транзита, современной политической жизни разных стран и прийти к интересным выводам, имеющим далеко идущий

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997; Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997.

щие практические политические последствия. В частности, такая методологическая постановка вопроса предполагает, и уж точно не исключает того, что к построению свободного, демократического, эффективного и экономически процветающего общества можно прийти путем, уникальным (специфичным) для данной социально-политической системы, на основе понимания общих моделей трансформации, учитывающих структурную специфику данной конкретной системы, в частности специфику ее культурно-исторических параметров и автохтонных культурных/исторических/конфессиональных установок.

На основе расширительного толкования сравнительного метода Г. Питерс удачно выделил пять типов сравнительных исследований:

- сравнительное исследование одной страны;
- сравнительный анализ сходных процессов и институтов группы стран;
- сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем;
- статистический, либо описательный анализ данных группы стран, объединенных по географическому признаку или на основе сходности путей развития, где подвергаются проверке гипотезы, построенные на основе анализа взаимоотношений переменных, взятых из группы стран-образцов;
- статистический анализ всех стран, в основе которого лежит попытка выделить модели, либо взаимоотношения в рамках политических систем всех типов².

Таким образом, в современной англосаксонской традиции сравнительной политологии, являющейся ведущей в современной мировой политической науке, сегодня четко прослеживается тенденция, суть которой заключается в том, что широкий статистический кросс-страновой анализ не является единственным типом сравнительных исследований.

То есть исследователь должен взвесить все «за» и «против» различных подходов. Соответственно с этой точки зрения иногда полезнее «опуститься в глубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, для того чтобы проанализировать, что отличает политическую систему одного государства от политической системы другого. То есть качественная интерпретация не теряет своей ценности.

Кроме того, сравнительному анализу может подвергнуться одна и та же «единица», но в разные временные отрезки, т.е. возможен и кросс-временной (кросс-темпоральный) анализ одного государства (страны) либо даже политического института «внутри» национального государства. Такой сравнительный анализ может показать, каким образом меняются социальный и культурный типы внутри одной политической системы. В такого рода сравнительных исследованиях качественные методы анализа действительно превалируют над количественными, на что и указывал Ч. Рэгин. Главное при таком подходе — методологическая корректность самих выводов из проделанного анализа и комплексность подхода.

Анализ политического на Востоке и на Западе: общее и особенное

Обозначив изначальное отличие незападных обществ от западных, на основе которого можно попытаться выписать специфику незападного политического процесса, мы должны сначала попытаться определить системную специфику восточных обществ как части незападного мира³. Сделав это и определив корректные методы сравнения политических систем обществ разных типов, мы сможем проследить эволюцию политических систем Востока, наметить пути к определению региональной специфики и вычленив определенные модели базисной идеологии в отношении определенных типов политических систем и политиче-

² Peters B.G. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y. : Palgrave, 1998. P. 10.

³ Пути к этому были намечены Л. Паем. См.: Pye L., Pye M. Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 1985.

ских процессов. Такой анализ может показать специфику политической культуры государства, в частности и России, и объяснить, как специфика политической культуры может влиять на специфику политической системы. Отсюда: смена власти при недостаточной трансформации социально-экономических структур может привести или к воспроизводству старой системы в модифицированном виде, или же к результатам, которые не прогнозировались в процессе смены власти.

Надо сказать, что региональная специфика хорошо вычленяется при анализе дихотомического типа (Запад/Восток), хотя само дихотомическое противопоставление такого типа имеет только аналитический и частично интуитивно-прикладной смысл.

Прежде всего обозначим два подхода к выявлению специфики незападных/восточных обществ, которые позволят нам определить специфику их политического процесса. Эти два подхода сегодня достаточно детально проработаны отечественным востоковедением. В соответствии с первым подходом доантичные западные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с Античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные. В обществах западного типа:

- структурирующий характер имеют рыночно/частнособственнические отношения;
- там доминирует товарное производство;
- там отсутствует централизованная власть;
- соответственно там существовало демократическое самоуправление общины, которое впоследствии переросло в структуру, которая в сегодняшних западных обществах получила название «гражданского общества»⁴.

В соответствии с этой концепцией общество такого типа было подвержено достаточно быстрым структурным модификациям, что вызывало его быструю эволюцию в сторону обществ высококонкурентного типа с точки зрения функционирования политической и административной системы.

В обществах второго типа — восточных — не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность (т.е. власть была эквивалентна собственности, и наоборот, в то время как в обществах западного типа со времен Венецианской республики произошло разделение собственности (денег) и власти, которая могла быть «просто» наемной, а ее главной функцией являлась функция управления). В восточных обществах не было норм права, которые защищали частнособственнические отношения (римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот. При этом, хотя общество и создавало альтернативные структуры противостояния государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество и др.), но они своей определенной частью были вписаны в систему государства (кастовый состав государственных институтов в Индии; клан, землячество в Китае, руководитель которых был тесно связан с государственной системой либо просто являлся ее низшей частью — особым чиновником). Общества этого типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреплялось только то, что соответствовало нормам корпоративной/общинной этики, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа. В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями западного типа и что нужно сделать, чтобы они таковы-

⁴ В западной политической науке классическим выразителем этих взглядов является Д. Ландес (Landes D. The Wealth and Poverty of Nations. L.: Abacus, 1998). Наиболее ярко и четко, но по-другому, чем Д. Ландес, в отечественном востоковедении эти положения были сформулированы Л.С. Васильевым

(История Востока. Т. 1, 2. М.: ВЛ РАН, 1998 и другие его работы, включая создаваемую «Всеобщую историю»).

ми стали. В соответствии с этой логикой на Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивид, который был гражданином-собственником, а на Востоке — община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной/корпоративной этики или традиции, т.е. то, что соответствовало коллективному, а не индивидуальному/индивидуалистическому опыту.

Соответственно этим концептуальным положениям модернизация, т.е. приближение к современности, определялась как вестернизация, т.е. неизбежность движения всех государственных образований естественно-историческим путем в сторону западной модели развития⁵.

Однако в последние десять лет в восточковедной политологии и мировом комплексном регионоведении появилось альтернативное объяснение специфики восточных обществ⁶. В соответствии с этим пониманием особенности социального строя на Востоке определялись следующими параметрами:

— права индивида на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду, а права индивида по отношению к государству отсутствовали;

— собственность на землю на Востоке была разделена на две части, собственность на землю как на территорию с под-

властным населением (т.е. собственность на налог), которая находилась у правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат государства, и собственность на землю как на объект хозяйства, которая принадлежала землевладельцам и налогоплательщикам (т.е. крестьянам и помещикам одновременно).

Такая ситуация определяла наличие двух господствующих классов со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Исходя из этих условий, специфику обществ восточного типа можно определить следующим образом:

В обществах такого типа из-за перечисленных выше структурных причин существовала стойкая многоукладность, сопровождавшая весь процесс исторического развития.

В обществах такого типа всегда будут более длинные межформационные периоды (исторические эпохи, т.е. длительные полосы исторического развития, характеризующиеся более или менее устойчивым взаимодействием двух и более одновременно существующих общественно-экономических укладов).

В обществах такого типа всегда будет существовать сопротивление «культурно-политическому содержанию» (в терминологии Ф. Броделя), т.е. цивилизационная гетерогенность, где под цивилизацией понимается этап в развитии культуры, который включен в исторически определенную систему общественных отношений, несет в себе формационную специфику и вместе с тем последовательно накапливает культурно-политическое содержание.

Общества такого типа в силу своей этнической и культурной/цивилизационной гетерогенности нуждаются в институтах компенсации неоднородности населения и неравномерности развития этнической общины, а соответственно там гипертрофированную роль по сравнению с обществами другого типа играют государство и религия, функцией которых является централизаторская, цементирующая и унифицирующая роль в обществе⁷.

⁵ Подробнее о модернизации западного и восточного типа см.: Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

⁶ История Востока. Т. 1. Восток в древности / отв. ред. В.А. Яковсон. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 2. Восток в средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян, Н.И. Иванов. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока Т. 4. Кн. 1–2. Восток в новое время / отв. ред. Л.Б. Алаев, М.П. Козлова, Г.Г. Котовский, О.Е. Непомнин, И.М. Смилянская. М.: ВЛ РАН, 2004, 2005; Социальный облик Востока / отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: ВЛ РАН, 1999. В западной политологии сходные, но структурно абсолютно другие и гораздо более детальные, аргументы представлены Андре Гундер Франком (A.G. Frank. ReOrient. L. — Berkeley: U. of California Press, 1998).

⁷ Так, государственными являются религии в 32 странах Востока против 13 в других стра-

Кроме того, в обществах такого типа в силу как внутренних, так и внешних причин капитализм имел неоднородный и анклавный характер, что определило как экономическую, так и политическую специфику развития этих обществ⁸.

Если мы согласимся с таким определением политико-экономической специфики обществ восточного типа, то достаточно легко сможем выписать специфику политического мира в обществах западного и восточного (как части незападного) типов.

В обществах западного типа:

1. Основополагающим является принцип «технологического/технистического» отношения к миру — к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженной известным афоризмом «природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно в обществах западного типа превалирует свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны «вплоть» до свободы убивать друг друга — «философская» основа всех европейских войн). Естественно, что в современном мире этот тезис сильно трансформировался в ходе исторического развития. Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком Вселенной», индивидуум в нем нонконформист. Такое общество основано на воле индивидуума, в нем нет места фатализму, как

в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом вещей». Западное общество является социентричной самодетерминирующей системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т.е. человек и природа не связаны в единое гармоничное, неразрывное целое, как в обществах восточного типа, природа может и должна преобразовываться, она должна «служить» человеку: на Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы.

2. Общества западного типа основаны на принципе неопределенности, в них политика — игра, основанная на равенстве шансов и неопределенности конечного результата. То есть в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно в обществе должны быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства⁹.

⁹ Эти положения связаны с идеями реформации Лютера, в соответствии с которыми не ясно, кого Бог определил к спасению (непознаваемость Божественной воли), существует одиночество совести (человек сам, без посредников, ищет путь к спасению), избранность подтверждается успехом практических повседневных начинаний (этика ответственной повседневности). Далее эти идеи были трансформированы и развиты А. де Токвилем, который говорил о демократии свободы (индивидуальная свобода выше равенства) и демократии равенства (неравных от природы нужно уравнивать, так как существует социальная справедливость). Соответственно конкурируют и взаимодополняют друг друга две модели — либеральная (существует свобода выбора, а человек спонтанно стремится к свободе и благополучию) и патерналистская (свобода должна быть ограничена властью, которая выступает как благонамеренный опекун народа) модели общественного устройства.

нах мира. Ислам является государственной религией в Афганистане, Алжире, Бахрейне, Бангладеш, Брунее, Коморских о-вах, Египте, Иране, Ираке, Иордании, Кувейте, Малайзии, Мальдивских о-вах, Мавритании, Маврикии, Марокко, Омане, Пакистане, Катаре, Саудовской Аравии, Сомали, Судане, Тунисе, Объединенных Арабских Эмиратах, Йемене; иудаизм — в Израиле, буддизм — в Бутане, Камбодже, Шри-Ланке, Таиланде; индуизм — в Непале и «панчасила» (особый вид государственно-синкретической идеологии) — в Индонезии.

⁸ Подробнее аргументы представлены в: Ланда Р.Г. Цивилизация, формация и социум на Востоке. В кн.: Социальный облик Востока / отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: ВЛ РАН, 1999. С. 15–28.

3. Общества западного типа основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может меня принудить к тем или иным общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой индивидуум их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают соответственно взаимобязательные отношения граждан с государством, а не односторонние обязательства подданных в отношении государства.

4. Общества западного типа основаны на принципе разделения властей, при этом власть должна быть выборной, осуществляться большинством, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами, при этом власть не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимной (законодательная власть должна избираться народом), эффективной (исполнительная власть должна быть автономной), а судебная власть является независимой от первых двух (должно обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

5. Западные общества основаны на системно-функциональном принципе, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

6. В них существует принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти), и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практические (земные) интересы, по которым возможен, и даже необходим, компромисс различных политических сил.

7. Общества такого типа пропагандируют систему «открытого» типа («открытое общество»), где в идеале нет со-

словных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «великие» коллективные ценности (т.е. главенствует принцип атомарности интеллектуальной деятельности), где национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму) и существует принцип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности¹⁰.

В восточном политическом мире все перечисленные выше принципы в той или иной степени могут существовать, но они не являются главными. В обществах восточного типа основополагающими являются другие принципы, а именно:

1. Принцип воздержания от волюнтаристской активности (к примеру, знаменитая концепция древнекитайской политической философии у-вэй («недеяния») и ее сегодняшнее дэнсяопиновское воплощение «переходить реку, нащупывая камни», т.е. в восточном мире нет «деятеля» («преобразователя») в «западном» смысле этого слова (в исламском мире преобразовывать можно только *дар аль-Харб*, в сфере *дар аль-Ислам* ход вещей определяется Кораном), там человек следует ходу вещей, великому космическому закону (вспомним принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писанные и неписанные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. В этой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал — патерналистская модель, основанная на отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам политический процесс — не процесс производства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка

¹⁰ Впервые в отечественной политологии эти принципы были удачно проанализированы А.С. Панариным. См.: Панарин А.С. Политология. Западная и восточная традиции. М.: Университет, 2000.

имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного.

2. Восточные общества основаны на теократическом принципе, в соответствии с которым государство — постоянно мобилизованный носитель ценностей, нравственно-религиозных критериев, стремящихся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства основано на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т.е. общностью культурной памяти, обеспечивающей выживание) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. Соответственно на Западе город выступал как частно-гражданская альтернатива государственной власти и основа «гражданского общества», а государство было бесстрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающимся в его жизнь только в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть должна ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т.е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и соответственно в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т.е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник/царь/пророк, обязательным посредником между человеком и Богом и имманентной сакрализацией власти.

3. В обществах такого типа действует принцип уравнительной справедливости, т.е. статус человека в обществе определяется скорее не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, должны в той или иной степени существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

4. Государства восточного типа основаны на принципе «священной справед-

ливости», т.е. государственность в них — мессианская, свобода не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у народа соответственно — коллективная судьба, коллективное призвание, нередко или почти всегда — под патронажем власти (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе и под мудрым руководством правителя), государственность является сакрализованной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность¹¹.

В рамках этих двух подходов можно выписать дуалистическое противопоставление Востока и Запада:

По устройству мироздания

Запад — антропоцентричен. В центре мироздания такого типа обществ стоит человек, который является властелином мира, подчиняющим природу и общество. Этот человек в политике использует технологии преобразовательно-модернизаторского типа. Восток — теоцентричен. В центре мироздания здесь — трансцендентная воля, которой подчиняется человек. Соответственно задачей человека является распознать эту волю и действовать в соответствии с ее принципами, распознать эту волю ему помогает светская власть, направляемая духовной «в помыслах», либо светская и духовная власти, слитые в единую сакральную целостность. Поэтому в политике можно использовать «мягкие» технологии, не нарушающие гармонии общества и природы, а также нравственных законов в самом обществе.

По ценностным ориентациям личности и общества

Запад ориентирован на материальные ценности, соответственно и общество стремится к всеобщему благоденствию, которое понимается прежде всего как «потребительский рай» при жизни. На Востоке приоритетны прежде всего духовно-религиозные ценности, а общество соответственно стремится развиваться в соответствии с нравственно-религиозными принципами, целью тако-

¹¹ Там же.

го развития является не столько и не только материальное благоденствие, сколько гармония и равновесие под патронатом сакральной власти.

По отношению к собственности

На Западе частная собственность и товарное производство ориентированы на рынок. На Востоке существует власть-собственность, при которой функции собственника опосредованы причастностью к власти.

По отношениям между светской и религиозной властью

На Западе произошло отделение церкви от государства и была провозглашена независимость политической сферы от нравственно-религиозной традиции. На Востоке политическая власть сакрализована (хотя степень этой сакрализации и может быть различна), религия освящает политическую традицию, в большинстве случаев / часто является государственной религией.

По шкале политического времени

На Западе существует ориентация на будущее, время — линейно, оно непрерывно убыстряет свой ритм. Восток ориентирован на вечность, там политическое время циклично.

По отношению человека к истине

На Западе существует рациональный путь постижения истины, т.е. человек признает истинным лишь то, что подвластно его уму и воле. Восток ориентирован на интуитивный путь постижения истины. Истина нужна, чтобы ей служить, она — само бытие, а соответственно не зависит от воли и ума индивида, определяется свыше и трактуется сакральными персонами.

По процессу познания мира.

На Западе процесс познания сводится к познающей активности субъекта, который исследует свойства объектов. На Востоке — процесс познания заключается в слиянии с объектом, его духовном постижении на интуитивном уровне.

Естественно, что такое дуалистическое противопоставление характерно прежде всего для традиционных восточных и западных обществ, в современных обществах оно становится все менее значи-

мым, процессы взаимовлияния в современном мире становятся значительно более значимыми. Так, начиная с XX в. явно наметилась тенденция к заимствованию некоторых из упомянутых принципов как Западом, так и Востоком, соответственно начал происходить процесс взаимовлияния и синтеза. В то же время в некоторых областях, прежде всего в политической культуре, а частично и в других (политическая система, экономика, менеджмент и др.), по определенным причинам синтеза и взаимовлияния не произошло, либо они начали происходить только в самое последнее время. В этой связи важно понять, какая часть обществ западного/восточного типа и каким образом осуществляет модернизацию dogonяющую, копирующую западный опыт, а какая перешла к модернизации как к особому пути развития, альтернативному (но не противопоставленному) западному естественно-историческому типу, т.е. к модернизации эволюционного типа без социально-политической дискретности, выражающейся в отсутствии четких периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития, и одновременно альтернативной мобилизационной модернизации социалистического/коммунистического типа, т.е. к модернизации, являющейся синтезом западного политического опыта демократии (принципа всеобщей выборности), конституционного либерализма и автохтонной политической культуры.

Оценка пространственной и аналитической системы координат

Разработанное и предлагаемое нами «пространственное» («спатильное») членение материала исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития восточных стран, т.е. из определения международно-политического макрорегиона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических,

национально-культурных условий, служащих основанием для выделения) региональной совокупности явлений жизни, объединенных общей структурой и логикой, таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного регионоведения позволяет расположить материал в определенной «пространственной» (или «спатальной», если использовать политологический термин) системе координат¹². Оно также помогает выявить, в какой степени историко-цивилизационные, этноконфессиональные и культурные особенности формируют специфику политической культуры и как они влияют на специфику эволюции и функционирования политических систем обществ определенного типа в разных регионах мира. Предложенное определение международно-политического региона хорошо соотносится с нашим «расширительным» его определением, в соответствии с которым под регионом в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-

культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию¹³.

Признание этих положений позволит нам дополнить (или точнее — наполнить) описание общих закономерностей функционирования политических систем региональной и страновой «плотью и кровью», т.е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира во всей сложности их реального функционирования. Такой подход помогает понять, почему и как происходят успешные преобразования в обществах и к каким конкретным результатам это приводит в каждом конкретном случае.

Таким образом, анализ конкретного материала по данной проблематике должен начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических систем¹⁴, далее можно переходить к исследованию общих характеристик политических систем разных государств регионов мира, типологизированных по разным критериям¹⁵, потом углубляться в анализ конкретной специфики функционирования незападных/восточных политических систем определенного типа в определенных регионах (т.е. в разных пространственных или «спатальных» развертках), а потом уже исследовать пути эволюции и возможной трансформации политических систем и их региональную / цивилизационную специфику, т.е. анализ материала должен строиться на пространственно-аналитическом

¹² Подробную аргументацию см., в частности: Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений. В кн.: Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 494—500; Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений. В кн.: Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3—14; Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы). В кн.: Восток — Запад — Россия. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 141—144.

¹³ Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2002. С. 9

¹⁴ Основная литература на русском языке по этой проблематике: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002; Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. М.: Инфра-М/Весь мир, 2000; Сморгун Л.С. Современная сравнительная политология. М.: МОНФ, 2002.

¹⁵ Основная литература: Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Политические системы мира. М.: Рипол классик, 2004; Вся Азия. Справочник. М.: АСТ-Муравей, 2003.

принципе, а не на превалировавшем ранее противопоставлении «спатального» (пространственного) принципа «аналитическому». При этом очевидно, что, учитывая региональную/страновую специфику, мы неизбежно должны принимать во внимание три фактора, определяющие соотношение общего и особенного в современном развитии, т.е. мы должны определить:

— насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от мировых лидеров, поскольку дистанция, которую нужно преодолеть, определяет последовательность постановки и решения задач политической модернизации;

— каково конкретное соотношение доминирующей идеологии, государственной политики и национальной стратегии развития в конкретном государстве;

— каковы особенности политической культуры сравниваемых стран, как они влияют на процесс складывания политической системы, какова роль традиции в политической культуре и как, напрямую или опосредованно, эти факторы влияют на траекторию развития страны¹⁶.

Таким образом, применяя пространственно-аналитический принцип и принимая во внимание факторы, определяющие соотношение общего и особенного в современном развитии, на наш взгляд, можно будет получить представление о специфике эволюции и функционирования политических систем Востока, не забывая об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционируют политические системы конкретных стран Востока, но и специфики их функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности, т.е. показать пути и цели

трансформации и модернизации других обществ, отличных от западных или имеющих серьезную незападную специфику.

Сравнительный анализ восточной специфики политических систем и политического процесса: общие закономерности, региональная специфика и модели демократии

Действительно, политические институты трансформируются параллельно изменениям в производстве, расселении, уровне жизни, образовании, организации семейной жизни. Изменения в экономической жизни общества, вызванные процессами современного экономического роста, меняют требования к социально-политическим институтам, которые должны приспособиться к необходимости новой институциональной гибкости и генерированию инноваций. В традиционном обществе нужны были стабильность и сохранение традиций, а соответственно политические институты должны были обеспечивать сохранение традиции, обеспечивающей, в свою очередь, выживание. Именно поэтому до начала XIX в. большинство государств использовали форму абсолютной монархии. К началу XXI в. политические институты должны обеспечивать максимальную адаптивность к изменениям и генерированию инноваций, чтобы обеспечивать экономическую модернизацию, а потому практически все в той или иной степени используют политическое устройство, в основе которого лежит всеобщее избирательное право, без осуществления которого осовременивание (модернизация) невозможно, так как затруднено формирование политического консенсуса в обществе, без которого в современном мире невозможно быть конкурентным, а значит, гарантировать выживаемость и развитие своей нации. Таким образом, политическая модернизация определенных параметров социальных структур есть необходимая часть осовременивания, понимаемого как повышение конкурентоспособности наций и государств в новых, более современных условиях. С другой стороны, развитые рыночные демократии не

¹⁶ Можно сравнить с четырьмя положениями, сформулированными Е. Гайдаром. См.: Гайдар Е.Т. Долгое время. М.: Дело, 2005. С. 82–83, аргументация развернута в гл. 3. Однако, как будет показано ниже, система аргументации и выводы в данной работе другие.

отказались от своего традиционного политического устройства, даже если оно и представляет собой монархическую либо теократическую форму правления (к примеру, Великобритания, Ватикан), только ограничив ее таким образом, чтобы этот институт по форме обеспечивал соответствие традиции, но при этом не препятствовал осуществлению прямого избирательного права, многопартийности, системе разделения властей, и т.д., т.е. тем параметрам, которые и монархию позволяют называть демократией. Таким образом, не столько конкретный тип политической системы, сколько определенный тип политического устройства (политического режима, т.е. режима властвования) может быть назван демократией.

Следующий важный вопрос, который возникает в этой связи: каков диапазон разброса и степени осуществления необходимых и достаточных условий для организации демократического устройства и что является идеальным типом такого устройства? Если мы считаем, что идеальной моделью является демократия западного типа, т.е. европейская и американская модель либеральной демократии, то тогда мировой политический процесс будет описываться в рамках предположенного С. Хантингтоном объяснения в его книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.»¹⁷, и имплицитно подразумевать соответствие или несоответствие данной конкретной модели идеальной¹⁸. В рамках такого подхода мировой политический процесс будет «просто» описываться как процесс политической модернизации западного типа и эволюции «всех стран и регионов» в направлении европейской либо американской модификаций западных либеральных демократий (концепция «демократического транзита»). Такая постановка вопроса подобна подходу К. Маркса, который из-за недостат-

ка знаний по Востоку скорректировал свою знаменитую формационную теорию, разработанную на основе политико-экономического анализа передовых экономик западноевропейских государств XIX в. объяснением *ad hoc* — концепцией «азиатского способа производства», которая потом около ста лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока диспутанты не убедились в методологической ограниченности такой постановки вопроса. Однако сегодня все больше и больше исследователей как в западных странах¹⁹, так и в России²⁰ высказывают сомнение в том, что теории современной западной политической модернизации (вестернизации) и демократического транзита, определяющие демократии западного типа единственным и идеальным образцом демократического устройства, после событий «9/11» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии²¹. Хотел бы специально оговориться, что речь идет не об отрицании политических теорий и концепций демократии, разработанных мировой политической мыслью и апробированных в конкретных странах, одновременно и не о построении доморощенных лабораторных теорий «в пробирке» в отрыве от мировой политической науки, чтобы оправдать собственное отставание и политическую несвободу, не об отрицании в целом преобладающей в мире демократической тенденции над авторитарической, поскольку модель демократического управления во всех смыслах, и экономических, и политических, и культурно-цивилизационных, более универсальна, а значит, и более конкурентоспособна, чем другие модели, а о

¹⁷ Huntington S.P. The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century. Norman, 1991.

¹⁸ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002; Дербишайр Дж., Дербишайр Я. Политические системы мира. М.: Рипол классик, 2004.

¹⁹ Захария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.

²⁰ См., к примеру: Володин А.Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Политическая наука. 2003. № 2. С. 8–29; Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

²¹ Эти сомнения, кстати, не означают признание значения этих теорий в конкретных и конкретно-временных обстоятельствах.

необходимости расширения методологической базы и «номенклатуры» методологических подходов, в частности, с использованием методологии региональных и пространственно-аналитических подходов для более адекватного, непредвзятого объяснения мирового политического процесса и поиска конкурентных национально-региональных моделей, соответствующих общим закономерностям и адекватных региональной специфике. Наиболее очевидным для подтверждения этой системы аргументов является фактическое провозглашение современной западной политической наукой либеральными демократиями (в некоторых исследованиях — ограниченными либеральными демократиями) политических систем тех государств, своеобразие которых никак не вписывается в первоначальную западную модель политического устройства (наиболее очевидно в случае Малайзии и Сингапура в Восточной Азии), но которые все же являются демократиями, и возникшие в современных мировых общественных науках рефлексии по поводу возможности и/или необходимости построения незападных политических теорий и теорий международных взаимодействий²². К слову, финансирование такого рода исследований на международном и российском уровне было бы куда продуктивнее с точки зрения национально-государственного пиара, политической практики и стимулирования интенсификации связей российских и западных общественных наук, чем утилитарно-псевдонаучная деятельность ряда форумов.

Один из классиков западной политологии Л. Пай (к тому же автор блестящих трудов по сравнительной политической синологии) не только признал наличие «незападного» (в его терминологии) политического процесса, но и сформулировал 17 закономерностей, которые определяют его специфику. Работы Л. Пая,

считавшиеся имеющими ограниченную теоретическую применимость, переизданы в западном мире и активно используются в образовательном процессе, в частности, в ведущих американских университетах.

Таким образом, модель политики в обществах незападного типа в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а на проблемах влияния. Процесс рекрутирования в политику в обществах такого типа фактически является процессом культурной социализации, при этом базовая структура незападной политической жизни — общинная, а политическое поведение прямо или косвенно связано с общинной идентификацией. Поэтому политические группы в незападных обществах ориентированы на какой-либо аспект общинной политики, а не на политическую сферу деятельности, и чтобы устоять в политической борьбе, политические партии в этих странах должны выражать свое мировоззрение и отстаивать определенный образ жизни. В этом смысле они скорее напоминают общественные движения, чем собственно политические партии, а в политической жизни резко возрастает роль клик и политических группировок. В этой связи политическая лояльность становится обусловленной не политическими целями, а скорее чувством идентичности с какой-либо общественной группой («социальной корпорацией»), и связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне и внутри групповых интересов. Поэтому борьба за власть идет не между партиями, представляющими различные политические интересы, и не между группами, соревнующимися для доказательства превосходства своих административных методов, а между различными образами жизни. Поэтому в обществах такого типа нет единого политического процесса, а есть несколько практически независимых политических процессов, связанных

²² Non-Western International Relations Theory / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010. Подробнее см. раздел «На книжной полке» в данном номере журнала «Сравнительная политика».

с различными образами жизни населения. Именно поэтому и политически значимые посты в странах такого рода нередко не имеют четко определенных границ, государственная бюрократия может фактически превратиться в партию (точнее — партию власти), а армия — выступить в роли правительства.

Хотя в незападных странах обычно довольно много неофициальных политических организаций, они действуют или как объединения, сформированные для защиты интересов своих членов, или в действительности представляют интересы правительства и/или наиболее влиятельной политической партии или движения, т.е. мобилизуют население для поддержки господствующей группы, а не действуют как группы политического давления. Поэтому политик национального масштаба в этих странах должен прибегать к лозунгам общего характера, поскольку у него отсутствует возможность четко определить скрытые потребности населения, вместо того чтобы формулировать четкую позицию по определенным проблемам. Соответственно облеченный властью не должен обнаруживать и решать проблемы, достаточно просто находясь в центре политического (т.е. общинного) процесса (ездить на оленях, водить самолет, нырять в океан и т.д.), что он делает просто из-за того, что облечен властью «свыше». Поэтому в обществах западного типа главенствующим типом лидера является харизматический, а политические системы функционируют без участия политических «брокеров».

Описанная Л. Паем структура западного политического процесса хорошо объясняет его специфику. Но, признав отличие западных обществ от западных, на основе которого и выписана Л. Паем специфика западного политического процесса, и сформулированной нами специфики восточных обществ как части западного мира, мы можем попытаться выстроить критерии системы тех государств с западным политическим процессом, которые все же можно назвать демократиями. То есть, оттолкнувшись от методологического постулата, что в раз-

ных системах одинаковые институты могут выполнять различные функции и что в разных системах различные институты могут выполнять одинаковые функции, и признав не только то, что политическая культура может определять политическую систему, но и согласившись с фактом плюрализма политических культур и соответственно взглядов на политическую систему и политику вообще, то, в частности, не отрицая того факта, что демократия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческого политическая мысль пока не придумала²³, мы будем должны признать наличие разных типов обществ (западного и западного, где среди западных существует особый подтип восточных) и разных путей их трансформации при наличии общих закономерностей, определяющих направление и характер этих трансформаций. Таким образом, далее мы можем также констатировать:

— наличие разных видов, моделей демократий (не только европейского и американского типов), а, скажем, западного, в том числе и азиатского, типа (японская, сингапурская, индийская, южно-корейская, малайзийская, тайваньская, израильская, турецкая и др.), причем демократии «другого» (западного/азиатского) типа могут, по-видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской модели, в связи с отличиями социально-политических структур и политической культуры в этих странах, но при этом все же являться демократиями;

— наличие специфики, культурной и социально-психологической, т.е. связанной со спецификой культуры (в частности, политической) и национальной психологии и национального характера (в частности, в связи с особой ролью конфессионального или какого-либо другого

²³ Само классическое высказывание, как известно, принадлежит У. Черчиллю, применительно к Востоку эта мысль удачно развернута в «Эссе о демократии» в кн.: Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М.: ИВ РАН, 1999. С. 3–16.

фактора, в частности, к примеру, связанного с существованием правовой системы особого рода (шариат)), и т.д.;

— наличие «других», незападных, политических систем и политических культур, которые «не лучше» и «не хуже», а просто «другие» (подобно тому, как мужской пол не лучше/хуже женского, а просто — «другой» пол) и, возможно, лучше приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа;

— в проблеме типологизации политических систем и их сравнении с «эталоном» есть достаточно большая доля идеологизированности и субъективности, связанная с тем, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией;

— признание факта наличия демократий другого типа, возможно, позволит определить объективные, а не субъективные критерии для определения либеральной демократии, нелиберальной, незападной демократии, т.е. выделить несколько моделей демократического устройства, отличающихся значительным своеобразием.

Концепция незападной демократии

Сформулировав эти закономерности, мы можем категоризировать все многообразие политических систем и политических режимов незападных, в нашем случае анализа — восточных, стран по шести основным типам базисной идеологии государственного правления и конструирования политического строя, а также по определенным параметрам политического устройства. Сразу оговоримся, что такая классификация условна, однако она важна для формулирования некоторых дальнейших предположений относительно региональных путей политической модернизации, региональной специфики и определения характера связи между политической и экономической модернизацией. Мы можем выделить:

- нестабильные (неустойчивые) демократии;
- демократии (экстралиберальные, либеральные, западные, нелиберальные);
- конституционные монархии;

— абсолютные монархии;

— военные диктатуры;

— военно-авторитарные республики, авторитарно-коммунистические республики, авторитарные республики.

В либеральной демократии всегда очевидны конституционная форма правления, свободные выборы в законодательный и исполнительный орган, наличие многопартийной системы, баланс трех ветвей власти (исполнительной, законодательной, судебной), наличие независимого судебного права, судебная гарантированность реальной защищенности личных свобод на основе конституции, эффективность и стабильность правительства, которое ограничивается существованием автономного плюралистического общества и подотчетно электорату. В принципе либеральную демократию можно определять как определенное четкое соотношение между демократией (т.е. проведением открытых, свободных и справедливых выборов) и конституционным либерализмом (верховенство закона, права частной собственности, разделение властей, наличие свободы слова, собраний вплоть до институализированной политической оппозиции).

Все демократии обладают тремя параметрами (условиями). Власть в них должна быть легитимна (т.е. выборна и сменяема, лидер государства должен избираться народом путем свободных и честных выборов либо коллегией выборщиков, которые выбраны на основе ясной процедуры свободных и честных выборов; законодательная власть, в зависимости от того является ли демократия прямой или представительной, должна быть выборной, но необязательно прямым и всеобщим голосованием, эффективной (т.е. исполнительная власть должна быть автономной и подотчетной), а судебная власть должна быть независима от законодательной и исполнительной (т.е. и государство, и граждане должны подчиняться закону). Естественно, что также должны осуществляться всеобщие гражданские (политические) права. Без этих общепринятых условий политическая система в современном обществе не может считаться

сы и никогда не будет признана демократической.

Что же касается следующих четырех параметров (условий), то степень их осуществления, судя по всему, варьируется в зависимости от того, являются ли государства экстралиберальными (т.е. максимально либеральными), либеральными демократиями, демократиями либо незападными или нелиберальными демократиями. В соответствии с этими параметрами в государстве пресса должна быть независимой (в разной степени, обеспечивается в разных обществах различным образом) и контролировать путем обсуждения (в разной степени, от прямого до косвенного влияния на власть в зависимости от особенностей национальной политической культуры) процесс принятия политических решений; должны осуществляться принципы индивидуальной свободы человека как неотчуждаемой от него сферы (включая свободу выражения мнений), причем способы осуществления этих принципов могут, судя по всему, варьироваться и обеспечиваться как наличием гражданского общества, гражданским правом, гарантирующим наличие у человека неотчуждаемой частной собственности, позволяющей иметь ему независимую от государства сферу деятельности, так и справедливым и легальным перераспределением государственных доходов (в демократиях эгалитарного типа), либо особой ролью конфессионального фактора (свободный моральный выбор на основе религиозных постулатов, справедливое и легальное перераспределение на основе религиозных постулатов); должна наличествовать конкуренция различных политических сил (хотя она и может некоторым образом ограничиваться, в частности, через существование доминантной партии, с целью поддержания определенных правил конкуренции, и через разную степень и формы институализации политической оппозиции: от существования в достаточно жестких системных рамках «под зонтиком» доминантной партии до признания возможности существования оппозиционной политической партии), достаточно высокая (но разная) сте-

пень открытости общества в зависимости от особенностей его политической культуры и конфессиональной специфики; и четкие (в том числе и юридические, но не только юридические, а возможно, и через систему неформальных конфессиональных ценностей и моральных постулатов) гарантии прав меньшинства в случае поражения на выборах, т.е. поражения в политическом соревновании.

По вопросу степени осуществления параметров (условий) демократии в зависимости от национальной специфики и конкретных условий политического развития стран и идет последние десять лет острая дискуссия среди политиков и политологов Запада и Востока, отражением которой стало появление разного рода концепций: прав человека (в разных интерпретациях на Западе) и азиатских ценностей (Ли Куан Ю, Махатхир, Махбубани), ислама и гражданского общества (Хатами), теории «трех представительств» (Цзян Цзэминь), социалистического гармоничного общества (Ху Цзиньтао). К этому же типу относится концепция суверенной демократии. Концепция управляемой (закрытой) демократии применяется по большей части для описания способа организации власти в демократиях участия (ограниченные плебисцитарные демократии) и соответственно по своему типу отличается от предыдущих. Традиционалистско-идеологизированные модели авторитарного, неплюралистического политического режима на основе концепции социального/социалистического консерватизма с разного рода моноконфессиональной окраской в полиэтнических и поликонфессиональных государствах являются шагом назад даже по сравнению с режимом ограниченной плебисцитарной демократии. Такого рода модели ограничивают свободу больше, чем управляемая или плебисцитарная демократия, так как они не основаны на нормах права; в силу этого порождают все более жесткие версии национализма и факторы национально-конфессиональной дифференциации, что неизбежно в конечном счете приводит не к консолидации общества, а к возникновению тен-

денций социально-политического отторжения у части населения, что порождает антагонистические этноконфессиональные конфликты и усиление напряжения во взаимоотношениях с соседями; предполагает проведение насильственных модернизаций скачкообразного типа, дающих ограниченные результаты в ограниченные исторические периоды с долгосрочными отрицательными демографическими и социальными последствиями, и в конечном счете приводит страны, проповедующие такие модели, к международной изоляции, а значит, к дальнейшему отставанию как в политическом, так и в экономическом развитии по сравнению со странами, осуществляющими исторически апробированные модели развития на основе творческого развития теории и ее практико-применения.

В экстралиберальных и либеральных демократиях все параметры демократии максимизированы, причем все государства такого типа к тому же обладают самой высокой долей ВВП на душу населения, т.е. у них есть прочный экономический базис для гарантирования максимизированного выполнения всех упомянутых условий. Эти режимы до самого последнего времени были наиболее успешными в построении экономически и духовно-плюралистических конкурентных обществ, и есть большие основания считать, что, скорее всего, именно они окажутся наиболее гибкими в преобразовании своих политических и экономических систем в процессе складывания нового экономического и технологического уклада. У «просто демократий» эти параметры находятся в определенном балансе. В нестабильных (неустойчивых) демократиях отсутствует историческая легитимизация, а следовательно, устойчивость демократических институтов, политический процесс носит персонифицированный характер, отсутствует баланс социальных и политических сил. Нестабильные демократии могут трансформироваться как в демократии и либеральные демократии, так и в нелиберальные демократии и политические режимы других типов, вплоть до диктаторских.

В нелиберальных демократиях существуют (в идеале) открытые, свободные и достаточно справедливые выборы (т.е. наличествует демократия), но отсутствует либо сильно ограничен конституционный либерализм. Самым «нелиберальным» видом нелиберальных демократий, которые находятся на грани с авторитарными режимами, судя по всему, являются «демократии участия» (ограниченные плебисцитарные демократии). Такие режимы подразумевают лидерство авторитарно-доминантной партии при небольшом и контролируемом расширении народного участия в политическом процессе и руководство им при помощи норм права. Одновременно в таких режимах авторитарно-доминантная партия, как правило, избегает введения всеобщего избирательного права (либо каким-либо путем ограничивает его), не приветствует создания действенного парламента, введения системы сдержек и противовесов, а также проведения выборов с участием нескольких партий. Ее легитимность при этом обеспечивается и поддерживается приемлемым уровнем эффективности, справедливости (перераспределения благ) и политической стабильности, обеспечивающими эволюционный переход к более конкурентному политическому режиму, гарантирующему дальнейшее благоприятное развитие нации.

В незападных демократиях существует другое, чем в либеральных, соотношение демократии и конституционного либерализма, в то же время они более демократичны (и более конкурентоспособны), чем нелиберальные демократии или демократии участия. Кроме того, там религия может играть особую, в том числе и освященную государством и законом роль (ислам в Египте, Йемене, Малайзии, иудаизм в Израиле, буддизм в Шри-Ланке, панчасила²⁴ в Индонезии). В настоящее время незападными азиатского подтипа демократиями являются Турция, Ливан, Израиль, Марокко, Иордания, Япония, Индия, Южная Корея, Ма-

²⁴ Особый вид государственно-синкретической идеологии.

лайзия, Сингапур, Тайвань, Шри Ланка, Индонезия, причем незападные демократии на Большом Ближнем Востоке, так же как и в Африке, не определяют тенденций регионального развития, а в Большой Восточной Азии — определяют. Пока открытым с точки зрения политической теории является вопрос, являются ли западные демократии, т.е. национальные конституционно-либеральные демократии и их подтип — восточные, азиатские, самостоятельным устойчивым подтипом демократий или же они неизбежно должны трансформироваться в либеральные или нелиберальные, так как внутри этой группы существует достаточно широкий разброс параметров, приближающих некоторые из них к демократиям либерального типа (Япония, Южная Корея, Тайвань), а другие к нелиберальным (к примеру, Сингапур, Малайзия, Индонезия).

Кроме того, незападные азиатские демократии осуществили (в разной степени) синтез западного и восточного мировосприятия. Индивидуум там свободен, но нравственные законы и установления (включая религиозные) играют очень большую роль. При этом собственно церковь как институт (вне зависимости от преобладающей религиозной конфессии) в большинстве случаев отделена от государства и свое влияние на общество осуществляет нравственным и этическим примером. Общество там является социентричной самодетерминирующей системой, но та его сфера, которая определяется конфессиональными предпочтениями, может быть и космоцентрична, если это не мешает эффективности государства и не противоречит личным пристрастиям, т.е. такие общества конгломеративны и плюралистичны за счет своей конгломеративности. В государственной сфере жизни в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором приоритетны универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы. Экономика таких государств достаточно прозрачна и функционирует при всей своей национальной специфике (в частности, экономики исламских демократий) на основе международных норм.

В политике в обществах, осуществивших синтез двух традиций, существует равенство шансов, но доминирует, как правило, определенная политическая сила (так называемая доминантная партия), но это не формируемая властью партия, а партия, формирующая власть. Хотя политическая конкуренция в таких странах может быть некоторым образом ограниченно упорядочена, авторитаризм практически всегда является гражданским, а не военным, он просвещенный, и цель его — модернизация общества, а не консервация традиционализма. То есть традиционные связи не означают снижения роли личности, а доминирование коллективных ценностей контролируется коллективным здравым смыслом. Соответственно в политическом процессе важно устоявшееся и проверенное, соответствующее доминирующим политическим нормам, но здоровое и не традиционалистское. При этом существует и консенсус, что точка зрения меньшинства, если она рациональна, не будет совсем не принята во внимание, а доминантная точка зрения прежде всего будет способствовать рациональной модернизации государства, а не монополизации политического процесса определенной политической силой ради сохранения своей власти любым путем. С течением времени, доминантные партии в таких обществах, как правило, допускают формирование политического плюрализма и конкурентной многопартийности, поскольку в противном случае политическая и экономическая составляющие общества начинают стагнировать. В обществах такого типа существуют взаимоотношения граждан с государством, т.е. государство может требовать от граждан только в той степени, в которой само служит гражданам, при этом роль государства (а часто и религии) более выпукла, чем в западной (либеральной) традиции, за исключением западных стран католического ареала, в которых религия играет особую роль. Государство в азиатских демократиях играет направляющую роль в социальных трансформациях, но при этом не ограничивает экономическую конкуренцию и поощряет политику

создания рабочих мест. В этих обществах действует принцип разделения властей, но он может быть скорректирован в соответствии с нормами традиционной политической культуры или определенными конфессиональными положениями. Власть в этих обществах выборная, осуществляется большинством, регулируется обязательными конституционными правовыми нормами (в некоторых странах с определенной национальной спецификой) и при этом может распространяться на определенные сферы частной жизни шире и глубже, чем в обществах западного типа, в частности влияя на формирование справедливости в обществе и на процесс перераспределения благ. В то же время принципы функционирования власти в таких обществах включают легитимность, эффективность, власть не отчуждена от народа, а судебная власть является независимой от первых двух и является главным институтом и конечной эффективной инстанцией поддержания справедливости в обществе, а не подрывает ее.

В незападных (восточных) демократиях, строящих общество синтетического типа, ценности не всегда полностью отделены от интересов, но в связи с наличием демократических выборов итоги политического соревнования не окончательны, так как через определенное, достаточно короткое время можно снова законно прийти к власти, а проигравшие не будут навечно отринуты от власти, отправлены в эмиграцию (как в нелиберальных демократиях или демократиях участия) или физически уничтожены (как в диктатурах). В обществах такого типа могут оставаться сословные и другие перегородки, но существует и достаточно динамичная социальная мобильность (даже для низших каст в Индии). Национальный суверенитет как принцип гарантии от внешнего нелегитимного воздействия (включая финансовое в политической конкуренции) там достаточно жестко охраняется (особые законодательные акты по этому поводу существуют, к примеру, на Тайване, в Южной Корее и других странах). Принципы равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревнова-

тельности сосуществуют в разной степени, в зависимости от степени толерантности конкретного общества и его традиционной культуры, и даже в таких открытых восточных обществах, как японское, начинают сущностно обсуждаться только в самое последнее время.

Данные количественного анализа соответствующих типов политического правления, распределенные по регионам, показывают, что в Африке наблюдается самый большой разрыв между фактически противоположными формами правления — неустойчивыми демократиями и авторитарными режимами. Действительно, неустойчивые демократии, как правило, склонны акцентировать элементы демократии в ущерб конституционному либерализму. Авторитарные режимы могут акцентировать конституционный либерализм, а могут этого и не делать, но все авторитарные режимы достаточно негативно относятся к демократическим нормам. Важно отметить, что африканский опыт показал: демократия на слабой экономической основе без порядка, обеспеченного достаточно жесткими нормами конституционного либерализма, нежизнеспособна и трансформируется, как правило, в авторитарный режим. Некоторые из провозглашенных африканских демократий прошли и через диктаторские режимы (к примеру, Гана, Танзания, Кения). Сегодня из относительно успешных африканских демократических режимов можно назвать только ЮАР и Ботсвану, причем судьба ЮАР как либеральной плюралистической демократии в последнее время вызывает все больше вопросов. В то же время неустойчивых демократических режимов в Африке — подавляющее большинство, при этом пока неясно, какую модель политического устройства внутри категорий демократии они выберут со временем. Одновременно нельзя гарантировать, что эти режимы не трансформируются в другие, отнюдь не демократические, т.е. что им вообще удастся сохранить демократию. Возможно, однако, что именно с нахождением общего вектора политической модернизации, когда на континенте в целом улучшается ситуация с обеспече-

нием законности и порядка, макрорегион сумел к началу XXI в. выйти на путь положительного экономического роста, а для того, чтобы закрепить эту пока неустойчивую тенденцию экономической и политической модернизации макрорегиона, клуб кредиторов, членом которого является и Россия, списал большинство долгов составляющим его странам.

На Большом Ближнем Востоке ситуация гораздо сложнее. Пожалуй, она самая сложная и противоречивая из всех восточных макрорегионов. На Большом Ближнем Востоке явное меньшинство демократий, превалируют монархии и авторитарные (президентские и суперпрезидентские) республики. В то же время некоторые страны региона (как республики, так и монархии) встали на путь политического реформирования. Поскольку важнейшей частью политической культуры стран этого региона является конфессиональный, точнее исламский, фактор, результаты процесса модернизации будут зависеть от того, какую роль в нем будет играть ислам и как исламские нормы будут трактоваться в обществе. Особенностью политической культуры стран Большого Ближнего Востока является то, что традиционная мусульманская правовая доктрина (*фикх*) в принципе не предлагает однозначных ответов по вопросам организации политической власти. Исламская политическая модернизация предполагает *иджтихад*, т.е. рациональное решение по вопросам, на которые шариат не дал однозначных ответов. Таким образом, проведение политической модернизации в регионе делает актуальным те принципы фикха, которые допускают зависимость норм от места, условий и времени, т.е. зависят от региональной специфики, а также «исключительных интересов», предполагающих легализацию нововведений, прямо не запрещенных шариатом²⁵. Как справедливо отмечает Л. Сюкияйнен, «презумпция дозволенности всего того,

что прямо не отвергается Кораном или Сунной Пророка Мухаммада, применяется тогда, когда речь идет о принятии мусульманским миром западных достижений, относящихся к выборам и политическому плюрализму»²⁶.

Исламская правовая и политическая мысль не имеет прямых жестких предписаний, касающихся устройства власти, если они не касаются противопоставляемых исламу институтов, которые расцениваются как угроза традиционным ценностям²⁷. Именно эти положения привели к синтезу достижений западной политической мысли, западного политического устройства и традиционных ценностей мусульманской политической культуры в ряде стран Азии (Турция, Малайзия, Индонезия). Однако традиционалистское понимание норм ислама может и воспринимать все прямо не упомянутое в Коране и Сунне как угрозу традиционным ценностям, и тогда этого синтеза не получается.

Особенности и специфика моделей политического устройства стран Большого Ближнего Востока заключаются в том, что в регионе присутствует несколько жестко конкурирующих моделей политической модернизации, продвигаемых гражданскими властями, военными и исламистами. Все продвигаемые этими тремя политическими силами модели апеллируют к конфессиональным базисным установкам политической культуры региона, воспринимаемым по-разному, причем ни одна модель пока не получила полного признания как универсальная и определяющая в целом политическое развитие всего региона. Одновременно ускорение в странах региона процесса смены власти, сопровождающееся попытками исламистов и фундаменталистов продвигаться в верхние политические эшелоны и форсировать проведение модернизации исламистско-традиционалистского толка по иранской либо по еще более жесткой модели привели к усилению внешнего военно-политического влияния, пре-

²⁵ Сюкияйнен Л. На западный лад с исламским акцентом. Политико-правовая система ряда мусульманских стран готова к последовательному реформированию // НГ-религии. 15 января 2007 г. С. 4.

²⁶ Там же.

²⁷ Мелкумян Е.С. Политические реформы в Арабских странах: принципы и ценностные ориентации // Восток. 2006. № 6. С. 119.

жде всего США, которые попытались силой инициировать в регионе форсированное развитие модернизации западного типа (вестернизации) в ее американизированной форме.

Специфика политического устройства подавляющего большинства стран Большого Ближнего Востока, кроме основополагающего влияния конфессионального фактора в его разной интерпретации, заключается также и в том, что армии стран региона сильно политизированы, во многих странах гражданскими властями эффективно не контролируются, а в некоторых странах превратились фактически в один из наиболее эффективных государственных институтов либо в единственный дееспособный орган государственного управления²⁸, т.е. там действует в большинстве случаев чрезвычайная система гарантирования общественной стабильности. Особенности военно-гражданских отношений на Большом Ближнем Востоке заключаются в том, что армия и спецслужбы пытаются (иногда достаточно успешно) определять специфику развития основных политических процессов, выступать гарантом политического развития, политической стабильности либо напрямую вмешиваться в определение направления, скорости проведения и последовательности этапов политического развития²⁹. Превратившись в один из мощнейших центров влияния, армия и спецслужбы стали организатором ряда политических переворотов и мятежей (Сирия, Ирак, Египет, Йемен, Турция, Алжир, Пакистан, Мавритания) либо напрямую вмешивались в поддержание внутренней стабильности (Алжир, Ирак, Йемен, Сирия). Приход военных во власть в ряде стран региона (Египет, Сирия, Ирак) на определенном, исторически очень коротком этапе оказал положи-

тельное влияние на их развитие, инициировал сдвиги в политической структуре общества и в конечном итоге оказал влияние на выбор той или иной модели развития. При этом, с одной стороны, таким образом удалось укрепить центральную власть, консолидировать общество и мобилизовать население на решение острых социально-экономических проблем, с другой стороны, в тех государствах региона, которые не смогли быстро отойти от этой модели, надолго утвердился авторитаризм, причем по большей части отнюдь не в его просвещенных формах, а развитие демократических институтов управления и гражданского общества было прервано³⁰. Стабилизировав общество, военные практически во всех странах Большого Ближнего Востока оказались не готовыми профессионально, а также и непоследовательными в проведении политических, экономических реформ и осуществлении преобразований в обществе, особенно если эти преобразования противоречили корпоративным интересам силовых структур. Постепенно гражданские власти ряда государств Большого Ближнего Востока научились взаимодействовать с армией как с политической силой и в регионе, во всяком случае, в экономических и политических наиболее развитых странах, начала осуществляться новая модель развития — рычаги управления в государстве стали постепенно передаваться гражданским политикам, была осуществлена деполитизация армии и усилен поиск механизма осуществления действенного контроля над ней.

Таким образом, в регионе Большого Ближнего Востока идет жесткое противостояние разных моделей политического устройства, причем общая составляющая вектора политической модернизации пока неоднозначна. В целом в регионе авторитарная и традиционалистская составляющие в политических режимах не склонны уменьшаться, хотя в принципе осовремениванию и демократизации нет реальной альтернативы, поскольку без них очень сложно, а с определенного момен-

²⁸ Ахмедов В. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. М. : МГИМО-Университет. Аналитические доклады. Вып. 5 (10). Июнь 2006. С. 3.

²⁹ Подробнее см.: Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / под ред. В.М. Ахмедова. М. : ИВ РАН, 2002.

³⁰ Там же. С. 11.

та и невозможно осуществить экономическую модернизацию, без которой маловероятно повышение мировой конкурентоспособности отстающих в развитии стран региона³¹. Возможно, именно из-за противостояния разных моделей политического устройства регион пока и не может предложить решение проблем политической модернизации как части целостной модели интенсивного регионального социально-экономического развития.

В Восточной Азии существует наименьшая поляризация моделей правления, что, по-видимому, способствует формированию компромисса различных политических сил по поводу общего вектора политической и экономической модернизации региона. Модернизация (т.е. приближение к современности) в регионе воспринимается не как вестернизация, т.е. неизбежность движения государственных образований в сторону западной модели развития, а как особый путь развития, в ходе которого осуществляется синтез западного политического опыта (демократии), норм конституционного либерализма и автохтонной политической культуры во всем ее конкретном конфессиональном, страновом, региональном своеобразии (Вестминстерская модель и кастовая система в Индии; буддийская государственность и демократия в Шри Ланке; доминантная роль либерально-демократической партии в Японии (до последнего времени); особая роль исламского конфессионального параметра в Малайзии и синкретической идеологии панчасила, ограничивающей ислам и обеспечивающей конфессиональный плюрализм при мягком доминировании ислама в Индонезии; наличие доминантного харизматического политического лидера (министра-наставника) в

Сингапуре; китаизированный марксизм, внутрипартийная демократия, прямые выборы на низовом административном уровне, упор на законность и конфуцианскую этику в КНР). Подавляющее число политических режимов в этом макрорегионе — демократии, нестабильные демократии и конституционные монархии, они и задают общий вектор регионального развития. Режимов с другим вектором политического развития — жестко авторитарным либо военным правлением — меньшинство.

В этом макрорегионе наибольшее количество незападных демократий, т.е. тех стран, которые сумели синтезировать демократические принципы и конституционный либерализм с особенностями своей политической культуры, включая специфику конфессиональной организации общества и, в некоторых странах, — государства. Именно среди этих стран находятся те, которые показывают наиболее впечатляющий региональный (и мировой) экономический рост (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), причем этот рост осуществляется не на основе мобилизационной модели развития насильственного типа, а на основе модернизации как особого, синтетического пути, не западного и не мобилизационного типа. Собственно говоря, только эти страны и смогли превратиться из развивающихся в развитые и догнали Запад фактически по всем параметрам, невзирая на свой географический или демографический размер, ресурсную обеспеченность и т.д., изменив экономическую и политическую карту мира. Теперь, когда к такому типу развития присоединяется Китай, Восточная Азия начинает превращаться в центр мирового экономического роста XXI в.

Китай все же пока представляет собой особый случай в регионе. Эта страна сохранила свою специфическую политическую культуру в виде китаизированного марксизма, к началу XXI в. синтезировав ее с некоторыми положениями трансформированной и модернизированной традиционной политической культурой конфуцианства (в частности, этические

³¹ Косач Г.Г. Саудовский демократический эксперимент: внутренние предпосылки. В кн.: Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Вып. 6. М.: Центр стратегических исследований, 2007. С. 64–67; Мельянцева В.А. Арабо-исламский мир: сравнительная оценка макроэкономической и социальной результативности // Там же. С. 130–136.

представления)³². На локальном (низовом, уездном и поселковом) уровне начат эксперимент с прямыми выборами, в то время как на верхнем введены элементы конституционного либерализма (верховенство закона, конституционное признание и судебная защита частной собственности, частично — разделение властей, частично и ограниченно — свобода слова и собраний). Такая модель «демократии участия» приблизила страну к модели нелиберальной и одновременно незападной демократии, обеспечила успех проведения экономической модернизации. В конечном счете судьба построения этой модели в Китае будет зависеть от успеха воплощения в жизнь провозглашенной концепции построения «гармоничного общества» (*хэсэ шэжуэй*) и научной модели развития, в центр которой поставлен конкретный человек³³.

Заключение

Проанализированный конкретный региональный и страновой материал, структурированный в соответствии с концептуальными положениями, показывает, что именно регион Большая Восточная Азия является важнейшим мировым полигоном выработки модели политической модернизации, дающей удачный синтез демократических форм правления (определенной формы участия всего народа в управлении государством) и особенностей функционирования автохтонной политической культуры (общих закономерностей и региональной/цивилизационной специфики), результирующих соответственно в моделях впечатляющего экономического роста немобилизацион-

ного типа (Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Индия, Китай). В Восточной Азии к концу XX в. (Сингапур, Малайзия, Тайвань, Южная Корея, Китай) опытным путем была найдена удачная сущностная форма экономической и ненасильственной политической модернизации, которая, отсекая неэффективные, нежизнеспособные и нерациональные компоненты политической системы, одновременно укрепляла и ускоряла процесс экономической модернизации: сначала создавая экономическую базу (с внешней помощью или с опорой на собственные силы в зависимости от конкретных условий страны) и законодательно вводя экономический либерализм, затем проводя все более широкое, но постепенное и одновременно жесткое, но рациональное законодательное введение норм и правоприменение конституционного либерализма, поощрение меритократии и формирование на ее основе эффективной бюрократии, далее осуществляя постепенную дальнейшую демократизацию в зависимости от способности политической культуры конкретного общества «переваривать» и осваивать политические изменения. Важно отметить, что во всех странах Восточной Азии, которые добились экономического процветания, формы и скорость осуществления этой модели были различными, но базисные параметры оставались неизменными. Исключения из этой модели касались только стран с импортированной моделью демократии (Индия, Япония), да и то детальный анализ японского и индийского опыта выхода на высокие темпы экономического роста скорее подтверждает, чем опровергает это положение.

Во всех этих странах политическая элита, осуществляющая преобразования, выдвигалась на основе принципов меритократии т.е. административно продвигались по карьерной лестнице только образованные, эффективные и некоррумпированные управленцы, отстраивались прежде всего те политические институты, существование которых признавалось необходимым на основе международного опыта, но укоренение, успешное

³² Воскресенский А.Д. Большая Восточная Азия: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006.

³³ Гоуцзянь шэжуэй чжуи хэсэ шэжуэй вэньда (Замысел и построение гармоничного социалистического общества в вопросах и ответах). Пекин: Хунци чубаньшэ, 2005; Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. Интересно сравнить эту концепцию с идеей «сбережения народа», высказанной российскими мыслителями и политиками (А. Солженицын, В. Путин).

и эффективное функционирование которых было необходимо и возможно в конкретных условиях этих стран. При этом политическая элита создавала эффективные и в целом справедливые политико-экономические системы (Сингапур, Тайвань), где можно было преуспеть без коррупции и кумовства, что получало одобрение и поддержку народа, а некоторые страны по мере роста эффективности постоянно и целенаправленно, но также в зависимости от конкретных условий, расширяли формы и степень участия всего народа в управлении государством и степень демократичности политической системы вплоть до возможности легального перехода власти к оппозиционной партии (если она представляла детально проработанную конкурентную программу, получающую одобрение через выборы большинства населения) и добровольного возвращения власти новому победителю на следующих выборах в случае поражения (Индия, Республика Корея, Тайвань, Япония). В странах, где сложилась система доминантной партии, эта партия заключала своеобразный «социальный договор» с населением: ее «доминирование» на определенное время в политико-экономической сфере компенсировалось форсированным созданием эффективной бюрократии, введением жесткой системы ротации политической элиты, избавлением от коррупции, созданием «прозрачного» правового государства, жесткой правовой либерализацией экономической системы, повышением жизненного уровня всего населения при рациональной имущественной дифференции, гарантированием справедливого и легального перераспределения благ внутри общества. При осуществлении такой модели не надо было силой «мобилизовывать» население. Понимая, что проводимые реформы экономически освобождают людей, повышают степень их свободы, прежде всего — экономической, а затем и политической, и в конечном счете улучшают жизнь за обозримый период жизни одного поколения (примерно 10–15 лет), а не ради абстрактного будущего, население этих стран просто повышением своей эконо-

мической активности в рамках рационального курса модернизации сделало такую модель успешной, т.е. все население без насильственных «мобилизаций» превращалось в «агента модернизации». Такому обществу не нужна идеология в традиционном понимании этого слова, так как сама национальная модель преобразований и успех ее осуществления и составляют идеологию, консолидирующую нацию.

Доминантная партия, и в особенности ее харизматические лидеры, выступали гарантами справедливости выборов и рациональности принимаемых политических и экономических решений, отсекация нерациональных или лоббируемых узкоклановых решений, жестко, но в целом доброжелательно обеспечивали постепенное вызревание элементов многопартийности путем острой фракционной борьбы внутри партии и «отпечкования» в определенный момент новых политических партий, включая даже партии оппозиционного толка, которые начинали бороться за голоса избирателей, но при этом не подрывали фундаментальных правил состязательности, признания очевидности поражения на свободных и справедливых выборах и передачи власти победителю в случае своего поражения. В случае же опасений по поводу возможности подрыва фундаментальных правил состязательности доминантной либо оппозиционной партией или экстремистски настроенными группами в качестве гаранта выступало государство в лице его специализированных институтов и резервных механизмов защиты конституционного строя. Важно отметить, что харизматические лидеры типа Дэн Сяопина и Ли Куан Ю сами достаточно долго оставались у власти при молчаливой поддержке большинства населения без исключительной опоры на военизированные структуры только потому, что гарантировали непреклонность осуществления принципа определенной конституцией и законами тотальной ротации властных элит и бюрократии, обеспечивающей периодическую (без превышения пятилетнего срока) сменяемость этих структур, а значит, непрерывное по-

вышение конкурентоспособности национального государства. При этом в современном мире удержание высшей власти под различными предлогами более двух пятилетних сроков либо не полностью легитимное «возвращение к власти» ради «стабильности» воспринимаются практически всеми политическими режимами, за исключением наиболее одиозных, как персональный неуспех политика и политической элиты страны в эволюционной трансформации системы к ее более конкурентному, а значит, в конечном счете и более стабильному состоянию.

Такой тип политической модернизации можно назвать консервативным в том смысле, что он первоначально опирается на достаточно узкий сегмент политической поддержки трех институтов в различном сочетании в зависимости от условий конкретной страны (армейские круги, силовые структуры, спецслужбы или доминантная партия), из которых только преимущественная опора на доминантную партию позволяет в конечном счете расширять народное участие в управлении страной и добиваться впечатляющих темпов экономического развития. Содержательное обозначение этой модели — «национально-либеральный консерватизм» или «демократия с национальной спецификой». Этот тип политической модернизации в Восточной Азии не консервировал традиционные, консервативные, мешающие развитию сегменты общества, а обеспечивал ту необходимую степень политической стабильности (Тайвань, Южная Корея, Сингапур), которая позволяла обществу стремительно развиваться, прежде всего — экономически. При этом наличие харизматического лидера, сохраняющего власть в течение долгого времени с опорой на доминантную партию (к примеру, Чан Кайши и Гоминьдан, Ли Куан Ю и Партия народного действия, Дэн Сяопин и КПК), позволяет поддерживать легитимность при осуществлении такого типа модернизации в течение достаточно долгого периода времени только в том случае, если в обществе происходит зримая эволюция к упорядоченному и эффективному, а зна-

чит, в целом более свободному и открытому экономическому и политическому состоянию, и эти изменения реальны для населения в осязаемые сроки (3–4 года). При этом историческая заслуга Дэн Сяопина и Ли Куан Ю как раз и заключалась в том, что они оставались неформальными гарантами существования стабильности при обязательной периодической ротации всего высшего эшелона власти, не сохраняя за собой формальных высших постов управления государством (Дэн Сяопин сохранял только пост председателя Военного совета при ЦК КПК, а Ли Куан Ю — пост министра-наставника).

При этом все равно рано или поздно модернизация делает необходимой либерализацию политической системы в ответ на необходимость повышения общей конкурентоспособности трансформируемого национального государства. Начиная с 1978 г. Китай также вступил на этот путь, но масштабы страны, количество населения, специфика формирования политической элиты внутри КНР (наличие левой консервативно-традиционалистской оппозиции внутри государства и партии, не сломленной даже всеочевидностью провала «большого скачка» и «великой пролетарской культурной революции», неоднозначность позиции армии и спецслужб; сохраняющаяся, несмотря на жесткие антибюрократические и антикоррупционные меры бюрократизация и коррумпированность доминантной партии) делают путь перехода от экономической либерализации к политическому трансформированию более сложным, неоднозначным и трудным, чем в Японии, на Тайване или Сингапуре. В то же время эволюционный процесс смены властной номенклатуры, происходящий путем введения жесткой системы ротации партийного аппарата, его постоянного омоложения, увеличение легитимации путем расширения применения принципа главенства закона для всех, включая партийную номенклатуру, стоящую в Китае, как в свое время в СССР, над другими номенклатурами, делает такой путь эволюционно необратимым.

Изучение с точки зрения политической теории специфики модели «незападной демократии азиатского типа», т.е. национальной конституционно-либеральной демократии (Япония, Тайвань, Сингапур, Индия, Малайзия, Шри-Ланка), а также моделей эволюционной трансформации нелиберальных демократий (авторитарных республик либо конституционных монархий, к примеру, Таиланд) и «демократий участия» (плебисцитарных демократий — Китай) в незападные демократии, возможно, даст ключ к нахождению путей формирования такой модели и в других странах (в частности, в

России). Такой путь дает возможность избежать как драматических внутренних политических потрясений, всегда имеющих негативные экономические последствия для народа, так и внешнего отторжения, также имеющего долгосрочные негативные экономические последствия. Естественно, что в других странах баланс факторов, составляющих существо этой модели, будет, скорее всего, отличным от наблюдаемых в Японии, Сингапуре, Индии, на Тайване, в Китае и других странах, подобно тому, как соотношение факторов является различным и в самих этих странах по сравнению друг с другом.

МИРОВОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ КИТАЙ — США — РОССИЯ

А.Д. Воскресенский

В ходе преодоления последствий экономического кризиса в мире в целом, а также в экономике отдельных стран сложилась новая ситуация, имеющая далеко идущие международно-политические и внутривнутриполитические последствия. Самый яркий пример этому — Греция и некоторые другие «слабые звенья» Европейского Союза.

Несмотря на в целом удачную макроэкономическую политику, направленную на мягкий выход из кризиса с максимальными преимуществами для национальной экономики, Китай в этом вопросе не исключение: экономическая ситуация и конъюнктура мировых рынков для Китая сложные, и это будет иметь в конечном счете политические последствия. В этой ситуации для Китая резко повышается важность его отношений с США и Россией, двумя государствами, играющими в его реальной внешней политике важнейшую роль. Ситуация в экономике США и американский внешнеполитический курс, несмотря на дискуссию об «угасании гегемона» в СМН, в реальной жизни продолжает определяющим образом влиять как на мировые экономические рынки, так и на мировую геополитическую обстановку, что увеличивает важность как анализа развития ситуации в США для Китая и для России, так и анализа отношений в треугольнике США — Китай — Россия. Китай в 2010 г. становится второй по размеру национальной экономикой мира, обогнав Японию. Россия является единственной региональной ядерной державой, могущей при необходимости проецировать мощь страны фактически на неограниченное расстояние, решать военно-политические задачи выс-

шего уровня полностью самостоятельно и тем самым, при желании, существенно корректировать мировое развитие военно-политическим и, частично, экономическим путем.

Восточноазиатский азимут внешней политики США и китайско-американские отношения. В политике администрации президента Б. Обамы по отношению к Восточной Азии и Китаю, как государству, претендующему на определяющую экономическую роль в развитии региона — мотора мирового экономического развития, есть две стороны: внешняя и внутренняя. Ухудшение китайско-американских отношений в ходе и после визита Б. Обамы в Китай в ноябре 2009 г. произошло в связи с тем, что китайские руководители не поддержали американскую политику в отношении Ирана, освещение визита американского президента в китайских СМИ было подвергнуто цензуре, а китайская нефтяная компания Синопек демонстративно в последний день визита подписала соглашение об освоении иранского нефтяного месторождения Ядавран. Эти события составляли внешнюю сторону американско-китайских отношений.

Одновременно продолжал расширяться внутренний, более глубокий пласт в конфликтном потенциале США и КНР. В целом последние полгода США и Китай вели игру по вопросу «Большой двойки». Американские политики предложили китайским руководителям сформировать де-факто биполярную конфигурацию мирового управления, вполне возможно, пытаясь структурно направить развитие китайско-американских отношений на рельсы американско-советских

отношений последних лет существования СССР. Китайская политическая элита, в свою очередь, в отличие от политиков СССР, не способных предложить конкурентоспособную экономическую политику, не отказываясь от такой игры, стремилась получить максимум выгод, прежде всего экономических и финансовых, на американском рынке. На раннем, самом тяжелом для США этапе финансового кризиса сбалансированная и в целом сдержанная китайская позиция оказалась крайне важна для поддержания мировой финансово-экономической стабильности, необходимой для того, чтобы не пустить американскую, а за ней и всю западную экономику под откос. На этом этапе дружеские отношения с Китаем были крайне важны для западных экономических и политических кругов. Когда китайская политическая элита поняла, что она больше не дожидается от Запада экономических и политических уступок (в частности, по поводу снятия эмбарго на торговлю оружием со странами ЕС, доступа китайских финансовых институтов на американский и европейский рынки и др.), премьер КНР Вэнь Цзябао в эфире национального телевидения объявил, что Китай не поддерживает идею «Большой двойки» с США.

Структурно ситуация торгово-экономических отношений США и Китая напоминает отношения США с Японией конца 1980-х — начала 1990-х годов. До 1990-х годов на американский рынок поставлялись японские товары, а вырученные за них финансовые ресурсы в значительной части инвестировались в экономику США. Такая ситуация к началу 1990-х годов породила антияпонскую кампанию в США из-за опасений, что японский бизнес «скупит» американскую экономику. В результате политического и экономического нажима США иена была девальвирована и пущена в свободное плавание, а на японском рынке были сняты прямые и косвенные ограничения на продажу иностранных (прежде всего американских) товаров. К середине 1990-х годов проблему Японии как экономического соперника США удалось решить. Судя

по тем мнениям, которые циркулировали в американском аналитическом сообществе в конце 1990-х — начале 2000-х годов, американцы считали, что китайская экономика рано или поздно коллапсирует сама по себе. Однако этого не случилось.

В 1990-е годы в американскую экономику пришли огромные китайские деньги, которые Китай выручал за проданные в США китайские товары и вкладывал в американские казначейские обязательства. Такого рода финансовые вливания были не только китайскими, шли они и из развивающихся и нефтеэкспортирующих стран либо стран с нестабильными экономическими и политическими режимами (по некоторым оценкам, из этих стран поступало в США примерно 700 млрд долл. ежегодно в течение десяти лет), но китайские деньги в этом потоке стали составлять львиную долю. Это дало возможность американским банкам давать жилье бедным через дешевую ипотеку и поддерживать при Президенте У. Клинтоне имидж американской экономики как самой богатой и динамично развивающейся, что хорошо корреспондировало с концепцией либеральной модели, американская версия которой предлагалась всему миру в качестве панацеи от экономических бед. Американские финансовые компании в 1990-х годах зарабатывали, покупая недооцененные стратегические активы по всему миру, и прежде всего в странах, отпавших от советского блока, и бывших республиках СССР, реструктурируя и перепродавая их (к примеру, стоимость Газпрома в 2000 г. была 14 млрд долл. США, а в 2007-м уже 300 млрд). Эта экономическая модель к концу 1990-х годов перестала работать: китайцы, имеющие нарастающий профицит в торговле с США, несмотря на американское давление, отказывались существенным образом ревальвировать юань и продолжали продавать в США все большую номенклатуру товаров, получая за это все большие деньги (объем китайско-американской торговли превысил 400 млрд долл.), которые направлялись потом в США на покупку казначейских обязательств (были куплены китайцами на сумму от 1 трлн до

3 трлн долл., по разным оценкам), а крупные страны с недооцененными активами (страны БРИК, некоторые страны Латинской Америки и др.) запретили их скупку по заниженным ценам с последующей перепродажей. Таким образом, возник дисбаланс в мировой экономике, который экономика США уже не могла абсорбировать (к 1998 г. дефицит экономики США достиг 6% ВВП). Далее стали играть решающую роль собственно финансовые и экономические внутриамериканские проблемы, которые и привели к финансовому кризису сначала в США, а потом по цепочке от самой сильной экономики они перекинулись на более слабые, слабые и зависимые экономики мира. Таким образом, роль китайского фактора в финансово-экономическом кризисе значительно больше, чем обычно об этом пишется. В Китае, кстати, это хорошо понимают, поскольку именно китайские аналитики заговорили, что кризис — новое оружие США, направленное против китайской экономики. Потом, когда стало ясно, что американская экономика страдает от кризиса сильнее, чем предполагалось, китайские аналитики перестали об этом говорить и писать, а американские политические деятели разного уровня стали утверждать, что Китай, демпингуя и занижая стоимость юаня, получил нечестный финансовый ресурс, влил огромные суммы денег в США и дестабилизировал американскую, а потом и мировую экономику.

К этому моменту финансово-экономические отношения между двумя странами стали настолько взаимосвязанными, что американские финансовые круги были вынуждены пустить на свой банковский рынок китайские финансово-инвестиционные фонды и разрешили им покупать мелкие и средние банки. Кроме того, было достигнуто взаимопонимание по вопросу о том, что китайцы продолжат покупать американские казначейские обязательства, а США не станут активно противодействовать начавшейся скупке Китаем ресурсов и предприятий во всем мире, поскольку это уменьшало приток долларов в экономику США

и подкрепляло роль доллара как мировой валюты. Африканская и центральноазиатская ресурсная политика Китая в связи с этим получила новую динамику. То есть в самый острый и сложный момент кризиса между западной и китайской политической элитой было достигнуто неформальное взаимопонимание, в соответствии с которым китайские компании без какого-либо существенного противодействия американской и европейской финансовой и внешнеполитической элиты стали проводить экспансионистскую экономическую политику на латиноамериканских, центральноазиатских и африканских рынках, фактически гарантировав, что Китай своей финансово-экономической политикой не будет ухудшать макроэкономическую ситуацию в мире и особенно ситуацию на финансовом рынке США. С этого момента Китай и начал проводить активную политику инвестирования по всему миру, в Азии, Африке и т.д. Кроме того, у Китая были надежды, что согласие пустить китайских финансистов, как в свое время японских, на банковский рынок США даст новый уровень взаимоотношений и соответственно влияния на Соединенные Штаты. Но первый же китайский финансово-инвестиционный фонд, который купил ряд средних банков США, обанкротился, так как не потянул «плохие» американские ипотечные кредиты. После этого китайским финансистам стало ясно, что они не смогут на внутреннем рынке США играть такую же роль, как японские.

К этому времени финансовый кризис вошел в контролируемую фазу, соответственно политика обеих сторон по отношению друг к другу ужесточилась: американцы испугались дальнейшего усиления Китая за счет «экономического приобретения» Тайваня и санкционировали продажу тайваньцам вооружений на сумму 6,4 млрд долл., а Китай остро на это отреагировал, прервав на время военные связи с США и пригрозив инициировать экономические санкции против американских фирм, участвующих в программе поставок американских вооружений Тайваню, инициировал экономическое соглашение

с тайваньским президентом Ма Инцзю и стал уменьшать долларовые активы.

Разрабатывая и предлагая Китаю концепцию «Большой двойки», американские эксперты исходили из того, что в Китае существует влиятельнейшая внешнеполитическая школа, которая обсуждает эту идею более 10 лет и считает двусторонние отношения США — КНР самыми важными двусторонними отношениями в мире. Когда американцы заговорили о «Большой двойке», они опирались именно на эту точку зрения ряда китайских аналитиков и дипломатов. Такая постановка вопроса, в свою очередь, обеспокоила российских экспертов, которые справедливо увидели в этом опасность маргинализации российско-американских и российско-китайских отношений. Разработав идею «Большой двойки», внешнеполитический истеблишмент КНР поставил практическую задачу реально достигнуть такого уровня отношений с США.

Вообще говоря, концепция «Большой двойки» является логичным развитием политико-экономической концепции, в соответствии с которой особые стратегические, военно-политические и/или экономические отношения с государством-гегемоном международной системы неизбежно повышают международный статус государства-антагониста или государства-партнера гегемона, особенно в однополярной системе координат. Однако, если советская политическая элита особые стратегические отношения с США (военно-стратегический паритет) закрепила в форме антагонистического военного противостояния и гонки вооружений, истощивших страну и приведших ее к полномасштабному политико-экономическому кризису и полному коллапсу, а после образования России на развалинах СССР особые военно-стратегические отношения с США не смогла преобразовать в полноценное российско-американское партнерство из-за продолжающегося внутривнутриполитического раскола и борьбы за власть, еще больше ослаблявших страну, и сильнейшего влияния антиамериканского

лобби в структурах военно-политического комплекса, продолжающего рассматривать США как непосредственного военно-политического соперника России, то Китаю удалось не только сформировать внутривнутриполитический консенсус по вопросу о необходимости построения особых отношений с США и придать особый характер китайско-американским торгово-экономическим отношениям, но и фактически перевести их в формат китайско-американской финансово-экономической взаимозависимости, а затем на этой основе взрастить вторую по размеру национальную экономику мира, до того, как американцы поняли всю серьезность происходящих в мире изменений и попытались разрешить китайско-американские противоречия в рамках предложенной уже ими самими концепции «Большой двойки».

Похожая, но прямо противоположная ситуация сложилась с идеей полицентричного (в другой терминологии — многополярного) мира, которая была изначально сформулирована китайцами еще в 1970-х годах. После долгого обсуждения эту концепцию в 1990-х годах китайцы предложили части российских внешнеполитических аналитиков и дипломатов, которые ее приняли, в свою очередь, предложили китайцам, а китайцы с ней согласились, поскольку она изначально соответствовала их пониманию того направления, в котором следует подталкивать эволюцию российской дипломатии, которая должна, по замыслу китайских политиков, активно противодействовать США, отсрочить или смирить напряженность в китайско-американских экономических отношениях путем переключения внимания американского истеблишмента на американо-российские геополитические противоречия и проблемы безопасности и дать Китаю возможность накапливать силы.

Поначалу американцы планировали сформировать «Большую восьмерку» и «растворить» в этой новой неформальной организации Китай, но ужесточение совместной позиции России и Китая против США и стран Запада, быстрое усиление

Китай в последние годы, отсутствие понимания, как влиять на Китай, и замаячивший финансовый кризис заставили «переклеститься» на идею «Большой двойки», а потом, когда это не получилось, «двадцатки» (G-20), в рамках которой проще формулировать повестку дня, отражающую интересы прежде всего США и стран Запада, имеющих высокоскоординированную позицию по большинству важнейших вопросов, и предложить эту повестку другим членам этой неформальной организации, степень координации политики которых неизмеримо меньше. Таким образом, «Большая двойка G-2» — это попытка предложить новую конструкцию «перустройства» мира, в ходе осуществления которой США могут попытаться переиграть Китай, а если не получится, то сформировать с ним новый биполярный порядок, как в свое время с СССР.

США, Китай и Восточная Азия. В целом Восточная Азия и Китай уходят как бы на второй план в американских внешнеполитических документах и расчетах после событий «9/11». Одновременно проблематика роли Восточной Азии в международных отношениях никуда не исчезала, но занимать одновременно международным/исламским терроризмом и Восточной Азией, и Китаем даже США было невозможно. Поэтому были брошены силы на самую острую на тот момент проблему — мусульманский вызов контролируемому США мировому порядку. Эта проблема в настоящее время в принципе США решена, т.е. она институционализирована и поставлена в рамки, которые позволяют американцам выйти из кризиса, этот кризис стал для США контролируемым и управляемым, но в ходе решения этой проблемы и развернувшегося экономического кризиса мир де-факто стал полицентричным, а Восточная Азия стала превращаться в новый центр мирового индустриального развития. Значение для США Восточной Азии, кстати, также косвенно связано с мусульманским миром, так как именно в Восточной Азии находится крупнейшая мусульманская страна — Индонезия. Она важна для

США, поскольку в Индонезии существует «мягкая» версия ислама, и ислам там эволюционирует в такую форму, которая приемлема для Запада в целом и для США в частности.

Следовательно, роль Восточной Азии для США будет увеличиваться, потому что Соединенные Штаты после Второй мировой войны там доминировали, и отказываться от этого им вряд ли захочется, особенно в связи с расширением влияния в этом регионе китайских интересов. Тихоокеанские торгово-экономические связи США ныне превысили объем трансатлантических связей. Экспорт США только в страны Восточной Азии (исключая Китай) составляет примерно 320 млрд долл. Важно также отметить, что президент Б. Обама заявил, что он первый тихоокеанский президент Соединенных Штатов. Кроме того, в Восточной Азии, самом экономически динамично развивающемся регионе мира, находится Китай, который начал форматировать пространство вокруг себя, усиливая свою мощь через экономический контроль над Восточной Азией. Американских экспертов стали беспокоить две тенденции: увеличение размеров китайской экономики, которая, по некоторым оценкам, к 2027 г. (прогноз Goldman Sacks) может сравняться по объему с американской, и то, что рост военных расходов КНР происходит быстрее, чем рост экономики Китая. Это значит, что Китай не просто растет, он растет, а его вооруженные силы получают финансовые ресурсы для модернизации в большем объеме, чем страна в целом, но это мало сказывается на уровне жизни населения и возможностях для китайского правительства решать задачи экономической модернизации страны. То есть Китай превращается в одну из самых сильных держав региона в экономическом смысле и одновременно получает возможность проецировать военную мощь вовне, в соответствии со своими экономическими интересами.

Индийская экономика также динамично растет, ее инкорпорирование в восточноазиатскую и мировую экономическую систему самостоятельно, на усло-

виях Соединенных Штатов либо на условиях Китая — также очень важный фактор мирового развития. Далее — Индонезия — крупнейшая мусульманская страна, в которой ислам не мешает политической модернизации, а китайская диаспора составляет важнейшую часть экономики. В Восточной Азии начали интенсифицироваться интеграционные процессы, которые никакой стране, даже Соединенным Штатам, теперь уже невозможно игнорировать.

В целом можно выделить три подхода американских аналитиков и дипломатов к Восточной Азии. Первый условно можно назвать «идеалистическим», он предполагает акцент на многостороннюю дипломатию, на ООН, на глобальные институты регулирования, «честные сделки» с теми странами, с которыми отношения не очень получаются, многостороннее сотрудничество в области безопасности и т.д.

Второй подход условно можно назвать «профессионально-прагматическим». Он лучше всего проработан, особенно республиканской администрацией. Этому подходу свойственен акцент на построение продуктивных рабочих отношений с мусульманским миром, с азиатскими странами, акцент на усиление международной озабоченности по поводу проблем ядерного распространения. При таком подходе артикулируется необходимость защиты демократических ценностей, атаки на бедность, решения глобальных вопросов. В этом подходе неизбежно будут фиксироваться четыре долгосрочные позиции: американское лидерство как «честное брокерство»; акцентирование японской и китайской проблем (контроль над милитаризацией Японии и кризисным развитием Тайваньского вопроса); «тройное сдерживание» — России, Китая, Японии; сложная и многоплановая стратегия по контролю над подъемом Китая, т.е. создание условий для форматирования подъема Китая в благоприятном для США направлении.

Третий подход можно условно обозначить как «идеологический». Он предполагает акцент на новом идеологическом

соревновании, столкновении конкурирующих форм правления, региональной дипломатии, региональном лоббировании. Администрация Б. Обамы старается эти три подхода инкорпорировать в более или менее цельную общую стратегию (выступление Х. Клинтон в Гонолулу) по четырем основным направлениям:

- усиление взаимоотношений с военно-политическими союзниками США в регионе;

- усиление взаимоотношений с ключевыми региональными игроками, прежде всего Индией;

- повышение эффективности региональных институтов (АПЕК, АСЕАН, АРФ и др.) и ориентация их на решение общих с США целей: усиление стабильности, расширение возможностей для экономического роста, продвижение демократии и защита прав человека;

- усиление безопасности: ядерное нераспространение, разрешение территориальных споров, смягчение военного соревнования в регионе.

При этом все время будут происходить изменения, корректировки и нюансировки — беспрецедентность современного исторического периода и заключается в том, что очень быстро пересматриваются и корректируются положения, которые кажутся сегодня на первый взгляд незыблемыми.

Китайская проблема для США. В восточноазиатской проблематике китайская проблема и для США, и для других стран является центральной, эта проблема не исчезнет, что бы в Китае ни происходило. В этой проблеме кроме внешней и внутренней стороны важны еще несколько аспектов: то, что действительно происходит, как это воспринимается и как это влияет на США. Во внешнеполитическом истеблишменте США пока не выработался консенсус по поводу того, как интерпретировать подъем Китая и в целом Восточной Азии. Есть позиция, фиксирующая, что слабый Китай — это плохо, есть позиция, что сильный Китай — это плохо. Сформулирована позиция, в соответствии с которой подъем Китая — вызов, новый этап соревнования,

конкуренции. У части аналитиков США и партнеров США по соглашениям в области безопасности существуют большие опасения по поводу военной модернизации Китая, на которой они постоянно акцентируют внимание союзников. Однако военный бюджет ближайших азиатских военных стран-союзников, во всяком случае, в тех его параметрах, которые связаны с китайским военным фактором, пока не растет. Политические деятели разного уровня стран военных партнеров США, неоднократно заявляли, что военный бюджет в связи с модернизацией НОАК может быть увеличен (такие заявления делали южнокорейские и австралийские политики), но реального кардинального увеличения военного бюджета и этих стран пока не произошло. Существует также точка зрения, в соответствии с которой Китай вообще не представляет никакой угрозы для Соединенных Штатов. Вышеупомянутые позиции по поводу подъема Китая трансформируются в три разных вывода: Китай растет за счет США, Китай замещает США, Китай на следующие двадцать лет для США никакой угрозы представлять не будет.

В этой связи главный вопрос для США, который влияет и будет влиять на формирование американской концепции безопасности: ослабляются ли связи США со своими ближайшими военно-политическими союзниками в Восточной Азии и не происходит ли замещение этих связей усилением связей с Китаем? В целом пока рано говорить об ослаблении связей США со своими военно-политическими союзниками в Восточной Азии и тем более о замещении их связями с Китаем. Одновременно и усиления Китая за счет Соединенных Штатов не происходит. Ни один ключевой военно-политический партнер США по безопасности в Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, Сингапур, Австралия) не рассматривает Китай как военно-политическую альтернативу США. Соединенные Штаты внешнеполитическим истеблишментом и аналитическими кругами стран — военных союзников США (да и всей Восточной Азии в целом) рассматриваются как единственное государство, которое может сба-

лансировать Китай и не допустить его доминирования в регионе.

Одновременно и Соединенные Штаты, и Китай в Восточной Азии стали играть новые роли. И торгово-экономические, и политические связи всех азиатских стран, особенно восточноазиатских, с Китаем динамично наращиваются. В целом можно уже говорить о мягкой интеграции Китая и «Большой Восточной Азии». Роль Китая в Восточной Азии увеличивается, но происходит это парадоксальным образом — за счет того, что Соединенные Штаты все последнее время подтверждали гарантии безопасности тем странам, у которых была и существует настороженность в отношении Китая. То есть эти страны развивают свои отношения с Китаем более уверенно за счет того, что гарантии их безопасности со стороны США подтверждены, а в некоторых случаях усилены. Отсюда следствие: появились страны, которые развивают отношения и с Соединенными Штатами, и с Китаем, что дает им больше возможностей развиваться, но не означает абсолютной переориентации этих стран на Китай.

В принципе Китай постепенно увеличивает свое влияние на союзников Соединенных Штатов в Восточной Азии. Действительно, на наших глазах некоторые страны становятся более восприимчивыми к китайским стержневым интересам (*хэсинь либи* / *core interests*) прежде всего по трем вопросам: Тайвань, Тибет и Синьцзян. Китаю удавалось до последнего времени успешно нейтрализовать создание любых, даже неформальных, коалиций, которые были бы направлены против него. Но в целом это оборонительная стратегия. Китайские аналитики внимательно изучили опыт Советского Союза и понимают, что любое перенапряжение сил ни к чему хорошему для страны не приведет. Одновременно, судя по тому направлению, в котором эволюционируют международные отношения, Китай будет вынужден ужесточить свою внешнеполитическую линию, и ему все труднее будет уходить от столкновений с США.

Как можно трактовать увеличение китайского присутствия в Восточной Азии

при таком понимании контекста восточноазиатской ситуации? Прежде всего речь идет об увеличении взаимодействия Китая с восточноазиатскими странами в области торгово-экономических отношений. То есть увеличение интенсивности связей с Китаем не перерастает, пока во всяком случае, в увеличение прямого китайского влияния, прежде всего с точки зрения возможности Китая осуществлять какие-либо политические или еще какие-либо санкции, которые бы полностью изменили внешнеполитическое, либо внутривнутриполитическое поведение восточноазиатских государств. Тем не менее есть страны, которые становятся более восприимчивыми к китайской позиции: страны Центральной Азии, Монголия, частично — Южная Корея, Северная Корея, Вьетнам, Россия. Однако среди этих стран фактически нет военно-политических союзников США, за исключением Южной Кореи. По отношению к Китаю у всех этих стран (за исключением Северной Кореи в силу специфичности ее политического режима) даже при наличии политики официального партнерства или тесного сотрудничества существует в разной степени настороженность либо даже опаска внутри обществ этих стран по отношению к «скрытым» планам Китая, либо внутри этих стран продолжается гласная или негласная дискуссия по поводу того, до какой степени можно позволить сближение с Китаем, чтобы этот процесс не стал неконтролируемым. Кроме того, в любой момент могут быть задействованы финансовые либо другие механизмы, для того чтобы китайское влияние на эти страны ограничить (единственное исключение — Россия).

В целом ситуация в китайско-американских отношениях усложнилась. Американцы не смогли легко, как они думали, экономически «переиграть» Китай, так же как в свое время Японию, заставив японцев сначала ревальвировать, а затем девальвировать иену и открыв японский рынок для более свободной экономической конкуренции. Но такие попытки будут продолжаться, а соответственно косвенные меры давления Соединен-

ных Штатов на Китай усилятся. Одновременно США продолжат политику вовлечения Китая в контролируемые ими сегменты мирового порядка. Попытка создания американско-китайской биполярной системы многими американскими аналитиками рассматривалась как благоприятная для США с двух точек зрения. Во-первых, можно продолжать пытаться воздействовать на Китай, а с другой — биполярное состояние стабильнее, чем многополярное, потому что при биполярности проще решать многие проблемы, хотя бы потому, что с меньшим количеством участников в конечном счете приходится договариваться.

Сделка же с продажей американского вооружения Тайваню связана с тем, что Тайвань, так же как Япония и Южная Корея, стал основным торгово-экономическим партнером Китая. Для Тайваня в силу его особого статуса и относительно небольшого населения сегодня достигнут тот предел, после которого начинается экономическая зависимость от Китая, перерастающая в политическую зависимость и присоединение к Китаю на политико-экономических условиях материковой политической элиты. Оружейная сделка с США была попыткой приостановить дальнейшее развитие китайско-тайваньских экономических и политических связей. Такого рода сделки с Тайванем последние 20 лет имели в значительной степени символически-ограничительный характер: Тайвань проплачивал вооружение, но его поставка откладывалась на срок от 5 до 8 лет либо оно складировалось в США и реально Тайваню могло быть поставлено только в случае очередного обострения отношений с материком. Последняя сделка практически ничем в этом смысле не отличалась, за исключением того, что Китай накопил такую экономическую мощь, что посчитал возможным попробовать изменить существовавшее до этого региональное статус-кво и наложить вето на американско-тайваньские военные связи. Эта попытка, очевидно, не увенчалась успехом.

Следующим объектом проверки прочности экономической системы Ки-

тая станет юань. Если Китай будет вынужден сильно ревальвировать юань, то китайская экономика получит удар с непредсказуемыми политическими и политико-экономическими последствиями, поскольку роль внеэкономических рычагов, повышающих экономическую конкурентность, будет если не устранена, то кардинально минимизирована. США также могут понемногу девальвировать доллар, что будет приводить к автоматической постепенной ревальвации юаня с теми же последствиями.

Китайский фактор во внешней политике США и перезагрузка российско-американских отношений. Существующая сегодня динамика китайско-американских отношений неизбежно повышает заинтересованность американского внешнеполитического истеблишмента в поиске партнеров для диалога по «китайской проблеме». Связано это прежде всего с тем, что внешнеполитические советники президента США предлагали китайскому руководству сформировать «Большую двойку: Китай — США» для решения мировых проблем, особенно экономических, и особенно в связи с дисбалансом китайско-американской торговли, которая существенно тормозит выздоровление американской экономики и ограничивает американскую экономическую политику. Президент Б. Обама предложил Китаю доктрину «стратегической поддержки» (strategic reassurance), т.е. фактическое стратегическое партнерство. Эта доктрина предполагала, и это было реализовано американцами на практике до визита Б. Обамы в Китай, сворачивание политики по «сдерживанию» Китая, которую проводил президент Дж. Буш-мл. США практически полностью приостановили поставку вооружения Тайваню, вычеркнули Китай из списка стран, манипулирующих валютой, пообещали наложить мораторий на введение протекционистских мер и обещали предоставить Китаю статус «полновесной рыночной экономики» (full market status). Во время визита Б. Обамы в Китай китайское руководство демонстративно отказалось от пар-

тнерства с США, либо не поверив американскому президенту, либо втайне желая «окончательно похоронить» США как мирового лидера. В результате Б. Обама был вынужден вернуться к политике «стратегического соперничества» с Китаем.

США будут осуществлять политику по «сдерживанию» Китая, так как:

Не имели прецедента политического доминирования без экономического лидерства, а утрата и политического доминирования, и экономического лидерства одновременно крайне болезненны для нации, что хорошо показывает опыт Великобритании и СССР.

Китай всерьез начинает восприниматься как вторая экономика мира, а мировое экономическое лидерство США поколеблено, по крайней мере, аргументацией ряда СМИ, акцентирующих внимание на внешних или второстепенных вопросах, формирующих мировое общественное мнение.

США обладают идеологией мессианского типа, а потому не смогут спокойно наблюдать за возвышением авторитарного Китая, представляющего альтернативную американской модель политико-экономического развития.

В целом Китай американским истеблишментом воспринимается пока скорее не как угроза, а как проблема, могущая при ее игнорировании перерасти в угрозу, потому что «закрытый» и непонятный американцам авторитарный Китай слишком «меркантильно» расширяет свое влияние по всему миру и влияет на ориентацию или формирование новых, пусть и второстепенных, факторов, игнорировать которые при нынешнем развитии мировой экономики для США больше не представляется возможным.

Переосмысливая китайскую политику США, президент Б. Обама будет искать союзников и партнеров по диалогу, налаживание отношений с которыми позволило бы снизить экономические издержки США по проведению своей внешнеэкономической политики. В первую очередь такими союзниками являются военно-политические партнеры США, особенно в Азии. В этом контексте повышает-

за заинтересованность администрации Б. Обамы в том, чтобы расширить число участников мирового диалога по проблемам модернизации и развития, подключив к ней также и государства, опасющиеся дальнейшего усиления Китая, но не являющиеся при этом союзниками США. Непредвзятая, объективистская позиция России в этом вопросе для Б. Обамы особенно важна из-за ее мирового геополитического веса, стратегического партнерства и многолетнего военного сотрудничества с КНР, позволившего ему сократить примерно на 25 лет свое отставание в военной сфере, а также развивающегося стратегического энергетического и перспективного технологического сотрудничества с Китаем.

Налаживание международного диалога по проблемам модернизации сверхкрупных развивающихся и модернизирующихся стран, включая Китай по обеим сторонам Тайваньского пролива, совпадает с общим стратегическим контекстом мировой политики, а для США усиливается сложной экономической обстановкой, требующей искать партнеров по диалогу с КНР и гармонизировать их отношения со сверхкрупными развивающимися и модернизирующимися странами (БРИК). В то же время ясно, что никакая реальная политическая власть в России при ведении диалога по проблемам модернизации, включая китайскую и российскую, без серьезных причин не захочет рисковать выстроенными за последнее десятилетие особыми доверительными отношениями с китайским руководством.

Ситуация в Китае: финансово-экономические и политические последствия кризиса. Важно понимать, что при всем внешнем благополучии Китая прежде всего финансово-экономическая ситуация, а потом уже другие проблемы, какие бы сложные они ни были (демографические, политические, экологические и др.), определяют на краткосрочную перспективу стабильность страны. В этой ситуации Китаю очень важна Россия, но не только с точки зрения постав-

ки ресурсов, технологий, включая военные, а с точки зрения неформальной политической и дипломатической поддержки. Россия — единственная крупная страна, на которую разные сегменты китайской политической элиты традиционно все еще могут положиться больше, чем на политическую элиту других стран, так как между российской и китайской элитами существует большой уровень взаимопонимания, взаимной рефлексии, тесные исторические связи. В этой ситуации российской политической элите следует закреплять это положение, сохранять и развивать необходимость для Китая иметь тесные дружественные отношения с Россией.

В этой связи необходимо понимать, как Китай финансирует свою модернизацию, насколько стабильно это финансирование и может ли Китай превратиться во второй мировой технологический центр. С 1998 по 2005 г. производство промышленной продукции в США росло на 5% ежегодно, внутренний спрос возрастал на 35%, а импорт на 80%. То есть США за счет роста производства своей промышленной продукции не смогли удовлетворять растущий спрос на нее и были вынуждены ее импортировать. К этому моменту реформы в Китае дали результаты, которые позволили Китаю предоставить США такую возможность, прежде всего в сегменте низкотехнологичной трудозатратной продукции с невысокой, по сравнению с собственно американской продукцией, стоимостью. Полученные от экспорта китайской промышленной продукции, прежде всего в США, а потом и в другие страны Запада, средства были вложены в совершенствование промышленной базы для производства этой продукции, из которой львиная доля снова направлялась на экспорт, прежде всего в США. Потом Китай постепенно сумел повысить технологический уровень своего экспорта в США, а потом и в другие страны мира, которые стали покупать китайскую продукцию, уже утвердившуюся на рынках страны-гегемона, а значит, подтвердившую хорошее соотношение цены и качества. Далее ряд американских,

европейских и японских предприятий были перенесены на территорию Китая, чтобы снизить издержки производства. Производя иностранные товары по лицензии, китайские предприятия параллельно наладили и свое производство товаров, основанное на устаревающих и уже не лицензируемых или же на заимствованных (легально или нелегально) технологиях. К слову, это только экономике США стоило потери примерно 750 тыс. рабочих мест.

В ближайшее время Китай будет обеспокоен не идеей превращения в мифический альтернативный Западу центр технологий, а добывания всеми возможными легальными и нелегальными средствами технологий для своего дальнейшего развития. При уменьшающемся желании других стран делиться передовыми технологиями со второй экономикой мира, захватившей 10% мирового экспортного рынка, Китаю потребуются затрачивать все больше и больше ресурсов на приобретение, разработку и применение нужных ему технологий. То есть если страны Запада уже сегодня имеют или разрабатывают технологии, которые составят основу нового технологического уклада (технологии продления жизни, искусственно-го интеллекта, биотехнологии, новые информационные технологии и др.), то Китай пока осваивает технологии в рамках существующего технологического уклада, покупая, заимствуя, развивая, совершенствуя те, что нужны ему для развития. Она из самых ярких иллюстраций этому — создание в 2010 г. в Китае самого быстроразвивающегося (по сообщениям мировых СМИ) суперкомпьютера в мире, собранного на основе импортируемых из США процессоров, сконфигурированных по схеме китайских инженеров-электронщиков.

Следующий вопрос, который возникает в этой связи: какова добавочная стоимость Китая (т.е. фактически стоимость локализованных компонентов) в той высокотехнологичной иностранной лицензионной продукции, которую он производит? Есть разные оценки. В целом добавочная стоимость Китая составляет при-

мерно 15%. Отсюда следует важность вопроса о занижении или завышении курса юаня. Если занижать юань — Китай повышает добавочную стоимость продукции до 33%. Соответственно увеличивается финансовый ресурс Китая, который можно направить на совершенствование технологической базы, модернизацию, включая военную и т.д. Однако начиная с 2001 г., несмотря на манипуляции обменным курсом, Китаю не удается повысить добавочную стоимость продукции, произведенной по лицензии на территории Китая. В то же время повышение стоимости юаня на 20% снижает эту долю до 3% и сокращает дефицит США во внешней торговле с Китаем до 0,1% профицита Китая. В этом смысле полемики между США и КНР по поводу манипуляций обменным курсом юаня.

Для снижения внешнеполитического американского давления Китай может снижать экспорт, манипулировать импортом, а может перераспределять экспорт своей продукции между разными странами. Последние 2–3 года Китай использовал все эти способы. Постепенно он во внешней торговле со странами Запада переориентировался с США на ЕС и диверсифицировал свой внешнеторговый оборот. Все увеличивающаяся часть китайского экспорта шла в Гонконг, Корею, Тайвань, страны АСЕАН, причем через Гонконг, АСЕАН и другие страны происходило реинвестирование капитала внутри Китая.

Статистика последних лет показывает, что 50% внешнеторгового оборота Китая в разные годы приходилось на долю ЕС, Японии и США, при этом доля внешней торговли составляла 70% (есть разные данные: от 40% до 70%, но 70%, судя по всему, ближе к реальности). В 2007–2008 гг. доля ЕС во внешней торговле КНР увеличивается с 18 до 25%, а к 2009 г. она начинает «плавать» в диапазоне между 27 и 35%, доля США при этом падает с 25 до 10%. Чтобы продолжать получать валюту от внешней торговли в том же количестве, как и раньше, Китай должен теперь свой экспорт перераспределять в другие страны (Африку, Латинскую Америку, Россию, Центральную Азию и т.д.).

При этом Китаю нужно продолжать поддерживать профицит внешней торговли с США и ЕС и реинвестировать финансовые ресурсы в американские казначейские обязательства, доллары и евро, чтобы поддерживать стабильность курса юаня. Китай не может не иметь больших резервов мировой валюты, иначе у него будет слабый или необеспеченный юань, с которым при неизменных внешнеполитических и внутриполитических условиях нельзя проводить дальнейшую модернизацию страны. До последнего времени Китай не только продолжал политику мягкого усиления юаня, но и наращивал валютные резервы для того, чтобы ЦБ Китая реинвестировал эти деньги внутри страны, выпуская на этот объем *жэньминьби* (юань) для финансирования модернизации. Парадоксально, но факт — предрекаемое рядом аналитиков дальнейшее ослабление доллара приведет не к усилению азиатской и китайской роли в мировой экономике, а к девальвации валютных резервов азиатских стран и Китая, что поставит под вопрос азиатскую и китайскую модели развития и модернизации, т.е. повредит прежде всего и в первую очередь азиатским странам и Китаю.

В этой связи рост Китая сам по себе ничего феноменального в истории мировой экономики не представляет, так как в разные периоды мировой истории были страны, экономика которых росла примерно такой же срок с такой же скоростью. Самое главное ноу-хау архитектора китайских реформ Дэн Сяопина было достаточно простым, но очень эффективным: у него хватило политической воли и авторитета на практике, а не на словах добиться одновременного (дозированного и постепенного, но более или менее равномерного и непрерывно нарастающего) масштабного проведения политики открытости (*кайфан*) и внутренних реформ (*гайзе*) для населения всей страны, что получило название «социализма с китайской спецификой». Именно это, а не затуманивающие смысл дискуссии о преимуществах шоковой терапии или постепенности преобразований определило успех его курса. Интересно отметить, что

до имевшего в юности опыт проживания во Франции Дэн Сяопина в 1970-е годы эту идею реализовали политики европейских государств. Все они имели значительный личный кросскультурный опыт и собственный интеллектуальный потенциал и могли, опираясь на них, самостоятельно проверять предложения подобранных по политическим соображениям советников. Им соответственно и удалось провести политические и экономические трансформации одновременно (политическая и экономическая модель западных государств уже была в основном построена в 1930–1940-е годы), либерализовав экономики своих государств при военно-политической и экономической опоре на США, соединяя рыночную демократию с идеями прогнозируемого (модификация планового) развития и справедливости в концепции социально ориентированного рыночного государства (*well-fare state*), затем инициировав экономическую интеграцию внутри западной системы вплоть до образования ЕС и торговых блоков и затем, совместно с США, расширив сферу экономической интеграции, что подтолкнуло процесс мировой экономической, а затем и политической глобализации.

В свое время, творчески переработав теоретическое наследие Маркса и Ленина, Мао Цзэдун доказал, что можно осуществить революцию прогрессивистского типа в крестьянской стране, смыслом которой являлась политическая и экономическая консолидация насильственным путем. После этого с точки зрения развития марксистской теории и практики действительно можно было утверждать, что революционный центр переместился в Китай, а марксистские теоретики СССР «погрязли в ревизионизме». В СССР, который уже сумел насильственно консолидировать нацию (была создана политическая общность «советский народ»), провести насильственную индустриализацию и достигнуть военно-стратегического паритета с США, в это время решали задачи другого уровня — обеспечение мирного существования и дальнейшего экономического развития всей социалистической системы. Соответственно курс Мао

Цзэдуна был расценен как отход от мирового социализма, «истинный» смысл которого понимали только идеологи суловского марксизма-ленинизма, что усилило догматизм и надолго, вплоть до прихода М. Горбачева, провозгласившего «ускорение» и «гласность», заставило отложить идеи конкурентного развития и приближения к лидерам мирового развития (модернизацию). «Открытый» суловскими идеологами «закон» отсутствия при социализме материального устаревания обосновал идеологию застоя. Пришедший к власти М.С. Горбачев столкнулся с невозможностью осуществления «ускорения» в закрытой стране и провозгласил «гласность», которая должна была помочь легитимизировать его курс и повысить открытость страны. Дэн Сяопин, в свою очередь, доказал, что можно на основе внутриполитического консенсуса без насильственной мобилизации и опоры только на собственные силы, одновременно открывая страну внешнему миру и проводя внутренние реформы, осуществить модернизацию огромной отсталой страны с изначально принципиально отличной от мировой политической и экономической системой советского типа, заручившись неформальной поддержкой и экономически опираясь на США и страны Запада, но без обязательного вступления в военно-политический альянс с США. Как тут не вспомнить дэнсяопиновский афоризм по поводу выбора модели экономического развития: «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей». Только в таком разрезе и можно говорить сегодня о китайских горизонтах современной российской модернизации.

В этой связи следует отметить, что в России соединение внешней открытости и внутренних реформ пытались осуществить лидеры, имевшие личный опыт обычного (т.е. в качестве обычных граждан) проживания в других странах — некоторые члены династии Романовых (реформы П.А. Столыпина) и В.И. Ленин (НЭП), а потом и М.С. Горбачев, опиравшийся на высококвалифицированных советников. Однако этот курс не основывался на внутриполитическом кон-

сенсусе и не имел опоры на экономику государства-гегемона мировой системы или не находил его поддержки в силу внутриполитических причин, опирался в основном на собственные ресурсы страны, которых всегда было катастрофически недостаточно, и к тому же быстро сворачивался по внутриполитическим причинам, основной из которых была боязнь повышения степени свободы населения собственной страны у традиционалистски настроенной части политической элиты, а часто также и не без участия внешнего фактора — держав-конкурентов, ревностно отслеживающих возможное усиление соперника.

Важно специально отметить, что фактически сразу же после событий на площади Тяньаньмэнь Дэн Сяопин еще раз подтвердил основной пункт консенсуса политических элит КНР: политика одновременного проведения открытости и реформ не будет свернута ни при каких обстоятельствах, а будет продолжена. Именно поэтому хотя страны Запада в целом и осудили методы силового подавления инакомыслия, примененные Дэн Сяопином и КПК на площади Тяньаньмэнь, и наложили на Китай экономические санкции, но эти санкции были достаточно быстро сняты, а Япония вообще не стала налагать на Китай никаких санкций, а продолжала финансово и технологически через программы помощи развитию помогать Китаю модернизироваться. В этой связи окончательное место Дэн Сяопина в китайской истории, осуществившего силовое подавление инакомыслия студенчества ради экономического благополучия и стабильности коммунистической политической номенклатуры и не попытавшегося, подобно Чжао Цзяну, понять мотивы лидеров студенческого движения, еще окончательно не определено самими китайцами, но оно в любом случае другое, чем место Г.И. Янаева.

При проведении китайской политики открытости и реформ специальные экономические зоны выступали дополнительным катализатором такого соединения: то, что не получалось реформировать внутри страны из-за политического со-

противления лево-традиционалистской части элиты или различных групп населения со своими эгоистическими интересами, директивно осуществлялось в специальных экономических зонах, количество которых было достаточно, чтобы апробировать разные региональные модели развития. Разработанные и апробированные в специальных экономических зонах меры, доказав свою пригодность для развития китайской экономики в целом, незамедлительно переносились внутрь страны и осуществлялись там при полном понимании результата от осуществления этих мер. Ради этого коммунистическая элита КНР в особых экономических зонах пошла на фактически полное отступление от идеологических принципов социализма.

В СССР и России эти два фактора (внешняя открытость и внутренние реформы) в действительности в равной мере по-настоящему так соединить и не удалось. Все реформы в России/СССР были вызваны очевидностью даже в полужакрытой или закрытой стране увеличивающегося отставания от лидеров мировой экономики и попыткой правящей элиты «подстегнуть» население либо силой (крепостное право, «вот тебе бабушка и Юрьев день», военный коммунизм, национализация, лагеря, насильственная модернизация), либо частичными, половинчатыми реформами, мобилизовав (т.е. заставив или жестко стимулировав, но при этом не убедив) его больше работать дозированными экономическими послаблениями при сохраняющейся высокой степени зависимости от власти (паспорта, прописка, ограничение собственности, запрещение владения собственностью в других странах, ограниченный пятью годами срок действия заграничного паспорта, контроль за обменом валюты, ограничения на вывоз валюты и т.д.). При этом результаты такой только в большей или меньшей степени насильственной мобилизации в России в целом для населения всегда были несправедливыми, за исключением очень коротких периодов, как правило, трагически заканчивающихся усилением внутренней реакции. Соответственно население всегда было либо в молчаливом сомнении по поводу окончатель-

ных намерений власти, либо в прямой молчаливой оппозиции ей по принципу: главное, чтобы не было хуже, а наиболее политически и экономически активная часть населения стремилась силой подтолкнуть власть к реформам, расшатав ее (декабристы, «Народная воля», анархисты, большевики, диссиденты), бежать на окраины (Дон, Сибирь, Дальний Восток) или эмигрировать из страны.

Китайские реформы в своей первоначальной основе были основаны на идее добровольного и полноценно вознаграждаемого (экономически и социально) высвобождения естественной экономической активности населения, получения результатов от реформ для всех (не в равной мере, конечно, но до последнего времени вполне рационального перераспределения благ), достаточно свободном при необходимости выезде и возвращении в страну (во всяком случае, для политической, экономической и интеллектуальной элиты), поддерживаемом не столько желанием власти дать свободу населению, сколько демографическим давлением, наличием альтернативного Китая — Тайваня и необходимостью поддерживать динамичный экономический рост, на котором держится последние 30 лет легитимность власти правящей партии КПК, а значит, необходимостью стимулировать естественную экономическую (но не политическую) активность населения фактически любыми мерами, напрямую не подрывающими власть. В этих условиях населению глупо было бы не принимать участие в реформах или эмигрировать без серьезной причины, так как это означало лишение себя экономического или социального вознаграждения в собственной стране. При этом даже эмиграция не являлась разрывом экономических и других связей с родиной, эти связи поощрялись самой властью, а особые отношения с диаспорой не подрывались даже во время «культурной революции». Такой курс на более зрелой стадии был закреплён в решениях 17-го съезда КПК под названием концепции научного развития и построения гармоничного общества (*хешэ шэцзхуэй*).

Но если Китай растет больше 10 лет с такой скоростью, какую китайские официальные экономисты заявляют в официальной статистике, то китайская экономика непременно должна быть дефицитной. В то же время официальный дефицит Китая составляет примерно 2,8% ВВП (для сравнения: у США 77%, Японии 112% ВВП). Отсюда следует, что юань в целом все же скорее недооценен, чем переоценен. В этом главное противоречие и главная уязвимая сторона нынешнего экономического положения Китая, которая имеет существенные и пока трудно предсказуемые политические последствия.

Есть разные методики оценки, насколько юань реально недооценен. При дефиците 2,8% ВВП он должен быть недооценен примерно от 50 до 60% по отношению к доллару. При дефиците 1,5% — на 45%. В соответствии с расчетами по комплексной методике «behavioral equilibrium exchange rate» юань недооценен примерно на 5–13%. А если рассматривать стоимость юаня с точки зрения баланса внешней торговли, он переоценен примерно на 28%. Это значит, что если приводить в соответствие внутренние цены Китая с внешними ценами мирового рынка, то нужно девальвировать юань примерно на 20–30%. Результатом девальвации юаня в нынешних условиях даже на 10% будет дефляция. Поскольку в Китае низкий уровень инфляции, повысится количество «плохих» кредитов, станет происходить дополнительное перераспределение доходов в экспортные отрасли экономики. Однако при всех отрицательных последствиях этой политики Китай сможет осуществлять экономическую экспансию, конечно, если на это согласятся его торгово-экономические партнеры. Если девальвировать юань больше, чем на 10%, то возникнут последствия, которые были у СССР: начнет исчезать богатство страны, обесценятся активы, сократится потребление, сократятся инвестиции, произойдет резкое падение внешнего торгового оборота и переход на бартер, в результате чего практически невозможно избежать политических последствий такой экономической политики.

В этой сложной политико-экономической ситуации китайское руководство пытается реструктурировать банки, переключаться на внутреннее потребление, уменьшать неравенство. Китайские экономисты могут пытаться немного юань девальвировать, чтобы оживить экономику, но девальвировать юань в реальности очень сложно не только из-за внешних факторов, и прежде всего американского политического давления, но и из-за внутренних обстоятельств: после вступления в ВТО китайские крестьяне продают внутри страны продовольствие по ценам внешнего рынка. Эти цены привязаны к доллару, и если девальвировать юань, то в условиях поставляемой по соглашениям ВТО сельскохозяйственной продукции из других стран Китай получит неконкурентоспособное сельское хозяйство, снижение уровня жизни крестьян и волнения сельскохозяйственного населения (составляет примерно 57% населения страны, т.е. примерно 600 млн чел), т.е. политическую дестабилизацию. Ревальвация юаня хотя в целом и является невыгодной для экспортоориентированных отраслей, однако решает в краткосрочной перспективе по крайней мере одну важную политическую задачу: снижает на время вероятность нарастания недовольства крестьян.

С 1982 по 2002 г. профицит внешней торговли Китая составлял примерно от 1 до 1,5% ВВП, и в этом не было ничего необыкновенного по сравнению с другими странами. Однако после 2002 г. внешнеторговый профицит Китая стал расти быстрыми темпами. В 2003 г. он составил 2,8% ВВП, в 2004 г. — 3,6% ВВП, в 2005 г. — 7,2 %, в 2007 — 11% ВВП. Такой профицит внешней торговли в течение достаточно долгого времени — явление уникальное для крупной национальной экономики. Это предоставляет финансовые возможности решать задачи нового уровня: наращивать строительство инфраструктуры, повышать благосостояние народа и/или увеличить финансирование военных расходов. Решение основной политико-экономической задачи — источников прорыва к мировому доходу и

овладение Китаем этой новой возможностью — ключ к пониманию, почему за последние три-четыре года оживилась мировая дискуссия о том, что происходит в Китае. До этого такой возможностью в широких масштабах в течение долгого времени обладали США, снимавшие ренту державы-гегемона и печатавшие мировую валюту, и страны — экспортеры нефти. К слову, советская элита брежневского периода в свое время «нефтяной профицит» СССР попросту «проела» и омертвила в ВПК и проектах гигантомании, что в конечном счете привело к коллапсу всей советской экономической системы.

Две трети профицита своей внешней торговли с США Китай перенаправлял примерно пять-семь лет обратно в экономику США, покупая американские казначейские обязательства, так как надо было обеспечивать стабильность юаня. Оставшаяся треть валютного профицита внешней торговли шла внутрь страны, на эти деньги Китай и финансировал модернизацию, прежде всего обновляя инфраструктуру. Парадоксально, но в этой ситуации потребление населения падало, оно упало до 49% ВВП к 2008–2009 гг. При этом следует заметить, что на потребление в Китае шло до 60% ВВП в предыдущие годы (до 2002 г.). Одновременно накопление увеличилось до 46% ВВП. Этому есть объяснение: китайцы перестали тратить потому, что юань был переоценен, в этой ситуации население пыталось подкопить деньги, поскольку в целом в государстве одновременно происходило ослабление реальной политики социальной защиты. При таком развитии экономической ситуации для населения увеличивается неопределенность будущего, так как оно не может прогнозировать, как будет изменяться экономическая ситуация для каждого человека лично на достаточно долгосрочный период. Отсюда траты на путешествия, рестораны, товары повышенного спроса, и только в самое последнее время — на автомобили и недвижимость. Резко возросший спрос на недвижимость, по мнению некоторых экономистов, может выступать индикатором перегрева экономики и буду-

щего кризиса, связанного со сдутием «пузыря» цен. Последние полгода китайские экономисты активно административным путем способствуют снижению спроса на недвижимость.

В то же время китайская статистика зафиксировала рост сбережений. Семейные сбережения остаются примерно такими, как были, они составляют от 6 до 16% ВВП в зависимости от методики подсчета. С 2000 г. стали резко расти корпоративные сбережения: в 2000 г. они составляли 15%, а в 2007 г. — уже 26%. Корпоративные сбережения в условиях современного Китая — это доходы китайских государственных компаний. Эти компании за предыдущее десятилетие не стали более доходными, поскольку менеджмент в крупных государственных компаниях не стал кардинально эффективнее. Значит, вырос процент прибыли от доли ВВП, которую эти компании стали получать. Наиболее доходные государственные или акционированные, но с преобладающим государственным участием, компании занимаются сталелитейным и алюминиевым производством, производством цемента, машиностроением, химической промышленностью, находятся в разных отраслях нефтяной промышленности, черной металлургии, угольной промышленности, энергетики. Ростом этих секторов промышленности и соответственно прибылей в этих секторах производства и объясняется индустриальный рост Китая последнего десятилетия.

Эти компании стали производить больше продукции, 50% которой потребляется внутри страны. Другие 50% продукции идут на экспорт, но это на самом деле не «чистый» экспорт, а экспорт плюс отъем внутрикитайской доли у иностранных компаний (включая российские), которых выдавливают с китайского рынка и которым крайне сложно найти другие рынки сбыта в условиях мирового экономического кризиса и последовавшей за ним мировой рецессии.

Для преодоления кризиса и оживления экономики китайцы влили государственные деньги в инфраструктуру, в строительство, в недвижимость. Эти меры дали

хороший результат. Однако в этих сферах доминируют государственные или полугосударственные компании. Кроме того, в 2009 г. в КНР была проведена реформа, в соответствии с которой был сокращен налог на компании, которые покупают оборудование. С помощью такой меры китайские экономисты высвободили для китайских компаний примерно 120 млрд юаней, которые были направлены на технологическое перевооружение производства. В то же время для этой цели одних этих денег недостаточно, соответственно параллельно китайские власти стали стимулировать выдачу кредитов на строительство, обновление инфраструктуры. Но эти кредиты в Китае выдают государственные банки, т.е. государственные банки стали выдавать деньги государственным корпорациям. Объем выданных кредитов составляет примерно 1,3 трлн долл. США, или 8,9 трлн юаней. Одновременно китайцы 3 раза (2005, 2009, 2010 гг.) мягко ревальвировали юань (примерно на 2% каждый раз), уступая не столько внешнему давлению, сколько внутренней экономической и политической целесообразности.

В сложившейся ситуации внешне-го и внутреннего давления на юань национальную валюту можно укреплять, но в то же время сильно укреплять ее нельзя, так как это приводит к неконкурентоспособности китайских товаров на внешних рынках, потере доходов от экспорта и чревато серьезными внутривластными волнениями той части населения, которая занята в экспортоориентированных отраслях экономики. С целью оживления экономики национальную валюту можно было бы попытаться немного девальвировать, но это вызовет очередной взрыв негодования в США и других странах мира, политики которых и так давно говорят о нечестной манипуляции юанем и необходимости устанавливать протекционистские пошлины, направленные против китайской продукции, и одновременно нанесет удар по крестьянству.

Отсюда следуют два вида политики, которую проводят китайские власти в последнее время. С одной стороны, урбанизация, привлечение внутренних ин-

вестиций, повышение минимального прожиточного минимума населения, повышение пенсий, поддержка бедных, увеличение минимальной ставки оплаты труда, пособий по безработице, дотации сельскому хозяйству. Эти меры инициированы группой китайских экономистов и политиков во главе с Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Параллельно на фоне усиления государственных корпораций формулируется и другой курс: растут требования увеличения импорта энергоресурсов, усиления политики защиты от внешнего врага, особенно США, ужесточения внешнеполитической линии, усиления госкорпораций, уменьшения расслоения населения. Эти новые внутривластные тенденции приводят к усилению влияния другой группы политиков («тайцзыдан» — группа «принцев» — детей китайских руководителей). Одновременно на эти новые внутривластные тенденции единомышленники Ху Цзиньтао не могут не реагировать, они также становятся восприимчивы к предложениям об ужесточении внешнеполитической линии. Развитие событий внутри КПК в последнее время свидетельствует, что в силу ряда причин китайское руководство считает монетаристские способы решения существующих проблем малоперспективными, так как решение проблем прежде всего экономическими путями неизбежно потребует поиска нелегкого компромисса с Западом и осуществления политики политической модернизации, и уповает на дальнейшее усиление роли госкорпораций и ужесточение внешнеполитической линии. В это смысле для Китая «эпоха Дэн Сяопина» закончилась, и начался поиск новой, постдэнсяопиновской модели развития как самого Китая, так и его отношений с внешним миром.

Заключение. В настоящее время в условиях финансово-экономической и геополитической неопределенности следует объективная необходимость в дальнейшей диверсификации российской внешней политики и повышения от нее экономической отдачи для дальнейшей модернизации экономики страны.

Мировая финансово-экономическая и геополитическая неопределенность будут объективно способствовать формулированию более артикулированной и жесткой внешнеполитической линии Китая, а возможно, и усилению националистических акцентов в его внешней и внутренней политике, что, в свою очередь, может также способствовать интенсификации международного диалога по проблемам китайской модернизации и ее последствий для стран — партнеров Китая в торгово-экономической, политической и военно-политической области. Превращение Китая по размерам во вторую национальную экономику мира после США и самого большого национального экспортера в мире (10% мирового рынка) при одновременном замедлении темпов роста как в США, так и, скорее всего, в Китае потребует интеллектуальных, политических и дипломатических усилий для многих стран, чтобы приспособиться к этой новой ситуации. Китайская экономика становится слишком большой для слишком быстрого экстенсивного роста, а замедление экономического роста, даже при уровне урбанизации в 46%, что ниже, чем в Японии в середине 1970-х годов (55%), в Китае тем более вероятно, что в следующем десятилетии в ключевом сегменте трудовых ресурсов (35–55 лет) китайская экономика получит только 5 млн человек, в отличие от прошлого десятилетия, давшего приращение в этом сегменте рабочей силы в 90 млн человек. Одновременно замедление темпов роста в США и Китае, уменьшающее в краткосрочной перспективе вероятность силового столкновения между ними, может уменьшить, также в краткосрочной перспективе, и необходимость выбора между ними, а значит, сможет предоставить России новые возможности в переформатировании отношений в треугольнике США — Россия — Китай. Если страна сумеет рационально и динамично политически и экономически модернизироваться и не растерять при этом демографический потенциал, а власть сможет получить на осуществление этого курса поддержку всего населения и одновременно не антаго-

низировать мировое сообщество, то вероятно построить военно-стратегическое и научно-технологическое партнерство с США и ЕС при взаимовыгодном торгово-экономическом и энергетическом партнерстве со странами Восточной Азии. Тогда можно будет «опереться на Север, стабилизировать Юг, идти на Восток».

Внешнеполитическая линия России в контексте задач модернизации страны, судя по всему, может укладываться в такую формулировку: Россия — демократическое государство, имеющее особые отношения стратегической дружбы со своими соседями и строящая политику в соответствии со своими национальными интересами в полицентричном мире, из которых главный — рациональная ненасильственная модернизация страны при сохранении политического плюрализма, национального суверенитета, расширении политической и экономической конкурентоспособности. Отношения стратегической дружбы означают недопущение ухудшения отношений с соседями, усиление экономической интеграции, особое внимание к государствам, ранее входившим в состав СССР, и особенно со славянскими государствами. При проведении этого курса Россия не может не опираться на тесные партнерско-дружеские отношения с технологически, экономически и политически наиболее конкурентоспособными странами, из которых ключевыми являются США, ЕС, Япония. Особые отношения конструктивного взаимодействия у России со своим крупнейшим соседом — Китаем, который по экономическому потенциалу является первым среди равных среди сухопутных соседей России и который, так же как и Россия, проводит политику модернизации и открытости; демократической Индией, еще одной поднимающейся азиатской континентальной державой XXI в., и странами АСЕАН.

При проведении взаимовыгодных политических и торгово-экономических отношений, направленных на равномерное повышение благосостояния российского и других народов, не следует проводить ничего такого, что ухудшало бы положе-

ние России и ее населения, а в российско-китайских политических и торгово-экономических отношениях должны осуществляться в первую очередь те меры,

которые улучшают прежде всего положение России и российских граждан, желательно не ухудшая положения населения российских партнеров.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ТЕРРОРИСТОВ

Д.А. Журавлев

В исследовательской литературе уже давно существует подход к рассмотрению терроризма как коммуникативного процесса¹. Автор данной статьи разделяет подобные взгляды и в связи с этим предлагает сравнительную характеристику трех стратегий действий террористов, исходя из существующих и имеющихся в их распоряжении средств коммуникации и массовой информации.

Традиционные СМИ — печатные (газеты и журналы) и вещательные (радио и телевидение) развивались параллельно с эволюцией терроризма. Возникновение «новых» СМИ (связанное в первую очередь с научно-техническим прогрессом) вызывало пусть и не мгновенное, но кардинальное изменение в системе коммуникаций. Вместе с изменениями в информационно-коммуникативном пространстве мировой политики менялся и облик терроризма².

Двумя последними «революциями» в СМИ стали появление спутниковой телевизионной сети и изобретение Интернета. Наличие новых вещательных технологий в распоряжении новостных агентств подталкивало террористов к «постановке спектаклей террора» в прямом эфире. Наиболее ярко эта тенденция проявилась, например, во время теракта на Олимпий-

ских играх в Мюнхене в 1972 г., во время захвата рейса 847 компании Trans World Airlines в 1985 г. и в ряде других резонансных терактов.

Создание Интернета совпало со становлением нового типа террористических групп. Учитывая взаимосвязь средств коммуникации и терроризма, мы можем определить три модели коммуникативных стратегий террористов.

Первая из них относится к эпохе традиционных СМИ, а также зарождения и развития современного терроризма, которая ведет свой отсчет с 1968 г., когда палестинские террористы впервые угнали израильский самолет с целью получения наибольшего освещения и, следовательно, огласки своих требований и дела, за которое они выступали.

Исторически терроризм был ограничен в своей способности распространять сообщения в двух аспектах, которые отличаются от современного положения вещей. Во-первых, террористы не могли быть уверены, что картины насилия получат освещение, а соответствующие сообщения, следовательно, будут переданы аудитории. Террористам приходилось четко просчитывать течение терактов, чтобы гарантировать необходимый масштаб освещения. Во-вторых, если освещение и будет иметь место, редакторы СМИ могли выбрать невыгодный для террористов ракурс, под которым будет преподнесено сообщение³.

До последнего времени террористы в вопросах пропаганды и убеждения ау-

¹ См., напр: Schmid A.P., de Graaf J. *Violence as Communication: Insurgent Terrorism and the Western News Media*. L. : Beverly Hills: SAGE Publications, 1982 ; Weimann G., Winn C. *The Theater of Terror: Mass Media and International Terrorism*. N.Y. ; L. : Longman, 1994.

² Подробнее об эволюции терроризма во взаимосвязи с развитием СМИ см.: Журавлев Д.А. *Международный терроризм и СМИ: эволюция коммуникационного взаимодействия* // Вестник РГГУ. 2009. № 14. Серия «Международные отношения. Регионоведение». С. 157–169.

³ Klopfenstein B. *Terrorism and the Exploitation of New Media* // *Media, Terrorism, and Theory: A Reader* / Ed. by Anandam P. Kavoori and Todd Fraley. Lanham, Boulder, N.Y., Toronto, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc, 2006. P. 108.

дитории в правоте своего дела сильно зависели от третьих сторон: обычно они не владели собственными телевизионными или радиостанциями (и лишь изредка обладали печатными изданиями), и таким образом, террористам требовались СМИ (телевидение, газеты, радио) для того, чтобы распространять свои сообщения.

Данный период был ознаменован расцветом этнонационального / сепаратистского и левого / революционного терроризма. У террористов обоих этих типов существовали определенные ограничения в их деятельности, вызванные необходимостью соблюдать «баланс террора». Несмотря на постепенное увеличение масштабов терактов, вызванное логикой «спирали насилия», можно утверждать, что ключевым в деятельности этих типов террористов оставался «театр террора»⁴. В 1974 г. один из самых известных исследователей терроризма Брайан Дженкинс заявил: «Терроризм — это театр. Теракты зачастую тщательно срежиссированы, чтобы привлечь внимание электронных СМИ и международной прессы»⁵. Крупномасштабные теракты были не нужны, поскольку они могли отвратить аудиторию от сочувствия террористам. На экране телевизора или на фотографии в газете теракт не должен был выглядеть как беспощадная бойня (хотя именно так он часто и изображался). Террористам было необходимо нащупать тот самый «болевого порог» в психике западного обывателя, когда тот испытывает сильные чувства, способные подвинуть его на оказание давления на политический процесс в стране, но с другой стороны, когда не наступает шок онемения от масштабов трагедии.

Для передачи подобных спектаклей традиционные СМИ подходили достаточно неплохо. Контекст проблемы, то самое «дело», за которое радели террористы, конечно же, выпадал из поля зрения

как СМИ, так, следовательно, и общества. Однако иные проблемы, стоящие перед террористами, например рекрутирование и сбор средств, достаточно успешно решались и без наличия таких средств коммуникации, как Интернет.

До распространения новых медийных технологий и Интернета считалось, что ведущие СМИ являются соучастниками в достижении террористами их целей. Это происходило потому, что внимание СМИ к террористам имело значительно большее влияние, чем их собственная пропаганда⁶.

Суммируя особенности этого этапа, можно вслед за Г. Вайманном сказать, что «до изобретения и начала фазы активного использования Интернета все надежды террористов на получение огласки своего дела были связаны со стремлением привлечь внимание телевидения, радио и печатных СМИ»⁷. Даже заинтересовав СМИ с помощью резонансного теракта, как мы отмечали выше, террористам редко удавалось донести до аудитории суть своих требований и широкий контекст проблемы, за решение которой они выступали.

Наиболее очевидное использование данной стратегии мы могли наблюдать в эпоху, когда «новые» СМК (средства массовой коммуникации) еще не существовали либо находились в начальной стадии развития. В наши дни данная стратегия могла бы быть выражена в игнорировании Интернета и иных «новых» СМК со стороны террористов, что встречается достаточно редко.

Вторая возможная стратегия заключается в производстве собственной медиапродукции и ориентации исключительно на деятельность с применением «новых» СМК, в первую очередь — Интернета. Развитие «новых» коммуникационных технологий позволило различным участ-

⁴ Подробнее об эффектах освещения терроризма в СМИ см.: Журавлев Д.А. СМИ и терроризм // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 71–80.

⁵ Цит. по: Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 160.

⁶ Conway M. Terrorism and the Making of the 'New Middle East': New Media Strategies of Hizbollah and al Qaeda. URL: http://doras.dcu.ie/503/1/new_media_2007.pdf (дата обращения: 03.06.2010).

⁷ Weimann G. www.terror.net: How modern Terrorism Uses the Internet. Special report № 116. March 2004 / United States Institute of Peace. P. 6.

никам международных отношений, в том числе террористическим группам, выйти на качественно иной уровень в своих коммуникационных стратегиях.

К «новым» сетевым коммуникационным технологиям можно отнести: технологии связи, в том числе и Интернет; мобильные компьютерные технологии; персональные электронные устройства (КПК и мобильные телефоны); специальные программы; услуги в сферах информационных технологий и доступа в Интернет; устройства видеозаписи и иные записывающие устройства⁸.

Суть «нового» этапа в развитии СМИ в преломлении нашей темы заключается в том, что данные технологии стали доступными широкой публике. Если ранее террористы редко обладали собственными СМИ, за исключением мини-типографий, которые выпускали листовки, брошюры или небольшие журналы, либо собственных радиостанций (с небольшой зоной вещания), то теперь они приобрели возможности для построения собственных телевизионных каналов, а сеть радиостанций значительно расширилась.

Террористы прямо заинтересованы в использовании всех особенностей Интернета, таких как объем информации, скорость, формат (мультимедийность), направление коммуникации (возможна двухсторонняя), индивидуальный контроль, анонимность, уклонение от правительственного контроля, низкие затраты, глобальность. Наиболее интересным для нас является даруемая Интернетом, равно как и иными «новыми» СМК, возможность преодолеть то, что Д. Деннинг назвала «управление восприятием» («perception management») — т.е. террористы могут изобразить себя точно такими, какими хотят они казаться, и избежать фильтров, налагаемых традиционными СМИ⁹.

Безусловно, новые СМК значительно расширили сферу деятельности террористов. Три новые технологии 1990-х годов позволили им вырваться из «мертвой хватки» коммерческих и государственных СМИ в области массовых коммуникаций: Интернет; дешевое и быстрое производство и тиражирование видеопродукции; частные ТВ-станции в пользовании террористов¹⁰. Эти три технологии открыли новую «сцену» «театра террора».

Именно появление телевизионных станций, контролируемых террористами, стало, по словам Б. Хоффмана, «возможно, самым впечатляющим коммуникационным прорывом, совершенным террористами за последние 10–15 лет»¹¹. Именно с помощью собственных ТВ-станций и съемочных групп террористы получили полный контроль над всеми составляющими передаваемого сообщения: содержанием, контекстом, видеокадрами, комментариями. Самым ярким примером ТВ-станции, выступающей «рупором» террористов, может служить деятельность телеканала Аль-Манар, который находится под сильным влиянием ливанской Хезболлы¹².

Параллельно с процессом эволюции коммуникационных средств шел процесс изменения лица терроризма. С конца 80-х годов XX в. начался постепенный закат «традиционных» террористических групп, и к середине 90-х годов их деятельность постепенно сошла на нет. Большей частью они встали на путь сотрудничества с официальными властями (как ИРА); исчезли с политической сцены, напоминая о себе лишь редкими немасштабными терактами (как ЭТА); либо были уничтоже-

¹⁰ Ibid. P. 200–201.

¹¹ Ibid. P. 222.

¹² Подробнее о деятельности Аль-Манара см.: Conway M. Terror TV? An Exploration of Hizbollah's al-Manar Television // Countering terrorism and insurgency in the 21st century: international perspectives / ed. by James J.F. Forest. In 3 vols. Westport, Connecticut; L. : Praeger Security International, 2007. Vol. 2 : Combating the Sources and Facilitators. P. 401–419 ; Байдуни А.-М. Аль-Манар и АльХурра: борьба спутниковых каналов и идеологий. URL: <http://www.agentura.ru/press/almanar/> (дата обращения: 03.06.2010).

⁸ Подробнее см.: Don B.W., Freilenger D.R., Gerwehr S., Landree E., Jackson B.A. Network technologies for networked terrorists: assessing the value of information and communication technologies to modern terrorist organizations. RAND, 2007. P. 2.

⁹ Hoffman B. Inside Terrorism / Rev. and expanded ed. N.Y. : Columbia University Press, 2006. P. 202.

ны правительственными силами (как Тамильские тигры).

В 90-е годы на сцене мировой политики появился религиозный терроризм. Причин тому было несколько. Это и изменение геополитической ситуации после окончания холодной войны, когда значительно сократилось финансирование многих террористических групп со стороны государства, это и односторонние действия США, вызвавшие раздражение во многих арабских странах, это и упоминаемый многими исследователями «реванш Бога» — т.е. резкое усиление религиозных чувств в мире. Все это в целом породило феномен религиозного терроризма.

Терроризм этого нового этапа имеет ряд характерных черт:

Организационно террористы представляют собой сочетание свободных сетей и *ad hoc* групп. Группы объединены идеями и общими взглядами на мир, а не конкретными политическими установками — у них имеется общий набор постулатов, во исполнение которых отдельные группы могут достаточно свободно выбирать свои цели и средства их достижения. Мы можем говорить о «глобальной идеологии» радикального исламистского терроризма, об идее глобального наступательного джихадизма.

В основе мотиваций террористов лежит религия, а не этнонациональный сепаратизм либо лево-революционная доктрина. У этого терроризма нового типа значительно меньше сдерживающих факторов — свою поддержку террористы черпают у Бога либо у обожествляемых харизматических лидеров сект. Идея «баланса террора» более не является сдерживающим фактором, однако логика «спирали насилия» осталась в силе. Именно этим можно объяснить стремление многих террористов к проведению все более масштабных терактов. Отсутствие необходимости поддерживать баланс устрашения привело террористов к идее о массовых терактах, реальным воплощением которых стали акты 11 сентября 2001 г. Кроме того, все более активным становится использование террористов-смертников. Также эти группы, по мнению некоторых

исследователей, вследствие своих идеологических установок и меньшего количества сдерживающих факторов имеют потенциал к использованию оружия массового уничтожения.

Операции проводятся с использованием информационных и коммуникационных технологий — причем речь идет не только об ориентации на освещение своих действий, но в первую очередь о применении новых технологий на стадии подготовки терактов.

У этих новых групп меньше нужда в прямом спонсорстве со стороны государства. Они сами изыскивают средства для обеспечения своей деятельности, все меньше ориентируясь на государственные источники финансирования.

Группы апеллируют к диаспорам, а не только к домашним аудиториям — таким образом, налицо изменение структуры аудитории терроризма¹³.

Глобальный джихадизм, как отмечает норвежская исследовательница Х. Роган, возник в середине 1990-х годов, когда «Усама бен Ладен объявил США и Запад главными врагами мусульманского мира и призвал своих последователей сражаться с этим врагом, невзирая на естественные и государственные границы. Фокус усилий экстремистов сместился с «ближнего врага» (местный режимов «неверных») к «дальному врагу» (Западу)»¹⁴. И именно «технологический прогресс создал возможность осмыслить глобальную стратегию»¹⁵, — как пишет М. Сейджман.

Старые коммуникационные технологии не обеспечивали нужного уровня вза-

¹³ Подробнее см: Hutchinson W. Information terrorism: networked influence. URL: http://scisec.scis.ecu.edu.au/proceedings/2006/iwar/Hutchinson%20-%20Information%20terrorism_%20networked%20influence.pdf (дата обращения: 03.06.2010).

¹⁴ Rogan H. Jihadism online — A study of how al-Qaida and radical Islamist groups use the internet for terrorism purposes / Forsvarets Forskningsinstitut / Norwegian Defence Research Establishment. Kjeller (Norway), 2006. P. 8.

¹⁵ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-пресс, 2008. С. 168.

имедействия, и чем более был изолирован фанатик, тем больше возрастала вероятность того, что его фанатизм начнет ослабевать, но революция в коммуникационных технологиях, произошедшая в 1990-е годы, резко изменила ситуацию¹⁶. Именно Интернет позволил джихадистам не только выработать глобальную стратегию, но и сформулировать основания для коллективной идентичности. Интернет, как рассуждает далее М. Сейджман, «создает видимость прочных уз между индивидом и виртуальным мусульманским сообществом. Это виртуальное сообщество играет ту же самую роль, которую «воображаемые сообщества» сыграли в развитии чувства национализма. Виртуальное сообщество не привязано более к какой бы то ни было нации, а это условие соответствует мифической умме салафизма, который настойчиво отрицает национализм и утверждает приоритет глобального салафитского джихада в борьбе скорее против «дальнего врага», нежели против «ближнего врага»¹⁷.

Помимо влияния на выстраиваемые коммуникационные стратегии, «новые» СМК оказывают непосредственное влияние на организационную структуру террористических групп. Мир наших дней пронизан многочисленными коммуникационными сетями. Именно «сеть» является сейчас одним из ключевых понятий в теории организаций. Как мы уже отмечали раньше, терроризм находится в поразительном соответствии с типами СМИ, доминирующими в каждый конкретный исторический момент.

Развитие новых коммуникационных и компьютерных технологий способствует становлению сетей тремя путями. Во-первых, они уменьшают время передачи данных, во-вторых, снижают стоимость коммуникации, в-третьих, расширяют масштаб и сложность информации, которая может подлежать обмену¹⁸.

Подобные процессы влияют на организационную структуру любых организаций — от социальных сетей филателистов до деятельности глобальных ТНК. Террористические группы не являются исключением. По свидетельству М. Конуэй, «террористы эволюционируют от иерархической структуры к сетям информационного века»¹⁹. Террористы наших дней организационно и оперативно представляют собой нечто новое по сравнению с иерархизированными небольшими ячейками «традиционных» террористов либо же по сравнению с боевыми отрядами, которые, по сути, ведут городскую герилью на своей или на спорной территории.

Исследователи, например М. Занини, полагают, что «чем больше внедрен сетевой принцип в структуру террористической группы, тем более вероятно, что информационные технологии используются в процессе принятия решений»²⁰. Таким образом, мы видим, что определенная структура требует определенных технологий для своего функционирования.

Подобная взаимосвязь коммуникационных технологий и формы организации позволяет нам судить даже о внутренней структуре террористических групп по внешним формам их проявлений в глобальном информационном пространстве. В частности, исследователи отмечают, что «структура веб-сайтов копирует структуру организации — Хезболла имеет жесткую вертикаль с инструкциями для сторонников, в то время как сайты Аль-Каиды более интерактивны и неиерархичны»²¹.

Ronfeldt. RAND; National Defense Research Institute, 2001. P. 35–36.

¹⁹ Conway M. Terrorism & New Media: The Cyber Battle Space. URL: http://doras.dcu.ie/500/1/terrorism_new_media_2007.pdf (дата обращения: 03.06.2010).

²⁰ Цит. по: Conway M. Terrorism & New Media: The Cyber Battle Space. URL: http://doras.dcu.ie/500/1/terrorism_new_media_2007.pdf (дата обращения: 03.06.2010); см. также: Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M. Networks, Netwar, and Information-age Terrorism // Countering the New Terrorism. RAND, 1999. P. 64.

²¹ Brown I., Korff D. Terrorism and the Proportionality of Internet Surveillance // European Journal of Criminology. Vol. 6. № 2. P. 123.

¹⁶ Там же. С. 167.

¹⁷ Там же. С. 170.

¹⁸ Zanini M., Edwards S.J.A. The net-working of terror in the information age // Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy / Ed. by John Arquilla, David

Данный вывод вполне соотносится с реальным анализом структур управления и принятия решений в данных организациях. У Хезболлы есть ресурсы и специалисты для поддержания своего головного сайта, кроме того, он более или менее постоянен по своему адресу, поскольку существует «балансирование» на грани дозволенного, чтобы воспрепятствовать обвинениям в пропаганде терроризма и, следовательно, закрытию сайта. Кроме того, Хезболла традиционно является более иерархизированной организацией, чья сфера деятельности не исчерпывается лишь проведением террористических кампаний. Более того, существуют явные свидетельства о серьезной поддержке ливанской группы со стороны Ирана. Именно поэтому Хезболла имеет возможности и средства для активного и сбалансированного позиционирования себя в глобальной информационной среде.

Аль-Каида же представляет собой менее иерархизированную структуру. Ее деятельность носит глобальный характер, который практически полностью заключается в ведение террористических кампаний против врагов организации. Сайты Аль-Каиды часто делают новички без должного опыта, на них содержатся радикальные высказывания, наличие которых часто приводит к закрытию сайтов и постоянной смене серверов и адресов. Аль-Каида является скорее «зонтичной» структурой, «брендом», советом доктринеров, которые не могут выделять столь значительные ресурсы на пропагандистскую кампанию и ориентированы на деятельность сторонников и сочувствующих для распространения своего сообщения.

Однако существует иной подход к рассматриваемой проблеме. Согласно некоторым исследователям «взаимосвязь между организационной структурой и использованием информационных идеологий трудно установить. Может существовать множество причин, почему новые группы используют информационные технологии, например возраст членов группы (молодежь лучше знакома с компьютерами) или объем финансирования (электронные «штуковины» мо-

гут позволить себе только богатые группы). Эмпирически доказать или опровергнуть данные рассуждения практически невозможно»²². Таким образом, возникает вопрос — становятся ли террористы сетевыми из-за новых средств коммуникации, либо же в основе их организационной трансформации лежат другие принципы, а информационные технологии используются по причине их удобства, практичности либо по другим соображениям, отличным от корреляции между организационной структурой и коммуникативными технологиями.

Скорее всего, взаимовлияние формы организации и применяемых коммуникативных технологий существует, но не является доминирующим. В основе логики построения групп террористов лежат соображения не только эффективности коммуникации, но и, что важнее, скрытности, незаметности, возможности сосредоточить усилия для выполнения миссии.

Организационные выгоды, получение которых связано со все большей информатизацией, нужно взвесить против необходимости прямого человеческого контакта и усиленной безопасности. Таким образом, как отмечают исследователи, гибриды иерархических и сетевых структур могут наилучшим образом отражать последствия данных калькуляций²³.

Помимо прочего, все более активное использование «новых» СМК ведет к иным негативным последствиям для террористов.

Как отмечают аналитики IntelCenter: «[С определенного момента] производство фильмов (хронометражем в 1—2 часа) и съемка на видео операций стали «аттестатом» зрелости группы джихадистов по всему миру. Можно ожидать, что новые джихадистские организации будут стремиться обозначить себя не только с помощью съемки своих операций, но и производства достаточно длинных фильмов. А существующие группы будут ощущать

²² Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M. Networks, Netwar, and Information-age Terrorism // Countering the New Terrorism. RAND, 1999. P. 65.

²³ Zanini M., Edwards S.J.A. Op. cit. P. 40.

давление и необходимость выпускать новый видеоматериал из риска прослыть мертвыми в СМИ и экспертных кругах»²⁴. Также распространение видеопродукции интересным образом дискредитировало предыдущие способы передачи сообщения — например, кассеты с аудиообращениями лидеров глобального джихада²⁵.

Как мы видим, группы буквально вынуждены использовать новые технологии и тратить свои ресурсы на присутствие в информационно-коммуникативном пространстве даже в том случае, когда они прямо не заинтересованы в этом. Более того, любой материал, а особенно видео, дают зачастую немало бесценной информации в руки армий, ведущих операции против террористов, либо сотрудников правоохранительных органов.

Мы видим, что терроризм попал в зависимость от новых технологий. Если раньше логика жизненных циклов террористов была связана со «спиралью насилия», т.е. с физическим измерением их деятельности и ее коммуникативным проявлением в виде освещения со стороны СМИ, то теперь они связаны со способностью и, как видим, также с необходимостью производить медиапродукт самостоятельно.

«Новые» СМК позволяют террористам производить медиапродукты с необходимым смысловым наполнением в различных форматах — будь то текстовая информация, аудио- и видеозаписи. Многие аналитики считают это прорывом в коммуникативных стратегиях террористов. Например, М. Конуэй пишет: «До запуска пиар-кампании в Интернете [«пиар-менеджеру» Аль-Каиды] аль-Заркауи приходилось в каждой операции добиваться гибели большого числа людей, чтобы ее заметили в хаосе и большом количестве смертей в Ираке. Выйдя в онлайн, Заркауи смог контролировать интерпретации произведенного насилия и достигать большего коммуникативного эффек-

та при меньшем размахе операций»²⁶. Я бы был более осторожен в подобных выводах.

«Новые» СМК позволяют террористам представить себя в наиболее выгодном для них свете тем, кто по каким-то причинам заинтересуется их деятельностью. Процесс радикализации может привести к тому, что человек захочет больше узнать о террористической группе и ее действиях. В этом ему как раз и должны помочь веб-сайты террористов.

Важно понять, что потребление коммуникационных продуктов в Интернете носит добровольный характер. Никто не заставляет человека посещать сайты террористов, читать их форумы и смотреть снятые видео. Равно как реклама сайтов террористов не размещается на страницах поисковых ресурсов и в иных местах массового скопления пользователей. Чтобы человек посетил сайт террористов, его надо подвигнуть на это. А для этого надо сообщить о своем существовании и заинтересовать. В свою очередь, основной аудиторией интернет-сайтов джихадистов являются люди, которые уже подверглись определенной радикализации, т.е. те, кто в той или иной степени разделяет мнение террористов. Все это свидетельствует об ограниченности аудитории, которую террористы могли бы достичь, используя исключительно «новые» СМИ. Очевидно, что помимо производства собственного медиапродукта необходимо обеспечить интерес к нему. Эта стратегия может быть выражена в виде комбинированного подхода.

Третья стратегия — комбинированный подход. Ее суть состоит в том, что террористы оперируют собственными медиаресурсами, будь то сайт либо телеканал. Это их потенциальный информационно-коммуникативный ресурс, для привлечения внимания к которому применяются традиционные средства — теракты, имеющие своей целью (помимо иных) получение освещения в СМИ.

Очевидно, что сайты террористов созданы таким образом, чтобы подать их сообщение в наиболее выгодном свете. Бо-

²⁴ Evolution of Jihadi Video (EJV) v. 1.0 / IntelCenter. 36 p. URL: <http://www.intelcenter.com/EJV-PUB-v1-0.pdf>. P. 5 (дата обращения: 03.06.2010).

²⁵ Ibid.

²⁶ Conway M. Op. cit.

лее интересным является использование Интернета для привлечения внимания традиционных СМИ. Вообще, как отмечает Т. Томас, Интернет может быть использован, чтобы отвлечь внимание от реальных событий (происходящих, либо запланированных)²⁷. Ту же мысль проводит и Б. Хоффман, когда пишет об «отмывании информации» — создании «шума в Интернете» с целью продвинуть свою историю в традиционных СМИ²⁸. Публикация информации на сайте террористов вызовет большие подозрения, но если подобные сведения озвучат, например, ведущие телеканалы, то в общественное сознание она войдет как проверенная и заслуживающая определенного доверия.

Интересным образом тренды дискурсивных практик джихадистов совпадают с коммуникативной деятельностью иных общественных групп. Эту особенность описывает А. Аван: «Стремление показать конфликт «с другой стороны» или простое противопоставление представляемой картины образу, создаваемому ведущими СМИ, — вот что сближает веб-сайты джихадистов и интернет-активность других общественных групп»²⁹. Суть заключается в том, что информационно-коммуникативные усилия по преодолению подобной «блокады» в традиционных (чаще всего — западных) СМИ роднит различные общественные группы. Общность направлений действия рождает взаимообмен материалами. Этот обмен выгоден террористам тем, что их голоса переплетаются с голосами тех, кто не является столь маргинализированным источником информации в обществах различных стран. Именно этот рост взаимосвязей с медиаактивистами, не относящимися к мейнстриму, спо-

собствовал легитимизации террористов как источников информации.

Этот процесс сам по себе не был бы столь значимым, если бы к процессу заимствования информации из медиа-ресурсов террористов не подключились авторитетные (опять же, в первую очередь — западные) СМИ.

Как отмечает Г. Вайманн, теоретически террористы приобрели «возможность определять освещение, которое получит то или иное событие в традиционных СМИ, поскольку те все чаще обращаются к Интернету как источнику информации»³⁰. Используют ли традиционные СМИ, в которых редакторский отбор материалов все еще остается весьма серьезным препятствием для коммуникативных целей террористов, их точку зрения на рассматриваемую проблему, заимствуют ли их риторику — этот вопрос остается открытым. Но то, что СМИ получают возможность ознакомиться с позицией террористов, возможно, прокомментируют их рассуждения в эфире (либо на страницах газеты), — все это практически не вызывает сомнений.

Говоря о сетевой войне, необходимо помнить, что именно коммуникационный аспект является главным в ней. Побеждает тот, чья история побеждает³¹. Если говорить о проблеме Чечни, которая является наиболее актуальной для России, то аналитики, в частности Б. Раман, отмечают следующее информационное измерение проблемы: «В регионах, подобных Чечне, в которые российские власти не пускали иностранных журналистов, веб-сайты [террористов] определенно становились источником информации для людей за границами России, которые хотели получить взгляд на события с иной точки зрения, кроме официальной»³². отече-

²⁷ Thomas T.L. Al Qaeda and the Internet: The Danger of «Cyberplanning» // Parameters. 2003. Spring. P. 122.

²⁸ Hoffman B. The Use of the Internet by Islamic Extremists / CT-262-1, Testimony presented to the House Permanent Select Committee on Intelligence on May 4, 2006. RAND corporation: 2006. P. 4.

²⁹ Awan A.N. Virtual jihadist media: Function, legitimacy and radicalizing efficacy // European Journal of Cultural Studies. 2007. Vol. 10. № 3. P. 402.

³⁰ Weimann G. Op. cit. P. 3.

³¹ Ronfeldt D., Arquilla J. What next for networks and netwars? // Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy / Ed. by John Arquilla, David Ronfeldt. RAND; National Defense Research Institute, 2001. P. 328.

³² Raman B. From Internet to Islamnet: Net-centric counter-terrorism. URL: http://www.e-prism.org/images/FROM_INTERNET_TO_

ственный исследователь проблем терроризма А. Солдатов развивает данную тему: «Долгие годы чиновники самого разного уровня ограничивались тем, что метали громы и молнии в отношении стран, предоставивших хостинг «Кавказ-центру». При этом никому не приходило в голову подумать, почему информация этого ресурса находит спрос. Борьба выглядела совершенно безнадежной и бессмысленной. В отсутствие качественной официальной информации журналисты продолжали пользоваться данными боевиков, поскольку иногда это была единственная возможность узнать хоть что-то, имеющее отношение к действительности»³³. Причем заметим, что в зависимости от отношения СМИ (либо правительств стран их базирования) со страной, где развивается конфликт (в данном примере — с Россией), и громкость звучания этой «другой истории», предоставляемой террористами, будет разной. Учитывая серьезную критику, которой подвергалась Россия за действия в Чечне, сообщения террористов иногда могли стать основой для создания репортажей, определяющих восприятие этого конфликта в зарубежных странах.

Данные проблемы не являются уникальным случаем России и конфликта в Чечне. Зачастую достаточно одного коммуникативного «прорыва», чтобы источник информации, контролируемый террористами, стал более авторитетным в глазах глобальных СМИ, чем правительственные. Один из ведущих специалистов по терроризму Б. Хоффман описывает противоречивое освещение правительственными шри-ланкийскими СМИ и сайтами Тамильских тигров битвы за лагерь Муллаитиву: «Освещение «тигров»

было более точным. Это был огромный прорыв для [сайта террористов] TamilNet и альтернативных каналов передачи новостей. Газеты, такие как Washington Post и International Herald Tribune, стали цитировать бюллетени и заявления Тигров освобождения Тамил Илама и все с большим подозрением относились теперь к официальным источникам новостей в армии Шри-Ланки»³⁴. Пусть этот успех был временным, но подобные «прорывы» свидетельствуют о том, что усилия террористов не являются бесплодными. Надо отметить, что два этих примера (Чечня и Шри-Ланка) отражают общую информационно-коммуникативную динамику любого конфликта. Жесткая цензура зачастую является худшим вариантом, чем даже полное ее отсутствие³⁵.

Если суммировать наши рассуждения, то можно засвидетельствовать революцию, которую террористы совершили в информационно-коммуникативном пространстве мировой политики с появлением «новых» СМК. Ранее, в эпоху традиционных СМИ, террористы могли рассчитывать только на опосредованное и идеологически маркированное освещение своих действий. От этой ситуации произошел гигантский скачок до той, в которой коммюнике террористов, публикуемые на сайтах, цитируются ведущими СМИ как источник информации, в котором реальность изображена более адекватно, чем в правительственных СМИ. Как отмечает М. Конуэй, «ранее мало кто из тех, кого называли «террористом», рассматривался как легитимный или авторитетный источник новостей»³⁶.

В некоторых ситуациях медиаресурсы террористов пользуются даже большим доверием у общества, чем правительственные СМИ. Ряд исследователей, в частности Б. Хоффман, отметили эту тенденцию: «Одна израильская газета опубликовала статью, в которой утвержда-

ISLAMNET - B. Raman - 22-10-05.pdf (дата обращения: 03.06.2010).

³³ Солдатов А. Вызовы в сфере информационной безопасности: оценка актуальности угроз / Исследовательский центр Agentura.Ru; Выступление на международной конференции «Правовое поле информационной безопасности: от данных к знанию, к уверенности через доказательство» 14–15 октября 2007 г. URL: <http://studies.agentura.ru/listing/vyzovi> (дата обращения: 03.06.2010).

³⁴ Hoffman B. Op. cit. P. 206.

³⁵ О возможных способах управления освещением терроризма в СМИ см.: Журавлев Д.А. СМИ и международный терроризм // Международная жизнь. 2009. № 4. С. 130–141.

³⁶ Conway M. Terrorism & New Media...

лось, что родители израильских солдат, которые служили в Ливане, регулярно заходили на сайт Хезболлы, чтобы узнать версию событий, не подвергшуюся редакции со стороны израильских военных цензоров»³⁷.

Более того, некоторые исследователи полагают, что наше видение этого «глобального фронта терроризма», с которым безуспешно ведут войну многие страны мира уже более 8 лет, сформировано именно исходя из сообщений самих террористов. В качестве примера можно привести слова М. Конуэй, которая считает, что «многое из того, что мы знаем об Аль-Каиде, почерпнуто с проэкстремистских сайтов»³⁸. Для нашего анализа данный факт важнее не столько в количественном измерении (насколько часто это происходит), сколько в качественном (что это в принципе имеет место быть).

Выводы. Мы видим, что коммуникационные технологии оказывают определенное влияние на доминирующий тип терроризма. Например, внедрение спутниковой передачи сигнала позволило «театру террора» обрести глобальную аудиторию и привело к «постановочным» терактам, ориентированным на освещение в новостных, в первую очередь западных, СМИ.

«Новые» СМК, часто называемые сетевыми, по идее должны подталкивать террористические структуры к эволюции в сторону сетевого способа организации. Однако мы видим, что полностью сетевая форма неприемлема с точки зрения обеспечения безопасности и эффективности функционирования.

Гибридная (иерархично-сетевая) форма организации является наиболее подходящей для террористов нового типа. Распыленности ячеек террористических сетей по всей Земле — это продукт не столько глобального замысла лидеров Аль-Каиды, сколько стечения обстоятельств, в одном месте позволивших сформироваться ячейкам джихадистов,

а в другом нет. В то же время подготовка масштабных терактов (таких как атака на Мумбаи в 2008 г.) или же ведение длительных террористических кампаний (в Ираке, Афганистане или Пакистане) требуют более иерархической структуры.

Сетевые технологии позволяют этим группам обрести коллективную идентичность, а также осуществлять связь друг с другом. В этом наибольший вклад «новых» СМК в функционирование современного терроризма. В то же время, активное их использование ставит группу в зависимость от данных технологий.

Коммуникативные стратегии террористов не могут быть целиком сетевыми, они не могут ориентироваться только на Интернет в своих действиях. Без привлечения внимания традиционных СМИ террористы окажутся в информационном вакууме, поскольку потребление информации в Интернете носит добровольный характер. Следовательно, террористы вынуждены использовать комбинированный подход, который бы включал как традиционные методы взаимодействия со СМИ, так и предлагал собственный медиапродукт, к которому могла бы обращаться интересующаяся и сочувствующая публика, будь то журналисты или потенциальные рекруты.

Средства массовой информации, которые создают террористы, и та версия событий, которую они продуцируют и доносят до глобальной аудитории (непосредственно или привлекая внимание традиционных СМИ к собственным медиапродуктам), становятся важными факторами информационно-коммуникативного пространства мировой политики, в частности, в вопросах терроризма и борьбы с ним. «Битвы историй», которые сопровождают все конфликты, могут если и не трансформировать «войну с терроризмом» в противостояние исключительно в информационно-коммуникативном пространстве, то как минимум сделать это измерение противоборства столь же значимым, как и реальные боевые действия.

³⁷ Hoffman B. Op. cit. P. 224, 226.

³⁸ Conway M. Op. cit.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛАТВИИ, ЛИТВЫ И ЭСТОНИИ

Н.В. Никифоров

Количественные параметры и тенденции высшего образования Латвии, Литвы и Эстонии в период 1990–2007 гг.

Выбор периода 1990–2007 гг. для анализа параметров и тенденций высшего образования Латвии, Литвы и Эстонии объясняется следующими соображениями.

1. В 1991 г. страны Балтии обрели государственность, и это с необходимостью привело к возникновению своеобразной «точки бифуркации» в том числе и в сфере высшего образования, прервавшей многолетние тенденции и породив качественно новые.

2. Радикально новые тенденции в развитии высшего образования возникли и в связи с вхождением Латвии, Литвы и Эстонии в Болонский процесс в 1999 г. и Европейский Союз в 2004 г. Естественно, что оценить специфику и степень новизны возникших тенденций можно, лишь сравнивая их с предыдущими.

3. Вхождение стран Балтии в Болонский процесс поставило перед их национальными системами высшего образования целый ряд радикально новых и социально значимых задач, сформированных в Болонской (1999 г.) и Саламанской (2001 г.) декларациях, Берлинском (2003 г.) и Бергенском (2005 г.) коммюнике, на встречах министров образования европейских стран, совещаниях Болонских рабочих групп, многочисленных конференциях и семинарах по проблемам Болонского процесса¹.

Наличие столь значимых событий и обосновывает выбор временного периода (1990–2007 гг.) анализа количественных параметров и тенденций высшего образования стран Балтии.

В представленной публикации даны и проанализированы только те количественные параметры высшего образования стран Балтии, которые значимы для высшего образования с точки зрения того, в какой степени оно способствует росту интеллектуального потенциала общества.

Интеллектуальный потенциал общества, как и всякий другой феномен, имеет количественные и качественные параметры, которые неразрывно связаны между собой. В первом приближении основным количественным параметром интеллектуального потенциала общества является число его членов, имеющих академическое и (или) профессиональное высшее образование. Качественным параметром является уровень овладения знаниями, навыками и умениями выпускниками высших школ².

Выражением степени способствования высшего образования Латвии росту интеллектуального потенциала латвийского общества является тенденция повышения количества студентов и увеличение их процентного состава, отраженные в таблице 1 и диаграмме 1.

¹ Некоторые из мероприятий Болонского движения проходили в странах Балтии (8-я совместная встреча в рамках сетей ENIC и NARIC – Рига, июнь 2001 г.; Семинар «Совершенствование системы признания степеней и периодов обучения», Рига, декабрь 2004 г.; официальный Болонский семинар «Новые проблемы в признании», Рига, январь 2007 г.), а в большинстве из них Латвия, Литва и Эстония принимали активное участие.

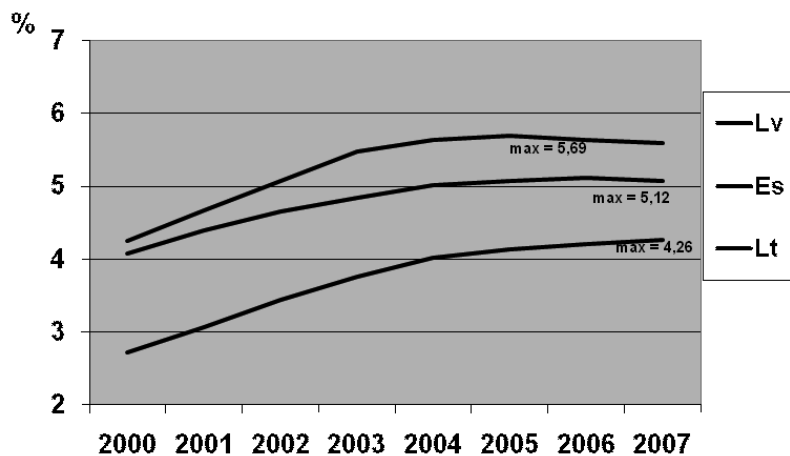
² Количество имеющих высшее образование будет формальным показателем интеллектуального потенциала, если его качество не соответствует мировым стандартам, которые отражают (или должны отражать) способности его носителей к созидательной деятельности.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Таблица 1. Динамика численности населения, количество студентов и их процентный состав от населения Латвии, Литвы и Эстонии в период 1990–2007 гг.

Страны	Латвия			Эстония			Литва		
Колич. показат. Годы	Числ. насел. (тыс. чел.)	Кол. студ.	% студ. от насел.	Числ. насел. (тыс. чел.)	Кол. студ.	% студ. от насел.	Числ. насел. (тыс. чел.)	Кол. студ.	% студ. от насел.
1990	2668	45953	1,72	3694	67000	1,81			
1991	2658	46279	1,74						
1992	2643	42204	1,60						
1993	2586	38956	1,51						
1994	2541	39676	1,56						
1995	2501	46680	1,87	3643	54000	1,48			
1996	2470	56164	2,27						
1997	2445	64948	2,66						
1998	2421	76653	3,17						
1999	2399	89509	3,73						
2000	2382	101270	4,25	3512	95593	2,72	1372	56000	4,08
2001	2364	110500	4,67	3487	106913	3,07	1367	60100	4,40
2002	2346	118944	5,07	3476	119548	3,44	1361	63400	4,66
2003	2331	127656	5,48	3463	130245	3,76	1356	65600	4,84
2004	2319	130706	5,64	3446	138516	4,02	1351	67700	5,01
2005	2306	131125	5,69	3425	141771	4,14	1348	68300	5,07
2006	2295	129497	5,64	3403	143204	4,21	1345	68800	5,12
2007	2281	127760	5,60	3385	144336	4,26	1342	68200	5,08

Диаграмма 1 процентного отношения количества студентов к численности населения Латвии, Литвы и Эстонии

Исходя из данных таблицы 1 можно сделать следующие выводы.

1. В процентном выражении число студентов по отношению к населению стран Балтии (Латвия — 5,40%; Литва — 4,19%; Эстония — 4,69%) представляет собой по мировым стандартам весьма высокое. Известно, что в последние годы первое место по этому показателю занимает Канада — 580 (в США — 520) студентов на 10 000 населения, или 5,80%. Второе место — Латвия — 569 студентов на 10 000 населения в 2005/2006 академическом году³. Это означает, что относительный интеллектуальный потенциал стран Балтии весьма высок, и

³ По данным Министерства образования и науки Латвийской Республики в 2006/2007 уч. году количество студентов составило 552/10 000 / Вузы Латвии в 2007 году. URL: www.izm.gov.lv

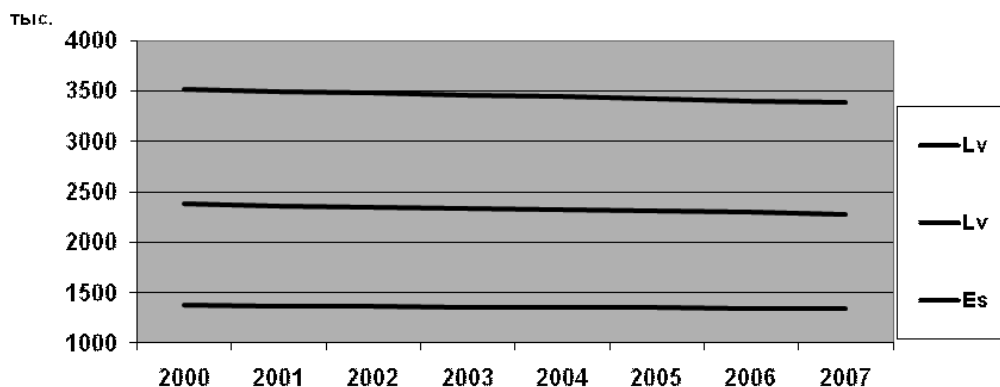
как следствие этого возможности дальнейшего роста весьма ограниченны.

2. Дальнейший рост абсолютного интеллектуального потенциала возможен лишь путем увеличения народонаселения Балтийских стран при сохранении высокого процента имеющих качественное высшее образование. Однако устойчивая тенденция снижения натурального прироста населения Балтийских стран этому препятствует (см. табл. 2 и диаграмму 2).

Таблица 2. Динамика натурального прироста населения Балтийских стран на рубеже XX и XXI веков

Год	Латвия	Литва	Эстония
2000	- 11 957	- 2500	- 5336
2001	- 13 327	- 1300	- 5884
2002	- 12 454	- 3200	- 5354

Диаграмма 2. Численность населения Латвии, Литвы и Эстонии

Наряду с негативным приростом населения повышается и средний возраст жителей стран Балтии, что в ближайшем будущем приведет к снижению числа рефлектантов и соответственно числа студентов. Как видно из вышеприведенной статистики, ожидать кардинальных изменений в этих показателях в среднесрочной перспективе не приходится. Это делает невозможным дальнейший рост абсолютного интеллектуального потенциала Латвии, Литвы и Эстонии.

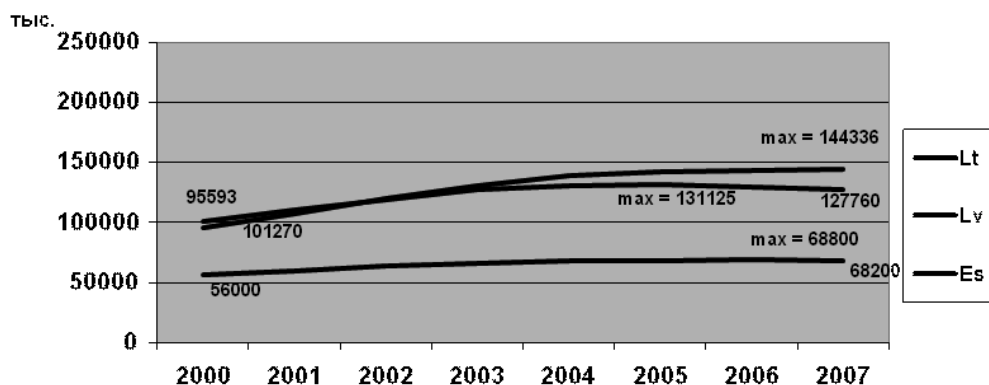
Однако снижение численности населения стран Балтии избыточно компенсируется стремительными темпами роста количества студентов в вузах этих стран. Об этом говорят статистические данные **базисных⁴ темпов** роста численности населения и количества студентов в Латвии, Литве и Эстонии (табл. 3, диаграмма 3).

⁴ Рассчитывается как отношение показателя последующего года к базисному году (для Латвии и Литвы — 1990/1991, для темпа роста количества студентов Эстонии — 2000/2001 год).

Таблица 3. Базисные темпы роста
численности населения и количества студентов (в процентах)

	Латвия		Литва		Эстония	
	Темп роста населения	Темп роста кол. студ.	Темп роста населения	Темп роста кол. студ.	Темп роста населения	Темп роста кол. студ.
1990/1991	-	-	-	-	-	-
1995/1996	93,7	101,7	98,6	69,0	92,2	-
2000/2001	89,3	220,7	95,1	120,8	87,3	-
2001/2002	88,6	240,7	94,4	132,1	87,0	107,3
2002/2003	87,9	259,0	94,1	148,8	86,6	113,2
2003/2004	87,4	278,2	93,7	161,9	86,3	117,1
2004/2005	86,9	284,7	93,3	173,0	86,0	120,9
2005/2006	86,4	285,6	92,7	175,8	85,2	122,0
2006/2007	86,0	282,1	92,1	176,5	85,6	122,9
2007/2008	85,5	278,4	91,6	180,9	85,4	121,8

Диаграмма 3. Численность студентов в Латвии, Литве и Эстонии

Еще одним и, как представляется, наиболее значимым средством дальнейшего наращивания интеллектуального потенциала стран Балтии является повышение качества высшего образования путем: 1) увеличения числа и уровня преподавания фундаментальных научных дисциплин в рамках высшего профессионального и академического образования; 2) расширения подготовки магистров и докторов. Как показывает практика, этот путь весьма перспективен.

Об актуальности увеличения числа фундаментальных научных дисциплин сви-

детельствуют исследования систем образования различных стран мира, проводимые профессором Мичиганского университета Джоном Миллером, согласно результатам которых научно грамотными можно признать примерно 28% американцев, 14% европейцев и 5% японцев. В рамках этих исследований таковыми признано лишь 2,2% жителей Латвии. В 1970–1980-е годы научно подготовленными были не более 10% жителей США. Прогресса удалось достичь благодаря введению в американских университетах обязательных курсов

по фундаментальным научным дисциплинам⁵.

⁵ Мажан Т. Пробелы в знаниях все больше // Телеграф. № 40 (1334). Рига. 26.02.2007.

Широкие потенциальные возможности для повышения интеллектуального потенциала общества имеет и путь расширения подготовки магистров и докторов, о чем свидетельствуют следующие статистические данные.

Таблица 4. Распределение студентов Балтийских стран по программам обучения в 2004 г.

Уровни высшего образования	Латвия	Литва	Эстония
1. Бакалаврские программы: высшее профессиональное и академическое образование: число обучающихся	113 943	143 601	60 365
2. Магистерские программы: число обучающихся % от обучающихся 1-го уровня	11 494 10,08		2946 4,88
3. Докторские программы: число обучающихся % от обучающихся 1-го уровня % от обучающихся 2-го уровня	1319 1,15 11,48	2183 1,52	314 0,52 10,65

Число магистрантов (учащихся магистратуры) к числу обучаемых по бакалаврским программам и программам первых двух уровней высшего профессионального образования составляет в Латвии 10,08%, а в Эстонии — 4,88%. Еще более низким является процент обучающихся по докторским программам по отношению к бакалаврским: Латвия — 1,15%; Литва — 1,52%; Эстония — 0,52%.

Таким образом, в Латвии только 1 из 10, а в Эстонии 1 из 20 получивших диплом о высшем профессиональном или академическом образовании продолжает свое обучение в магистратуре.

Такое соотношение представляет крайне недостаточным, в первую очередь — для удовлетворения потребностей высшей школы, ибо законодательство стран Балтии, как правило, требует наличия магистерской степени у каждого преподавателя, участвующего в реализации бакалаврских программ.

Ключевыми для развития интеллектуального потенциала стран Балтии являются увеличение количества защищаемых докторских диссертаций и повышение их теоретического уровня и практической значимости.

В настоящее время, несмотря на упрощение ранее существовавшей иерар-

хии ученых степеней⁶, во всех Балтийских странах имеет место острая нехватка док-

⁶ Ранее существовавшие степени кандидата наук и доктора наук в Балтийских странах редуцированы к степени доктора философии, т.е. степени кандидатов наук в большинстве случаев были нострифицированы в качестве степеней докторов философии (Ph.D.).

В последнем отчете Европейской комиссии по образованию (*European Commission on Education and Training, Trends III*) отмечается этот крайне тревожный факт, и связывают его с тем, что в современной Европе докторские программы ассоциируются исключительно с дальнейшей академической деятельностью. Докторантура более не рассматривается работодателями как необходимое условие. В связи с чем интерес к докторантуре падает. Европейский Союз в рамках своей программы по созданию Европейского пространства высшего образования (*European Higher Education Area*) одной из целей ставит повышение привлекательности докторантуры и увеличение количества докторантов.

Чтобы оценить степень радикальности изменений, произошедших в системе высшего образования стран Балтии в рассматриваемый период (1990—2007 гг.), представляется полезным расширить количество анализируемых параметров. Сделаем это на примере Латвийской Республики.

Рост числа студентов и увеличение числа вузов в Латвии в период 1920—2000 гг. весьма наглядно представлены на диаграмме 4, основанной на официальных данных Министерства образования и науки Латвии.

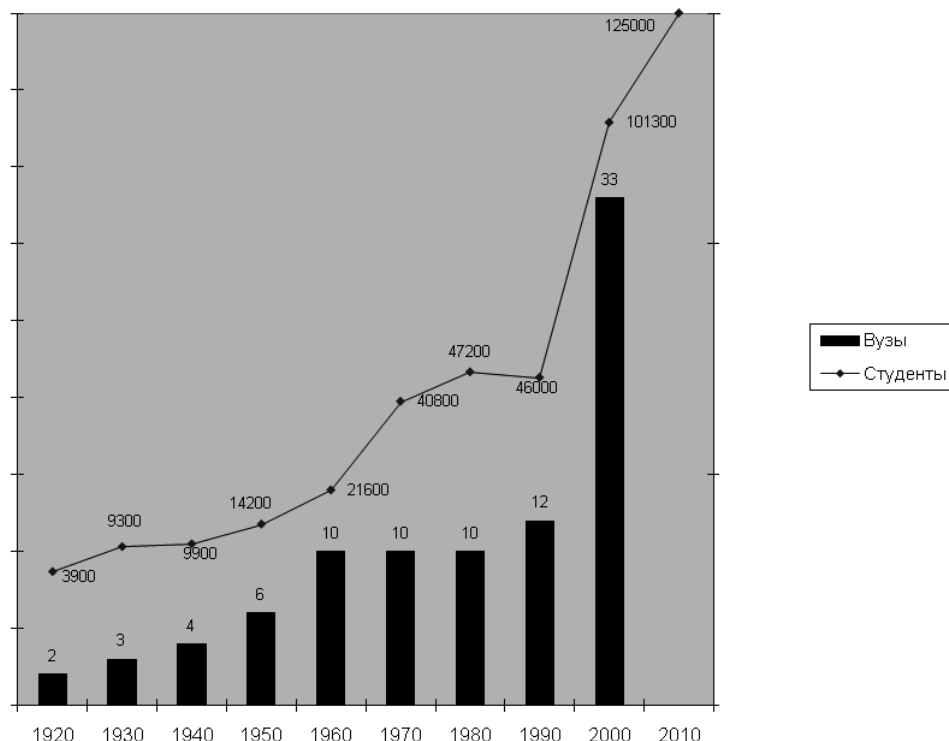
торов наук. Их не хватает не только для обеспечения высококвалифицированной подготовки бакалавров и магистров, но и для воспроизводства докторского контингента.

Эта проблема актуальна и для Европейского Союза в целом: менее 5% от

числа магистрантов продолжают обучение по докторским программам. Отчасти это связано с недостаточным количеством докторских программ. Однако наиважнейшим фактором является отсутствие интереса к докторским программам со стороны магистрантов.

Диаграмма 4. Число студентов и количество вузов в Латвии в период 1920–2000 гг.⁷

⁷ URL: http://www.izm.gov.lv/Dokumenti/August_izglitiba/2006_parskats/1-3.Uznemsana.doc

Если следовать принятой периодизации новейшей истории Латвии (Первая республика — советский период — Вторая республика), то из предложенной диаграммы следует, что в период **1920–1940 гг.** число студентов увеличилось в 2,54 раза (3900 студентов в 1920 г. и 9900 в 1940 г.), а количество вузов — в 2,0 раза.

В период 1940–1990 гг. число студентов увеличилось в 4,65 раза (9900 студентов в 1940 г. и 46 000 студентов в 1990 г.), а количество вузов возросло в 3 раза.

Если сравнивать эти два периода с учетом их существенного различия по длительности (20 и 50 лет, т.е. в 2,5 раза), то как по числу студентов, так и по количеству вузов можно говорить об их относительно равномерном росте. Существенный скачок отмечается лишь в 60-е годы по числу студентов (21 600 в 1960 г. и 40 800 в 1970 г.). Представляется, что данный скачок исчерпывающим образом объясняется общемировой тенденцией роста числа студентов в данный период, являющейся следствием резкого ускорения научно-технического прогресса в 60-е годы XX в.

В период 1990–2000 гг. тенденция постепенного роста числа студентов и количества вузов резко меняет свой характер и становится экспоненциальной: число студентов увеличивается за десятилетие в 2,2 раза (46 000 в 1990 г. и 101 300 в 2000 г.), а количество вузов в 2,75 раза. Причем рост общего числа студентов сопровождается еще более стремительным их удельным ростом. На 10 000 населения в 1990 г. приходилось 172 студента, а в 2000 г. уже 404, т.е. в 2,35 раза больше.

Стремительный рост общего и удельного числа студентов в период 1990–2006 гг. происходит на фоне снижения рождаемости.

Таблица 5. Динамика рождаемости и численности студентов в Латвии в период 1990–2007 гг.⁸

Годы	Количество родившихся	Количество студентов
1990/1991	37 900	46 000
1991/1992	34 600	46 300

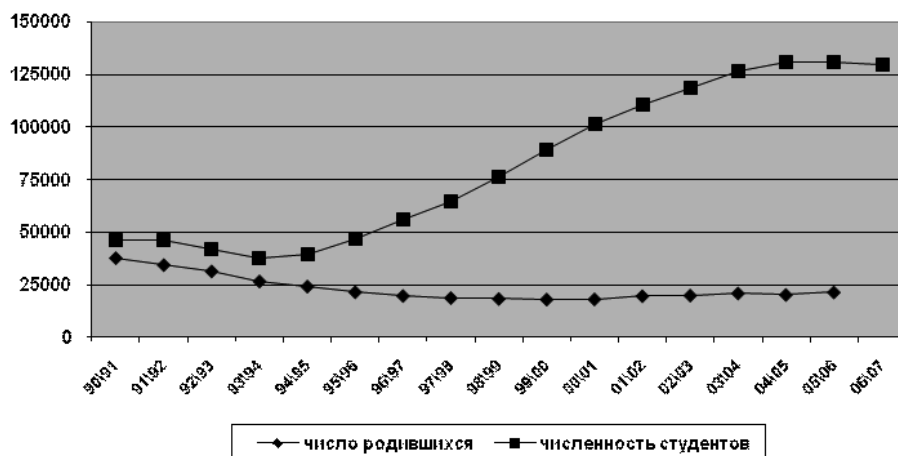
⁸ Pārskats par Latvijas augstāko izglītību 2006. gadā (skaitļi, fakti, tendences. URL: http://www.izm.gov.lv/Dokumenti/Augst_izglitiba/2006_parskats/1-3.Uznemsana.doc

1992/1993	31 600	41 900
1993/1994	26 800	37 500
1994/1995	24 300	39 260
1995/1996	21 600	46 696
1996/1997	19 800	56 187
1997/1998	18 800	64 948
1998/1999	18 400	76 620
1999/2000	18 100	89 510
2000/2001		101 300
2001/2002	19 700	110 500
2002/2003	20 000	118 845
2003/2004	21 000	126 756
2004/2005	20 300	130 693
2005/2006	21 500	131 072
2006/2007		129 503

Более наглядными тенденции рождаемости и численности студентов становятся при представлении их в виде диаграммы.

Диаграмма 5. Динамика численности студентов и рождаемости в Латвии (1990–2007 гг.)⁹

⁹ Pārskats par Latvijas augstāko izglītību 2005. gadā (skaitļi, fakti, tendences) URL: <http://www.izm.gov.lv>

Из таблицы 6 следует, что за период 1990–2007 гг. количество рождающихся в год сократилось с 37 900 в 1990 г. до 21 500 в

2006 г., т.е. 16 400 детей, или на 43,27%, в то время как число студентов возросло с 46 000 в 1990 г. до 131 072 в 2006 г., т.е. в 2,85 раза.

В изменениях динамики рождаемости и численности студентов можно выделить три периода (см. диаграмму 3).

В период 1990/1991–1993/1994 гг. имеет место динамика параллельного **снижения** рождаемости и численности студентов. Очевидно, что главными причинами снижения рождаемости и численности студентов в этот период являются общий политический, экономический и социально-психологический упадок и снижение возможностей получения высшего образования на русском языке.

В период 1993/1994–1999/2000 гг. при сохранении тенденции снижения рождаемости численность студентов резко растет: с 37 500 в 1993/1994 академическом году до 89 510 в 1999/2000 учебном году.

Лежащим на поверхности объяснением этому является, по-видимому, известный феномен быстрой приспособляемости молодого поколения к новым социально-экономическим условиям.

В период 1999/2000–2005/2006 гг. на фоне продолжающего роста числа студентов (с 89 510 до 131 072) начинает стабилизироваться и рождаемость, что объясняется тем, что к новым политическим, эконо-

мическим и социальным реалиям адаптируется и более старшее, чем студенческое, поколение жителей Латвии.

Однако на протяжении всех рассматриваемых периодов снижение рождаемости не влияло на численность молодежи студенческого возраста, ибо процент возрастной группы 15–59 лет не уменьшался (см. табл. 6).

Таблица 6. Структура возрастного состава населения Латвии (в %)¹⁰

Годы	Возраст		
	0–14	15–59	60 и старше
1989	21,4	61,2	17,4
2000	17,9	61,0	21,1
2003	16,0	62,0	22,0

В определенной степени этому способствовала достаточно специфическая возрастная структура студентов вузов Латвии. Так, в 2005/2006 академическом году она выглядела следующим образом (см. диаграмму 4).

¹⁰ Статистические данные базы данных Европейского Союза «Eurodice». «Eurodice» – база данных статистической информации в области образования. URL: www.eurodice.org

Диаграмма 6. Возрастная структура студентов в 2005/2006 академическом году¹¹

¹¹ Latvijas augstskolu informatīvā sistēma. URL: www.lais.lv

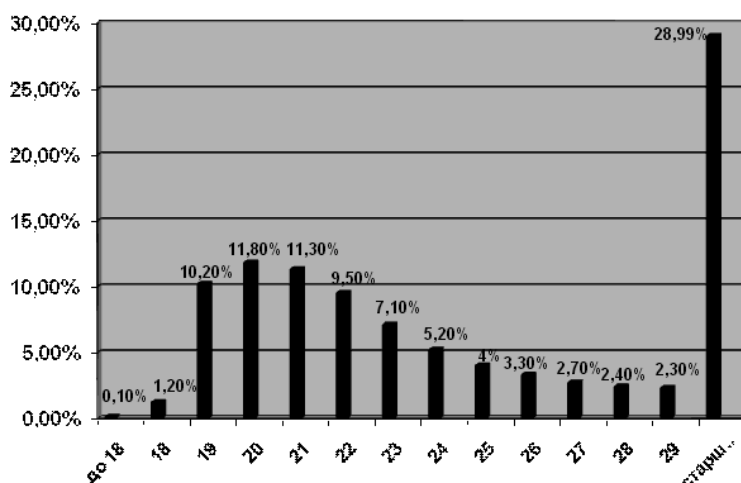
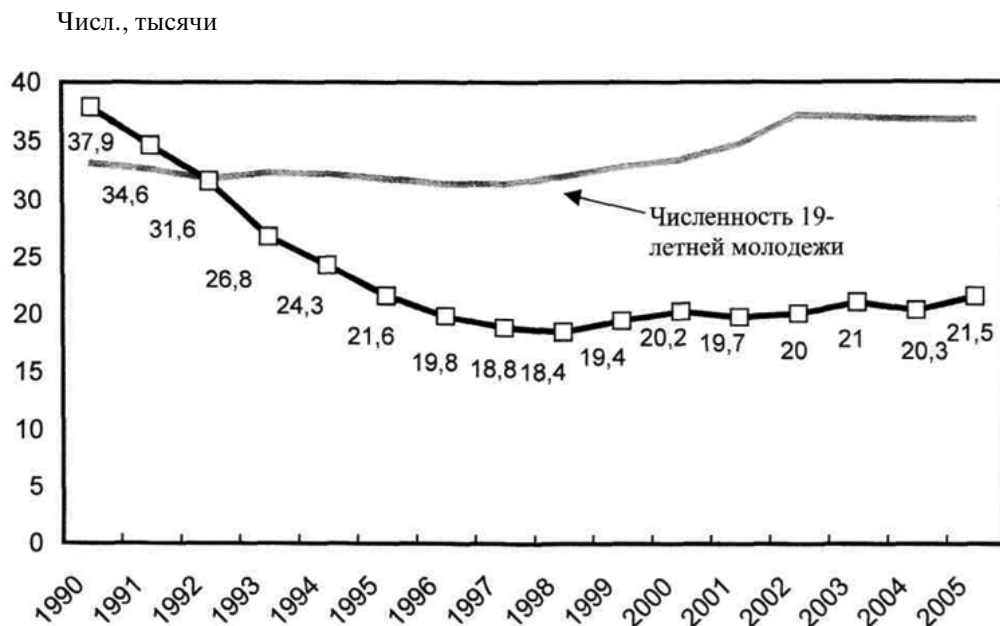

Диаграмма 6 наглядно показывает, что значительное число студентов относится к двум возрастным группам: 19–23 года (49,9%) и старше 29 лет (28,9%).

При этом снижение рождаемости пока не затрагивает возрастную группу молодежи старше 19 лет (см. диаграмму 7),

а тенденция увеличения среднего возраста населения Латвии (в период 1989–2003 гг. количество детей в возрасте до 14 лет сократилось на 5,4%, а количество людей старше 60 лет увеличилось на 4,6% — см. табл. 6) мало влияет на возрастную группу студентов старше 29 лет.

Диаграмма 7. Динамика численности родившихся в Латвии

Резкий рост численности студентов в Латвии в период 1994–2006 гг. имеет экономические, социальные, политические, психологические и другие причины. Одной из причин (и одновременно одним из условий) является стремительное увеличение количества негосударственных вузов и рост числа студентов в них. Так в 2005/2006 академическом году в 20 государственных вузах обучалось 88 664 студента, а в 14 негосударственных — 32 683, или 26,93% от общего числа студентов в Латвии.

Однако уже в следующем 2006/2007 учебном году из 129 503 студентов в государственных вузах обучалось 90 421 (69,82%), а в негосударственных — 39 082, или 30,18%. Годовой прирост числа студентов в государственных вузах сократил-

ся на 3,25%, а в негосударственных увеличился на те же 3,25%.

При этом наблюдается устойчивая тенденция увеличения платных и сокращения бюджетных мест в государственных вузах Латвии.

Начиная с 2005 г. количество как государственных, так и негосударственных вузов стабилизировалось, и на январь 2007 г. в Латвии официально зарегистрировано 20 государственных и 14 негосударственных вузов¹², в которых динамики численности бюджетных и платных мест весьма различны (диаграмма 9).

¹² Pārskats par Latvijas augstāko izglītību 2006. gadā (skaitļi, fakti, tendences). URL: http://www.izm.gov.lv/Dokumenti/Augst_izglitiba/2006_parskats/1-3.Uznemsana.doc

Диаграмма 8. Динамика количества бюджетных и плановых мест в вузах Латвии с 1995 по 2006 г.¹³

¹³ URL: www.izm.gov.lv

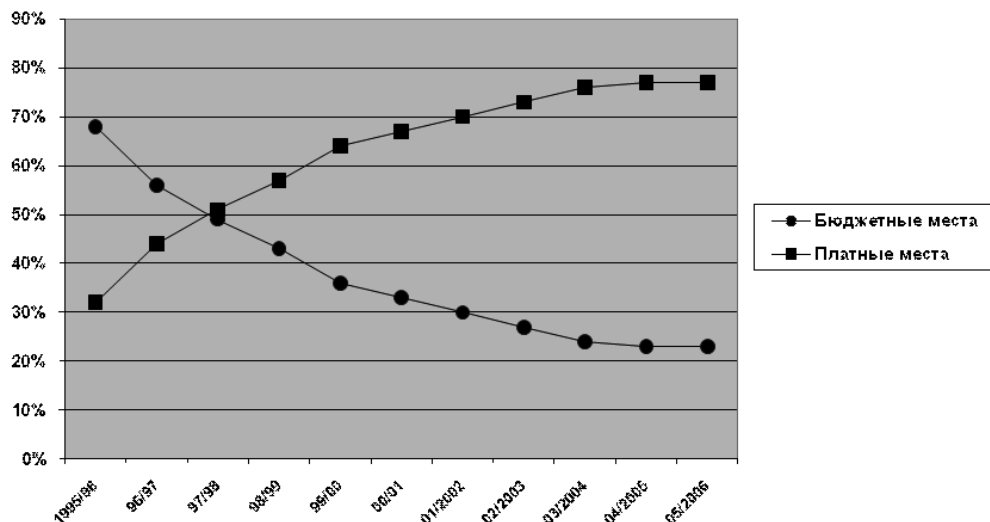
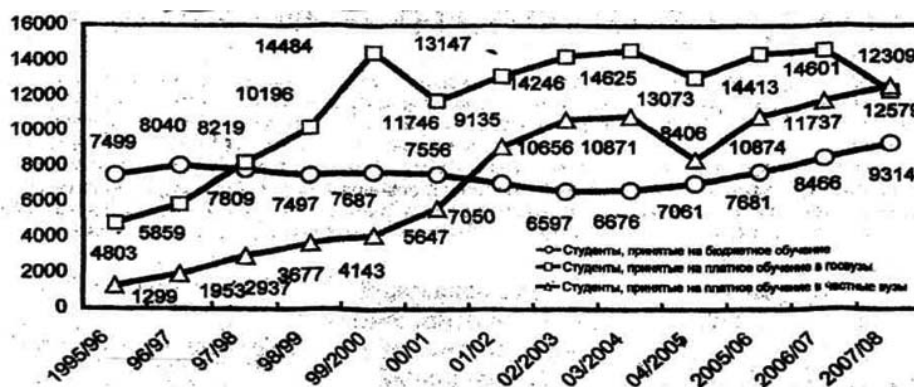

Диаграмма 9. Динамика численности бюджетных и платных мест в вузах Латвии¹⁴

¹⁴ Вузы Латвии в 2007 году. URL: <http://www.izm.gov.lv>

Таблица свидетельствует о наличии следующих тенденций: 1) Начиная с 2003/2004 уч. года постепенно увеличивается число бюджетных мест. Это увеличение осуществляется за счет роста бюджетных мест в программах по информационным технологиям, естественному и техническим наукам при сокращении количества бюджетных мест по социальным и педагогическим наукам. Предполагается, что эта тенденция сохранится и в ближайшие годы. 2) Количество студентов госвузов, обучающихся на платной основе, резко росло в период 1995–2000 гг. (от 4803 до 14 484 — в 3 раза за 5 лет), стабилизировалось в период 2002–2007 гг. и имеет тенденцию к снижению в последнее время. 3) Количество студентов, принятых на платное обучение в негосударственные вузы, стабильно и существенно растет и за 13 лет возросло в 9,7 раза.

На фоне стабилизации общего количества вузов обозначилась тенденция увеличения числа студентов в некоторых из них.

Причем количество студентов прирастает в крупных негосударственных вузах быстрее, чем в большинстве государственных.

Так, из 34 государственных и негосударственных вузов два крупнейших негосударственных — Балтийская международная

академия и Высшая школа бизнеса «Туриба» занимали в 2006 г. соответственно 4-е и 5-е места по количеству студентов.

Таблица 7. Численность студентов в крупнейших вузах Латвии (2006 г.)

1	Латвийский университет	26 807 20,7%
2	Технический университет	16 576 12,8%
3	Сельскохозяйственный университет	9 453 7,3%
4	Балтийская международная академия	8 417 6,5%
5	Высшая школа бизнеса «Туриба»	5 828 4,5%
6	Даугавпилский университет	5 439 4,2%
7	Рижская высшая школа педагогики и упр. обр.	5 180 4,0%

Всего в 7 крупнейших вузах Латвии училось 77 700 студентов, что составляет 59,99% от общего числа.

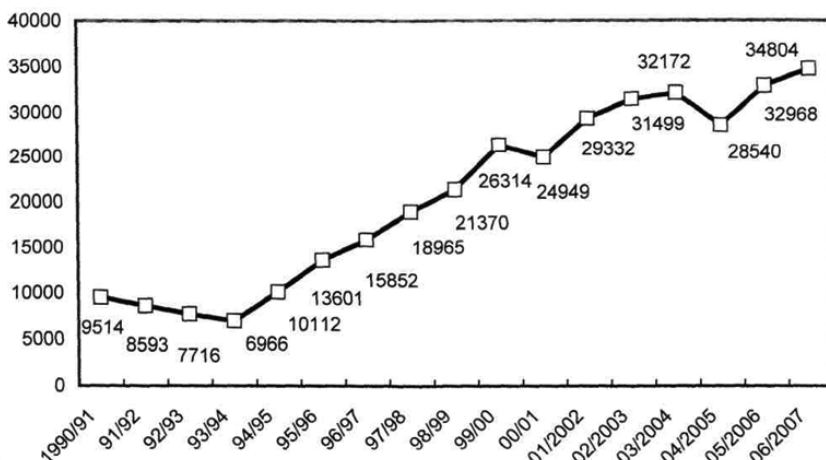
В остальных 45 высших школах и колледжах обучалось 51 803 студента (40,01%).

Стремительный рост численности студентов в период 1993/1994–2005/2006 гг. яв-

лялся естественным следствием увеличения числа молодежи, решившей получить высшее образование, и расширением возможностей для этого, в первую очередь благодаря появлению новых негосударственных вузов. Рост численности студентов, принятых на первый курс вузов Латвии, свидетельствует об этом (см. диаграмму 10).

Диаграмма 10. Динамика численности студентов, принятых на 1-й курс вузами Латвии с 1990/1991 по 2006/2007 акад. гг.¹⁵

¹⁵ URL: http://www.izm.gov.lv/Dokumenti/Augst_izglitiba/2006_parskats/1-3.Uznemsana.doc

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

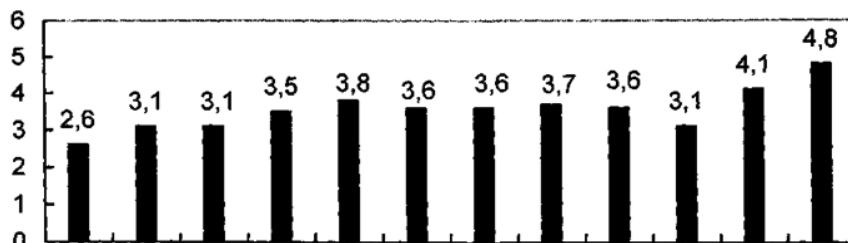
Число студентов в вузах Латвии достигло своего максимума в 131 072 студента в 2005/2006 учебном году. Однако прием на первый курс продолжает расти: в 2006/2007 учебном году на первый курс было зачислено 34 804 студента, что на 1836, или на 5,57%, больше, чем в предыдущем году. Скорее всего, за определенное время на фоне снижения общего числа студентов число зачисляемых на первый курс может продолжать увеличиваться. Существенную роль в этом играет отсев студентов в процессе обучения. Главными факторами, влияющими на отсев студентов, являются степень решимости и готовности будущего студента к интенсивной учебе на протяжении нескольких лет и его фи-

нансовые возможности. Наибольший отсев студентов характерен для частных высших школ, колледжей и программ, реализуемых по форме неполного времени обучения. Отсев в различных высших школах и колледжах колеблется в широких пределах — от 2 до 50%. Необходимость повышения качества высшего образования и как следствие этого повышения требований к студентам может в будущем увеличить и без того значительный процент отсева.

Основанием для предположения о сохранении тенденции роста числа зачисляемых на первый курс является динамика среднего коэффициента конкурсов в вузы Латвии, который в последние годы неуклонно растет.

Диаграмма 11. Средний коэффициент конкурса в 1995–2006 акад. гг.¹⁶

¹⁶ URL: http://www.izm.gov.lv/Dokumenti/Augst_izglitiba/2006_parskats/1-3.Uznemšana.doc

Следует отметить, что средний коэффициент конкурсов в вузы Латвии недостаточен для предположения о сохранении тенденции роста зачисляемых на первый курс, ибо в самом большом вузе республики — Латвийском университете конкурс (10,9) существенно выше среднего (4,8) (см. диаграмму 10).

С точки зрения потребностей рынка трудовых ресурсов более социально значимым, чем средний **конкурсный коэффициент по вузам**, является конкурс по программам обучения. В последние два года его динамика выглядит следующим образом.

Таблица 8. Конкурсы по программам обучения¹⁷

¹⁷ Мажан Т. В Латвии не хватает ИТ-специалистов // Телеграф. № 62 (28.03.2006).

	2005	2006
Информационные науки	31,6	29,2
Правоведение	8,1	6,7
Управление и предпринимательство	8,0	8,7
Экономика	6,9	8,5
Архитектура и строительство	6,7	5,8
Охрана среды	5,7	7,1

При этом следует отметить, что величина конкурсов на одинаковые и смежные программы в различных государственных вузах существенно различается.

Постепенно выливается в серьезную проблему дефицит квалифицированных специалистов по информационным технологиям, что в будущем может стать существенным препятствием для экономического развития и конкурентоспособности страны. На сегодняшний день не хватает 16,5% ИТ-экспертов, специализирующихся на разработке и обслуживании компьютерных сетей. Об этом свидетельствуют данные исследования, проводившегося по заказу международной корпорации Cisco Systems, работающей в области информационных технологий.

Одной из причин такого положения эксперты назвали отсутствие в Латвии об-

разовательной базы должного уровня¹⁸. Авторы исследования прогнозируют, что в 2008 г. дефицит специалистов в области информационных технологий может достичь 24,9%. Директор по маркетингу компании Severstallat Роберт Длохи говорит о том, что Латвия нуждается и будет нуждаться также в специалистах отраслей машиностроения и металлообработки¹⁹.

Социально значимым для трансляции интеллектуального потенциала общества следующим поколениям и для его увеличения является распределение обучающихся по уровню программ обучения.

В 2005/2006 учебном году имело место следующее распределение обучающихся по уровням программ обучения:

- программы колледжа (код – 41)	7 964 (18%)
- бакалаврские программы (код – 43)	9 075 (21%)
- профессиональные программы основного обучения (код – 42)	15 929 (36%)
- магистерские программы (код – 45)	4 261 (10%)
- профессиональные программы высшего уровня (код – 44,46)	5 976 (14%)
- докторские программы (код – 51)	530 (1%)

Из приведенных данных видно, что на академических (магистерских и докторских) программах обучение крайне недостаточно с точки зрения воспроизводства и развития интеллектуального потенциала общества и потребностей вузов Латвии. Недостаток докторов наук не позволяет увеличить число промоционных советов и количество новых докторов. Возникает замкнутый круг. Имеющиеся в настоящее время средства правового регулирования и экономического стимулирования для роста количества докторов наук являются явно недостаточными.

Проблема усугубляется и тем обстоятельством, что количество получаемых докторскую степень значительно ниже количе-

ства обучающихся по докторским программам. В 2005 г. докторскую степень получили лишь 112 человек, т.е. 0,4% от 26 119 получивших дипломы о высшем образовании.

В последнее время наметилась тенденция увеличения числа обучаемых по докторским программам. Так, в 2006/2007 учебном году по ним обучается уже 1809 человек, т.е. 1,4%.

Анализ количественных параметров процесса реформирования систем высшего образования Латвии, Литвы и Эстонии в период 1990–2007 гг., как представляется, свидетельствует о наличии следующих достаточно устойчивых и значимых с точки зрения сохранения и развития интеллектуального потенциала тенденций.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Воронцов А. Совершенствование деятельности Балтийской международной академии на основе создания системы дистанционного образования в сети Интернет: магистерская работа. Рига: БМА, 2007.

1. Снижение числа студентов в период 1991–1995 гг. сменилось устойчивой тенденцией стремительного роста их количества вплоть до 2005 г. Однако в последнее время (2005–2007 гг.) намечилось постепенное и незначительное снижение численности студентов вузов (табл. 1, диаграмма 1).

2. Устойчивыми являются тенденции снижения численности населения стран Балтии (диаграмма 2) и рост его среднего возраста. Эти тенденции являются негативными предпосылками для сохранения и развития интеллектуального потенциала названных стран и региона в целом.

3. Процентное отношение количества студентов к численности населения во всех странах Балтии неуклонно и значительно растет в течение всего анализируемого периода (диаграмма 1). Удельный вес студенческой молодежи в Латвии, Литве и Эстонии превысил уровень таких традиционно университетских стран, как Италия, Франция, Германия. Однако демографическая ситуация, экономические реалии и другие глобальные и региональные факторы не дают оснований для экстраполяции этой тенденции даже на короткосрочную перспективу. Представляется, что намечившееся в последние годы (2005–2007 гг.) снижение процентного состава студентов в Латвии, Литве и Эстонии будет продолжаться.

4. Неблагоприятным для роста интеллектуального потенциала региона является и распределение студентов по уровням программ обучения (табл. 4): весьма низок процент обучения по докторским программам (Латвия — 1,15%; Литва — 1,52%, Эстония — 0,52%).

Региональные тенденции высшего образования стран Балтии находят свое подтверждение и конкретизацию в следующих тенденциях развития системы высшего образования Латвии.

1. Снижение количества студентов в период 1990–1994 гг. (46 000 — 1990 г.; 37 500 — 1994 г.); стремительный рост количества студентов с 1995 по 2006 г. (39 260 — 1995 г.; 131 072 — 2006 г.), и незначительное снижение численности студентов в настоящее время (131 072 — 2006 г.; 129 503 — 2007 г.)²⁰.

2. Резкое увеличение числа вузов в период 1990–2000 гг. (12 — 1990 г.; 33 — 2000 г.) главным образом благодаря появлению негосударственных высших школ и стабилизации общего числа вузов в последние годы.

3. Перераспределение численности студентов среди вузов Латвии: в 7 крупнейших вузах в 2006 г. году учились 77 700 студентов, что составляло 59,99% от их общего числа, в то время как в остальных 45 высших школах и колледжах лишь 51 803 (40,01%).

4. Возрастание численности принятых на первый курс по программам высшего образования (9514 — 1990 г.; 32 968 — 2005 г.). Число зачисленных на первый курс возросло и в последующем (2007) году до 34 804 студентов (диаграмма 10), в то время как общая численность студентов несколько снизилась.

5. Стабилизация численности 19-летней молодежи с 2003 г. по настоящее время на фоне незначительного роста рождаемости (диаграмма 7). Стабилизация численности населения студенческого возраста на фоне увеличения среднего возраста населения республики (табл. 7).

6. Рост среднего коэффициента курсов (2,6 — 1995 г.; 4,8 — 2006 г.) (диаграмма 11).

7. Сохранение в течение последних пяти лет тенденции преимущественного выбора рефлектантами социальных и гуманитарных программ обучения, что не соответствует структуре потребностей в специалистах с высшим образованием на рынке трудовых ресурсов республики. Исключением являются лишь информационные технологии и коммуникационные науки, конкурсы на программы которых резко выросли в последние два года.

8. Отставание роста численности обучающихся по докторским программам и получающих докторскую степень от потребностей развития высших школ и роста интеллектуального потенциала республики.

²⁰ Наличие тенденции снижения приема в вузы Латвии подтверждают и другие исследовате-

ли: Мелнис А., Абизаре В. Обзор «Вузы Латвии в 2007 году». URL: www.izm.gov.lv

9. Важными с точки зрения развития интеллектуального потенциала Латвии являются следующие ярко выраженные и устойчивые тенденции (диаграмма 9):

- рост количества бюджетных мест обучения, имеющий место в период 2002—2007 гг.;

- увеличение приема в гос. вузы посредством введения в них платного обучения;

- значительное увеличение числа студентов, обучающихся в негосударственных вузах.

Значительный рост удельного числа студентов, имевший место в период 1990—2006 гг. (табл. 4), замедляется в настоящее время, что наглядно видно на диаграмме 5, где его экспоненциальная кривая переходит в логистическую. Второе место Латвии в мире по этому показателю — бле-

стящий результат, который вряд ли будет превзойден хотя бы из-за ее экономического потенциала, который существенно ниже занимающей первое место Канады.

Рост интеллектуального потенциала Латвии посредством увеличения удельного числа студентов, как представляется, достиг своего предела.

Росту интеллектуального потенциала посредством увеличения абсолютно го числа имеющих высшее образование в будущем будет препятствовать неблагоприятная для этого демографическая ситуация.

Очевидно, что единственным средством дальнейшего наращивания интеллектуального потенциала латвийского общества является **повышение качества** высшего образования.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТОКИЙСКОГО И МОСКОВСКОГО ОПЫТА ПО УЛУЧШЕНИЮ СИТУАЦИИ С ДОРОЖНЫМИ ПРОБКАМИ В МОСКВЕ: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ И ТОКИО

Киитиро Хатояма

1. Предисловие

В Москве все большую серьезность приобретают хронические пробки. Раздражающие водителей пробки возникают в часы пик в рабочие дни, а также в другое время на многих перекрестках. Самой неприятной проблемой является то, что водители не могут рассчитать время для поездки до места назначения. Путь, который занимает 15 минут по свободной дороге, в пробках отнимает до двух часов.

Не знаю, подсчитывался ли ущерб от пробок в Москве, но в Токио в 2002 г. он составил 8 триллионов иен (около 80 млрд долларов). Естественно, я не думаю, что состояние с пробками в Москве лучше, чем в Токио. По крайней мере, ущерб от них не меньше, чем в Токио. Следовательно, решение проблемы пробок во многом будет способствовать оздоровлению экономики.

Проблема пробок заключается в «узких местах». «Узкое место» — это участок, где транспортный поток резко сужается. После того как сужение заканчивается, движение восстанавливается. Таким образом, задача сводится к эффективному решению проблемы сужений транспортных потоков. В качестве проблемных мест в Москве можно привести регулируемые перекрестки, сокращения полос движения перед тоннелями и эстакадами, места сужения дорог из-за припаркованных на дороге автомобилей, пробки из-за дорожно-транспортных происшествий, а также места переплетения различных транспортных потоков. Данные свидетельствуют, что интенсивность транспортных потоков в час пик всего лишь на 10–15% превышает пропускную способность транспортных ар-

терий. Нельзя утверждать, что возможности дорожной сети в 2–3 раза отстают от потребностей, поэтому даже небольшие изменения могут избавить город от пробок.

Как известно, Министерство транспорта России рассматривает проблему пробок как очень серьезную и в «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года» ставится задача расширения дорожной инфраструктуры. Однако решение проблемы пробок не терпит отлагательств, и требуются меры, которые бы дали результат в ближайшие 2–3 года. Безусловно, важно анализировать каждую меру в отдельности. Но так же важно подходить к вопросу комплексно, стратегически, принимая во внимание соотношение затрат и результатов. В соответствии с этой программой на основе анализа проблем в сфере регулирования транспорта и специфики поведения водителей на дороге предлагается проект мер, которые не требуют больших вложений в инфраструктуру, но которые могут дать быстрый эффект. Считаю необходимым перейти к реализации этого плана в той степени, насколько позволяет сегодняшняя правовая система, сделать это как можно раньше, осуществляя при необходимости экспериментальные мероприятия, предусмотренные этой программой.

В последнее время растет понимание того, что свободная дорога — это безопасная дорога. Дорога, свободная от пробок, — это дорога, где вероятность ДТП гораздо меньше. Иначе говоря, ликвидация пробок в соответствии с этим планом будет способствовать снижению аварийности на дорогах.

2. Проблемы городского автомобильного транспорта

2.1 Проблемы, связанные с особенностями управления транспортными средствами

Трудно назвать манеру вождения московских водителей безукоризненной, и здесь среди особенностей вождения хотелось бы перечислить недостатки, которые прежде всего приводят к дорожным пробкам.

1) *Выезд на перекресток во время затруднения движения*

Часто возникают ситуации, когда, даже предвидя затруднение движения на перекрестке, водитель стремится продолжить движение вперед и, выезжая на перекресток, перекрывает дорогу другим участникам движения. В результате этого перекресток блокируется, возникает помеха перекрестному движению, от чего неожиданно появляется пробка. Причина этого в непонимании водителями того, что их действия могут оказывать негативное влияние на движение транспорта, а также слишком широкие перекрестки, на которых невозможно оценить дорожную обстановку и предугадать, когда зажжется зеленый свет. Можно сделать вывод, что ошибочные действия водителей обусловлены недостатком информации.

2) *Объезды пробок по узким улицам*

Водители, которые попадают в пробки, часто сворачивают на боковые улицы в поисках объезда, изменяя свой маршрут. В таких случаях на маленьких улицах также возникают пробки, поскольку эти улицы узкие. В дополнение у водителей бывают затруднения также с возвращением на большую трассу, поскольку с боковых улиц зеленый свет включается на короткое время. Подобные ситуации возникают из-за того, что водители не могут рассчитать время нахождения в пробке, хотя на самом деле большая трасса имеет гораздо большую пропускную способность и даже в пробке движение по ней более быстрое. Одним словом, и эти действия водителей продиктованы недостатком информации.

3) *Изменение полосы движения*

Московские водители очень часто необоснованно меняют полосу движения,

резко перестраиваясь. При этом они затрудняют движение водителей, двигающихся прямо по своей полосе. В Москве повороты налево и направо часто не разрешены одновременно с движением вперед, поэтому часто водители, ожидающие включения дополнительных секций, блокируют движение водителей, двигающихся вперед. Часто полосы для движения прямо и поворотов разграничены, и водители блокируют движение вперед, занимая полосу для поворота. На дорогах с недостаточным количеством полос это действие является неизбежным. Есть и другие случаи, когда на прямой дорожной полосе возникает затруднение движения, водитель перестраивается в левую или правую сторону и создает затруднение для других водителей. Это также связано с трудностью в оценке изменения дорожной ситуации.

4) *Парковка на проезжей части*

Водители иногда не стесняются парковать свои машины на проезжей части в запрещенных местах. Это связано с тем, что не хватает места на парковках и наказания за стоянку в нарушении правил недостаточно жесткие. Поэтому машину паркуют даже во втором ряду, на автобусных остановках (автобусы для посадки пассажиров вынуждены останавливаться на второй полосе). Автомобили паркуются рядом с перекрестком и в местах, которые могут стать потенциальным узким местом для движения автомобиля. Кроме того, в поисках мест для парковки водители снижают скорость и затрудняют движение. Это тоже связано с недостатком информации, о которой уже упоминалось. В особенности если на двухполосных дорогах одна полоса будет занята, то пропускная способность дороги снизится в три раза. Одной из причин того, что водители оставляют машины на проезжей части, является также и то, что в Москве многие предприятия и организации имеют прикрепленных водителей.

5) *Водители не выдерживают оптимальную дистанцию*

Даже двигаясь на высокой скорости, водители имеют тенденцию двигаться на маленькой дистанции от впереди идущего

транспортного средства. В таких случаях при резком снижении скорости впереди идущего автомобиля следующий за ним автомобиль должен еще более резко сбросить скорость. А движущийся за ним автомобиль снижает скорость еще больше, чем предыдущий. И так до тех пор, пока машины не останавливаются. Если бы автомобили выдерживали дистанцию, то даже при снижении скорости впереди идущего автомобиля этого расстояния хватило бы, чтобы смикшировать снижение скорости без остановки. Необходимо избавляться от привычки держать короткую дистанцию, что важно как с точки зрения безопасности, так и с точки зрения движения без пробок.

2.2. Недостатки транспортной системы

Я хотел бы перечислить проблемы, связанные с недостатком транспортной системы.

1) Недостаток инфраструктуры

Необходимо учитывать, что в Москве площадь дорожной сети меньше существующих потребностей обеспечения транспортных потоков. Вдобавок к этому в городе не хватает наземных стоянок. Когда не хватает дорог, невозможно обеспечить интенсивное транспортное движение и возникают пробки. Недостаток парковочных мест также приводит к тому, что водители оставляют свои автомобили на проезжей части в нарушение правил. Ситуация требует безотлагательных мер. Но как будет отмечено ниже, недостатки в регулировании дорожного движения также влияют на возникновении пробок.

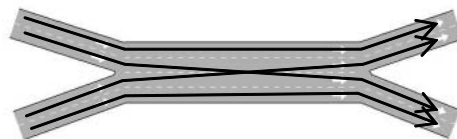
2) Не очень логичное расположение светофоров

В Москве есть проблема с расположением и конструкцией светофоров на пересечениях больших дорог. В Москве много больших перекрестков, на которых поворот налево или направо осуществляется с боковых вспомогательных дорог. Нередки случаи, когда возникают пробки из-за того, что для боковых вспомогательных дорог разрешающий сигнал светофора включается на очень короткое время. Кроме того, водители оставляют машины в местах, которые затрудняют движение по боковым дорогам, что тоже приводит к

образованию пробок. Необходимо упростить и сделать легко понятными фазы переключения светофора на перекрестках. Кроме того, на перекрестках крупных и небольших дорог светофор включается на очень короткое время, отчего тоже возникают пробки. Поэтому желательно пересмотреть время работы светофоров.

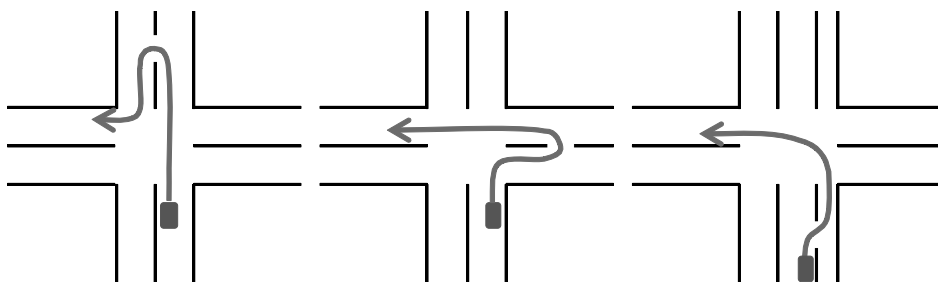
3) Сложные участки дорог с переплетающимися полосами движения

В Москве много мест переплетения полос движения на перекрестках больших улиц, съездах и выездах кольцевых дорог. Кроме того, есть участки, где такие переплетения повторяются одно за другим. На таких участках в результате пересечения потоков движения пропускная способность дороги снижается и возникает пробка.

4) Трудно понятные схемы поворота налево

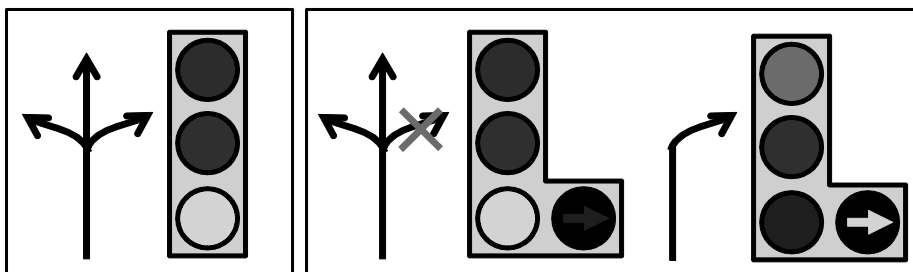
В Москве очень велико расстояние между перекрестками. Кроме того, мало перекрестков, где можно повернуть налево. Для того чтобы повернуть налево, необходимо предпринять специальные маневры с поворотом направо, разворотом, дополнительным перестроением и т.д. Все это добавляет нагрузку на дорогу. Такой способ регулирования движения эффективен, когда машин мало, но когда в одном месте дороги возникает затор, увеличивается возможность распространения пробки на всю трассу. Это надо учитывать. Есть случаи, когда для поворота налево необходимо съехать на боковую дорогу и потом поворачивать налево. Этот способ поворота создает дополнительное затруднение для потоков движения, и в таких случаях часто возникают ДТП. Кроме того, если пробка возникает на основном шоссе, то также возникает пробка на параллельной боковой дороге. Поворот налево в этой ситуации крайне затруднителен. Такую систему поворота налево желательно пересмотреть.

5) Трудно понятные секции поворота направо и налево на светофорах

Если на светофоре нет дополнительных секций, то при зеленом свете светофора транспортное средство может двигаться во всех направлениях. С другой стороны, если дополнительные секции со стрелками присутствуют, то при негорящих стрелках на дополнительных секциях в обозначенных направлениях двигаться

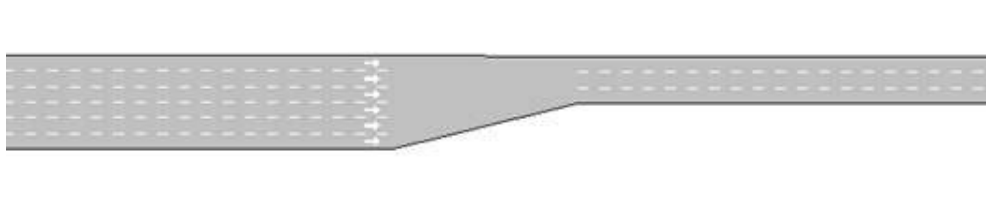
запрещено (ПДД 6.3, 6.4). При таком способе регулирования движения водитель должен быть уверен, существует ли дополнительная секция или нет, что очень сложно, когда она не горит. В такой ситуации легко ошибиться, особенно вечером. Желательно, чтобы одного взгляда на светофор было достаточно, чтобы понять разрешенные направления движения.

6) Резко сокращающееся количество полос

В Москве есть участки дорог, где резко сокращается количество полос движения. Например, восьмиполосная проезжая часть резко сокращается до трех по-

лос перед тоннелем. Естественно, возникают затруднения движения, так как водители перестраиваются на внутренние полосы. С увеличением транспортного потока эти затруднения превращаются в пробки.

7) Переходы без светофоров

Не только на больших, но и на малых улицах существуют пешеходные переходы без светофоров. Естественно, на таких пешеходных переходах без светофоров пешеходы пользуются преимуществом пе-

ред транспортными средствами. Согласно Кодексу об административных правонарушениях РФ (ст. 12.18) за нарушение этого правила на водителя налагается штраф 800–1000 рублей. В последнее время автомобили стали уступать дорогу пешеходам.

Однако когда увеличивается поток машин и пешеходов, автомобили скапливаются перед пешеходным переходом, и это тоже становится причиной пробок. А также опасно с точки зрения пешеходов.

2.3. Другие проблемы

Я хотел бы остановиться на некоторых проблемах, которые связаны с особенностями Москвы.

1) Слишком длительная фиксация ДТП

Согласно ПДД 2.5 водитель обязан при ДТП немедленно оставить машину в том положении, в которой произошла авария, и принять дальнейшие меры согласно ПДД. Это же правило есть и в других странах за рубежом, но в Москве часто создаются пробки из-за того, что инспекторы ГИБДД зачастую слишком поздно добираются до места ДТП. Конечно же, в обязанности водителя при ДТП входит создание благоприятных условий движения для других транспортных средств по проезжей части. Но эта обязанность не всегда выполняется. Часто ДТП происходят на трамвайных путях, что приводит к многочасовым заторам.

2) Непредсказуемое перекрытие дорог

Когда движется особо охраняемое лицо, ГИБДД перекрывает улицы и включает красный свет светофора. Понятно, что это необходимо с точки зрения обеспечения безопасности. Проблемой является то, что водителей не информируют о возможных путях объезда и времени, на которое движение будет перекрыто. Водители остаются в неведении. Долгое ожидание и естественно возникающее раздражение водителей тоже создают угрозу безопасности движения. Такие перекрытия движения необходимо делать как можно реже и подумать о том, какое они оказывают влияние на дорожную обстановку.

3) Большое количество неисправных машин, останавливающихся на проезжей части

Часто машины останавливаются на проезжей части из-за неисправности. В этих случаях даже на дорогах с высокой пропускной способностью возникают пробки. Поскольку нет информации о поломках на дорогах, водители не могут

предвидеть возникновение пробок. Большое количество поломок на дорогах связано с тем, что транспортные средства не всегда проходят технический осмотр соответствующим образом. Как выход можно рассмотреть вариант быстрого устранения неполадок и отказ от использования машин, которые находятся в плачевном состоянии.

3. Основные подходы к мерам по устранению пробок

Для того чтобы исправить нынешнюю ситуацию с пробками, необходимо принять меры, которые основываются на трех принципах.

3.1. Три основных принципа

1) Постепенное усиление штрафных санкций за нарушение ПДД

Понятно, что проблемы, связанные с несанкционированной парковкой на проезжей части, можно решить усилением штрафных санкций. Однако если с самого начала применять жесткие санкции, это вызовет протесты водителей. Водители должны понимать, что администрация города старается улучшить дорожную обстановку, принимая различные меры. Необходимо постепенно усиливать штрафные санкции в процессе реализации мер по борьбе с пробками.

2) Предоставлять как можно больше информации

Водителям нужно давать максимально полную информацию, если это не создает проблем с точки зрения безопасности. В настоящее время в Интернете помещается информация о дорожных пробках в городе. Но после того как водитель садится за руль, он лишается доступа к этой информации. Если бы водители знали, сколько им придется ожидать в пробке, по какому маршруту можно объехать пробку, они могли бы сами принять решение, как действовать. Это способствовало бы снятию беспокойства, раздражительности водителей и более безопасному движению.

3) Осуществлять реалистичные меры

Пропускная способность дорог Москвы близка к своему пределу. В Москве

уже нельзя думать только о мерах, которые требуют больших вложений и многолетнего строительства. Таким образом, необходимо планировать долгосрочные меры по совершенствованию дорожной инфраструктуры, одновременно решая ситуацию с пробками путем сочетания быстрых и конкретных мер. Поэтому в своей программе я предложу меры, которые могут быть приняты быстро и без больших вложений.

3.2. Три основных направления мер

1) Совершенствование управления дорожным движением

В условиях интенсивного дорожного движения необходимо совершенствовать системы его регулирования, которые сейчас можно назвать нелогичными. Необходимо совершенствовать управление дорожным движением и наиболее эффективно использовать уже имеющуюся дорожную сеть.

2) Развитие инфраструктуры

Одновременно необходимо выработать и постепенно осуществлять план развития инфраструктуры дорог в местах, где необходимо увеличить пропускную способность дорог.

3) Просвещение водителей и штрафные санкции

Сначала нужно проводить просветительскую работу в отношении водителей, а затем постепенно усиливать штрафные санкции, когда меры, описанные в изложенных выше пунктах 1 и 2, дадут определенный результат.

4. Конкретные меры

Теперь я хотел бы перечислить меры по исправлению ситуации с пробками.

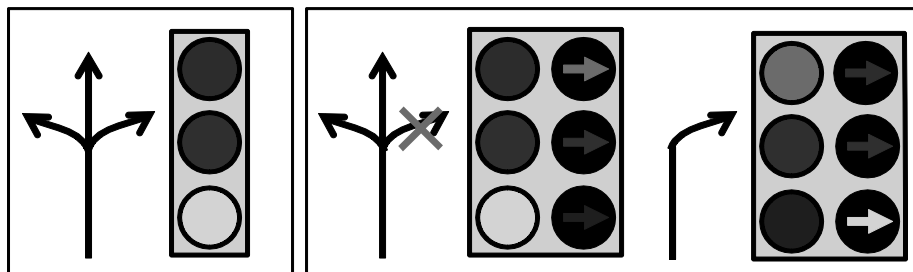
4.1. Совершенствование регулирования дорожного движения

1) Изменение расположения светофоров и дополнительных секций

Необходимо провести оценку того, насколько рационально расположены на больших перекрестках и легко понятны светофоры и их дополнительные секции. Кроме того, необходимо ликвидировать (в случае если это не создает дополнительной опасности) повороты налево с дополнительных боковых дорог и сделать их более понятными. Желательно, если это возможно, вести мониторинг ситуации на перекрестке в реальном времени и на его основе включать дополнительные секции. Длину цикла переключения светофора установить как можно короче — в пределах 100 секунд.

2) Изменение работы светофора при регулировании поворотов направо и налево

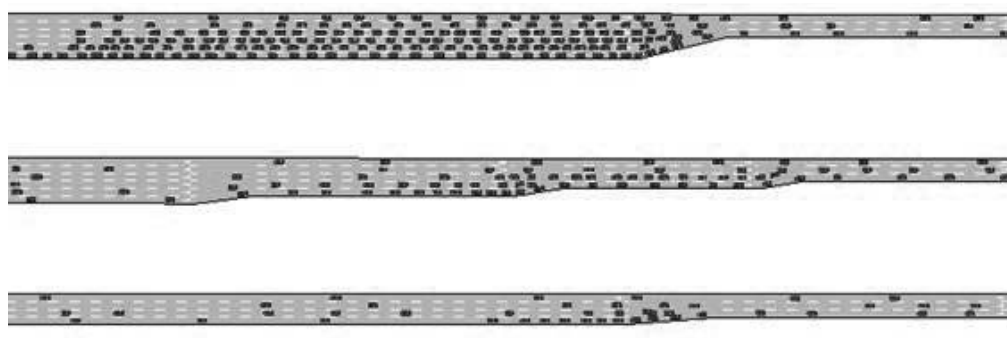
На светофорах с дополнительными секциями для стрелок налево и направо ввести их подсветку красным и желтым цветом. Следует установить следующее: зеленый свет без дополнительных обозначений направления означает, что движение разрешено во всех направлениях, это устранит лишние проблемы из-за неопределенности ситуации. Кроме того, следует разрешить, как правило, движение вперед и поворот направо в зависимости от загруженности перекрестка и количества ДТП в прошлом. Если пешеходный переход находится сразу за поворотом направо, то автомобили должны предоставлять пешеходам преимущество. Непредоставление этого преимущества в соответствии со статьей 12.18 КоАП РФ должно наказываться штрафом.

3) Плавное сокращение количества полос движения

Там, где неизбежно сокращение полос движения, сокращать их не резко, а постепенно, тем самым растягивая точки пересечения транспортных потоков. Необязательно устанавливать какие-то специальные заградительные барьеры. Можно оповещать водителей заранее о сокращении

числа полос и тем самым переводить автомобили на другие полосы. В зависимости от интенсивности движения, может быть, лучше сократить количество полос по всей длине дороги. Освободившиеся полосы можно эффективно использовать для остановок общественного транспорта, размещения парковок и создания специальных полос для поворота налево и направо.

Сравнение движения по дорогам с одинаковой интенсивностью транспорта и разным количеством полос

4) Установка светофоров перед пешеходными переходами вне перекрестков

Устанавливать на участках дорог с переходами светофоры, на которых пешеходы могли бы включать красный свет нажатием кнопки. Регулировать включение светофора необходимо так, чтобы синхронизировать работу светофора по всей длине дороги.

5) Увеличение количества двухэтапных пешеходных переходов

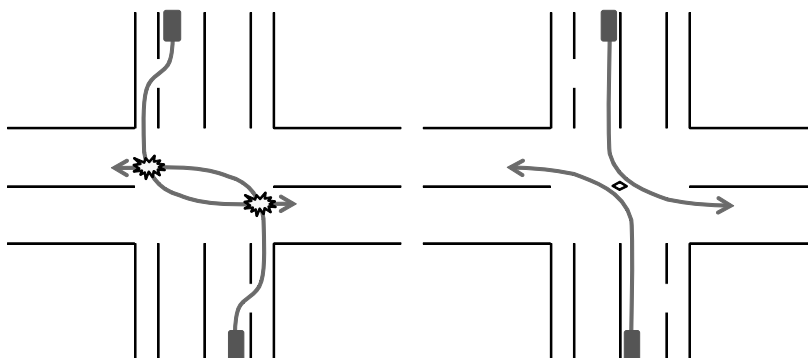
На дорогах с широкой проезжей частью необходимо в середине дороги создать островок безопасности для пешеходов. На этих островках безопасности можно также установить кнопки переключения для оставшегося участка дороги. Таким образом можно повысить безопасность пешеходов и сократить время работы запрещающего сигнала светофора. Такие места в городе уже есть, их количество необходимо увеличивать.

4.2. Развитие инфраструктуры

1) Обустройство автомобильных парковок

В настоящее время не хватает автомобильных парковок, и постепенно за

2–3 года их количество необходимо увеличить. Необходимо прежде всего изучить потребности в парковках и провести для этого исследование, определить, в каких районах и сколько парковочных мест не хватает. На основании этого исследования в тех местах, где уже сейчас скапливаются автомобили, устроить парковочные места. Все это необходимо сочетать со строительством крупных автомобильных парковочных комплексов рядом с метро или пунктами пересадок на общественный транспорт. Так можно обеспечить 70–80% потребностей в парковках. Во время обустройства дополнительных парковок, чтобы добиться эффективного размещения автомобилей, необходимо четко обозначать на дорожном покрытии места для парковки каждого автомобиля. Важно сделать так, чтобы легко можно было различить места, где нельзя парковать автомобили, исходя из потребностей безопасности дорожного движения и необходимости предотвращения пробок, и места, где можно парковать транспортные средства.

2) Создание левоповоротных карманов

Необходимо наряду с изменением работы светофоров по возможности создавать карманы для поворота налево, которые вбирали бы в себя транспортные средства, уходящие на перекрестках налево. Кроме того, нужно спланировать полосы движения транспортных средств так, чтобы водители встречных потоков при повороте налево не мешали друг другу, и при этом сделать работу светофоров эффективной. Там, где есть боковые вспомогательные дороги, необходимо их устранить либо сделать их специальными дорогами для движения направо и прямо.

3) Улучшение ситуации в местах, где происходит слияние транспортных потоков

За исключением тех мест, где нет интенсивного движения транспорта, необходимо пересмотреть целесообразность участков полос, где транспортные потоки сливаются и расходятся. В качестве решения такой ситуации прежде всего можно предложить строительство многоуровневых перекрестков, на которых бы сливалась только часть полос. Исследования показывают, что чем длиннее промежуток слияния полос, тем ниже его негативное влияние на возникновение пробок. Поэтому можно рассмотреть вопрос удлинения участков слияния полос движения, а также установить правила, запрещающие остановку транспортных средств вблизи участков слияния потоков (см. 4 из 4.3).

4) Создание специальных маршрутов, по которым можно было бы объезжать пробки

Эти маршруты могли бы быть закрыты для движения в обычное время, но в

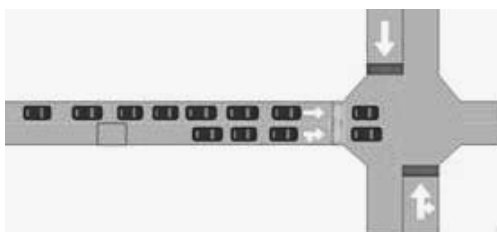
случае ДТП и перекрытия движения могли бы быть открыты по решению ГИБДД. Это могут быть дороги как для разворота, так и для ухода на боковые вспомогательные дороги.

4.3. Просвещение водителей и штрафные санкции

1) Запрещение стоянки в 30 метрах от перекрестка

Если автомобили паркуются поблизости от перекрестка на проезжей части, то пропускная способность перекрестков резко снижается. Это касается двухполосных дорог, где поворот направо и налево осуществляется с отдельных полос. Однако по мере удаления от перекрестков это влияние уменьшается (см. схему). В принципе если машины будут парковаться на расстоянии, на которое обычно выстраивается очередь в ожидании разрешающего сигнала светофора, это не будет влиять на снижение пропускной способности на перекрестке. Поэтому, принимая во внимание недостаток мест для парковки, предлагается запретить стоянку транспортных мест в 30 метрах от перекрестка. Чтобы сократить очередь автомобилей, ожидающих на перекрестке разрешающего сигнала светофора, необходимо также уменьшить цикл переключения светофора из запрещающего на разрешающий.

Согласно ПДД 12.4 запрещена стоянка автомобилей на расстоянии 5 метров от перекрестка. Целесообразно увеличить это расстояние до 30 метров. Хотя после перекрестка это расстояние можно оставить прежним в 5 метров и усилить контроль над соблюдением этой меры.

2) Пропаганда «умного вождения»

Даже если устранить проблемы регулирования движения и дорожной инфраструктуры, но при этом водители не будут соблюдать принципы «умного» вождения, желаемого результата по ликвидации пробок не будет. Поэтому важно вести пропаганду «умного» вождения, используя в качестве лозунга такие слова, как «не гони, не влезай, не догоняй», и внушить водителям, насколько их действия способствуют возникновению пробок и могут привести к опасным для них ситуациям. Эти лозунги необходимо популяризировать через рекламу на радио, телевидении, газеты, Интернет, наружную рекламу.

3) Четкое обозначение мест, где запрещена остановка

Необходимо предотвращать пробки, которые возникают из-за того, что водители выезжают на перекресток, когда впереди возникает затор, и по этой причине не могут пересечь перекресток до включения запрещающего сигнала светофора. В таких случаях необходимо четко обозначить места, к которым водитель должен быть более внимателен, в том числе перекрестки и места слияния полос. В Великобритании уже введены так называемые «желтые квадраты» (см. рис.). Если водитель остановится внутри желтого квадрата после включения запрещающего сигнала светофора, полиция его оштрафует.

Желтые квадраты в Лондоне

4) Создание «отрядов по ликвидации пробок»

Предлагается создать мобильный отряд по ликвидации пробок, который ставил бы своей задачей улучшение ситуации с пробками. Этот отряд можно было бы скомплектовать из прикомандированных сотрудников ГИБДД, но можно было бы создать и придать ему статус обще-

ственной организации. Заработная плата сотрудников этого отряда должна быть выше, чем в ГИБДД. В задачи этого отряда должен входить главным образом контроль за нарушением знаков стоянки в тех местах, где такие нарушения часто становятся причинами пробок, а также предотвращение заторов на перекрестках и т.д.

5) Предоставление водителям максимально полной информации

Необходимо сообщать о пробках не только по радио, но и иными информационными средствами, а также рассматривать возможность создания систем информирования водителей с использованием ITS. Одновременно нужно использовать все доступные формы информирования о пробках, которые возникают из-за аварий и перекрытий дорог. Например, можно использовать такую информацию — «Впереди пробка из-за аварии. Рекомендуем объезд», «Дорога впереди перекрыта на 30 минут». Такая информация, которая говорит о пробках и предлагает пути объезда, может располагаться на световых щитах, установленных на транспортных средствах, предназначенных для дорожных работ. Важно, чтобы водитель на основе полученной информации мог самостоятельно определить свои действия в данной ситуации.

6) Введение платы за стоянку либо за прет стоянки

Сейчас, когда в городе стали появляться оборудованные для парковки места, необходимо исправить укоренившееся в обществе отношение к платной стоянке как излишней трате денег. Подобными мерами можно воздействовать на водителей, чтобы те не парковали машины на проезжей части и не использовали автомобили без необходимости. Часть полученных за парковку денег мож-

но было бы использовать для обустройства новых парковок, а часть пустить на финансирование специального отряда по ликвидации пробок. Визировать средства за парковку мог бы как отряд по борьбе с пробками, так и отдельные организации.

7) Сокращение времени фиксации ДТП и устранения неполадок в автомобилях на дорогах

Необходимо сделать так, чтобы участвующие в незначительном ДТП транспортные средства могли быть сразу перемещены в более подходящее место в том случае, если ДТП может привести к возникновению пробки. Например, работник ДПС, находящийся поблизости, мог бы сразу прибыть на место происшествия, сделать фотоснимки ДТП, и после этого транспортные средства могли бы быть перемещены в более подходящее место для дальнейшего оформления.

8) Принятие закона об обязательном обустройстве парковок при новом строительстве

Необходимо принять закон, который бы установил, что при строительстве новых зданий, особенно высотных, на инвесторов возлагается обязанность обеспечить строящиеся дома соответствующими парковочными местами. Одним словом, нужно привить инвесторам и строителям правило, что каждое новое строительство должно быть обеспечено парковочными местами.

Презентация журнала «Сравнительная политика» и научно-образовательного комплекса «Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации» в МГИМО-Университет (31 мая 2010 г., г. Москва)

В МГИМО состоялся круглый стол, посвященный презентации журнала «Сравнительная политика» и научно-образовательного комплекса «Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации».

«Все познается в сравнении» — эта фраза, произнесенная в выступлении одним из членов редакционной коллегии журнала, послужила своеобразным лейтмотивом презентации и основой для дискуссии по широкому кругу научно-методологических и практических вопросов, в которой приняли участие представители ведущих российских академических, научно-исследовательских, экспертных и образовательных центров (Института востоковедения РАН, ИМЭМО РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института США и Канады РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Дипломатической академии МИД России, ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, РАГС, РИСИ, Центра политических технологий, группы компаний «Никколо М», Российской ассоциации политической науки и других), а также министерств и ведомств, чья практическая деятельность самым непосредственным образом увязана с проблематикой, рассматриваемой в материалах журнала и монографии (Ап-

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

парата Совета Федерации, МИД России, Центральной избирательной комиссии, Минпромэнерго). Мероприятие вел декан факультета политологии, главный редактор журнала «Сравнительная политика» профессор А.Д. Воскресенский.

Презентация журнала, ориентированного на научно-экспертное и образовательное сообщество, стала уникальной возможностью пригласить к обмену мнениями видных деятелей отечественной науки, представителей ключевых министерств и ведомств, высших учебных заведений и экспертных организаций.

Среди гостей мероприятия, принявших участие в дискуссии, были директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин, проректор Дипломатической академии МИД России Т.Н. Мозель, председатель правления Центра политических технологий Б.И. Макаренко, декан факультета политологии МГУ А.Ю. Шутлов, советник президиума РАН академик В.С. Мясников, член-корреспондент РАН Г.И. Чуфрин, заместитель директора Института востоковедения РАН В.Я. Белокреницкий, заместитель директора ИСАА при МГУ Л.В. Гевелинг, заместитель директора ИСАА при МГУ А.Н. Карнеев, руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН Т.Л. Шаумян, председатель совета директоров группы компаний «Никколо М» И.Е. Минтусов, заместитель директора Третьего департамента Азии МИД России Л.Г. Воробьева, начальник отдела Департамента информации и печати МИД России В.П. Козин, заведующая кафедрой социологии и психологии политики МГУ Е.Б. Шестопал, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Ю.М. Галенович, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН А.В. Виноградов, заведующая кафедрой политологии Востока ИСАА при МГУ М.Ф. Ви-

дасова, профессор РГГУ А.Б. Каримова, доцент РГГУ В.И. Журавлева, руководитель отделения международных отношений доцент РГГУ О.В. Павленко, главный редактор журнала «Полис» С.В. Чугров, главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии» А.А. Куртов, профессор ИСАА при МГУ В.А. Мельянцев, заместитель главного редактора журнала «Ценности и смыслы» А.Ю. Бисеров, выпускающий редактор журнала «Ценности и смыслы» А.С. Кадыкова, директор программ Фонда «Таджикистан» С. Шохзода, начальник Управления общественных связей и информации Аппарата ЦИК России С.Е. Заславский, заведующие, профессорско-преподавательский состав и аспиранты кафедр политической теории, сравнительной политологии, мировых политических процессов, прикладного анализа международных проблем, гражданского общества, востоковедения, мировой экономики и других.

На обсуждение был вынесен следующий круг вопросов:

- Каковы могут быть методологически корректные подходы к сравнению различных политических явлений и институтов?
- Каковы перспективы практического анализа и сравнения политических систем различных типов?
- Как можно проводить сравнительный анализ процессов модернизации?
- Каково место Востока в сравнительном анализе мировых процессов?

Выступавшие отметили удачное название, выбранное для журнала, предполагающее анализ не только сугубо теоретических вопросов, но и прикладных аспектов, связанных с реальной политикой, а также размещение дидактических материалов. Особо был подчеркнут высокий профессиональный уровень журнала, наличие четкой и понятной концептуальной основы, ярко выраженное жанровое своеобразие, качественная рубрикация первого

номера и интересный формат второго (специализированный выпуск «Восток в мировой политике»). Ряд дискуссионтов, среди которых был и директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин, высказали рекомендацию со временем включить журнал в перечень периодических изданий, реферируемых ВАК.

В рамках дискуссии по вопросу о месте Востока в сравнительном анализе мировых процессов участниками презентации была отмечена интересная методологическая и концептуальная база научно-образовательного комплекса «Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации». Стоит также отметить, что приятным событием для авторского коллектива научно-образовательного комплекса стала рецензия на монографию председателя Комитета Государственной Думы по международным делам К.И. Косачева, в которой содержится высокая оценка труда коллектива авторов.

Завершая презентацию, А.Д. Воскресенский отметил, что сейчас как никогда остро ощущается недостаток высокопрофессиональных дискуссий и рефлексии по поводу того, что пишет и выражает профессиональное сообщество. Отраден в этой связи интерес к мероприятию, который проявили аспиранты различных факультетов МГИМО, и прежде всего факультета политологии. В данном контексте состоявшееся мероприятие представляет собой еще один шаг к более четкому осознанию и формулировке ключевых идей, важных не только для самого научно-академического и экспертного круга специалистов, но и для задач развития и модернизации нашей страны в целом, ведь не случайно самый первый номер журнала «Сравнительная политика» открывается стенограммой заседания Государственного Совета России по вопросам развития политической системы Российской Федерации.

Исследование политических режимов: опыт демократии (20–21 мая 2010 г., МГИМО-Университет, г. Москва, Институт демократии и сотрудничества, г. Нью-Йорк)

20–21 мая в МГИМО-Университете состоялся семинар, организованный Институтом демократии и сотрудничества (г. Нью-Йорк, США). В его работе приняли участие ведущие американские, европейские и российские исследователи-политологи. В их числе — Адам Пшеворский, Иан Шапиро, Джон Данн, Хосе Мария Мараваль, Джон Фэрджон, Паскуале Паскино, Стивен Холмс, Андралик Мигранян, Андрей Мельвиль, Михаил Ильин, Алексей Воскресенский, Татьяна Алексеева, Борис Макаренко, Валерий Соловей, Михаил Миронюк и другие.

Московский семинар, тема которого была обозначена как «Исследование политических режимов: опыт демократии», стал продолжением встреч, состоявшихся ранее в Нью-Йорке. Как и предыдущие, он был отмечен живым и продуктивным обсуждением ключевых проблем теории и практики демократии и увенчается, как надеются организаторы проекта, подготовкой коллективного монографического исследования.

В ходе работы двух секций «Выборы в политическом контексте» и «Выборы: практические аспекты» прозвучала точка зрения о том, что теория демократии

не свободна от некритического восприятия и абсолютизации опыта функционирования политических институтов демократии. Иначе говоря, в определенных контекстах институт выборов может работать «против» стабильности демократии. Впрочем, Адам Пшеворский заметил, что это утверждение нуждается в систематической эмпирической проверке. Было также высказано мнение, что главное назначение института выборов — «наводить страх» на избранных представителей и сдерживать их от «плохих» действий.

Остротой отличалась также дискуссия, развернувшаяся во время работы секции «Демократия в России» (при том, что она проходила в объективистском научном русле, предложенном А. Пшеворским).

Отдельного внимания заслуживает секция «Предпосылки для становления демократии». Следует отметить, что значительную часть времени обсуждались как раз предпосылки становления новых недемократий в результате трансформационных процессов 1990–2000-х годов.

В свою очередь, дискуссия по теме «Демократии незападного типа» заставляет сделать вывод, что традиционные взгляды на «неадекватность» демократических институтов западного типа не вполне оправданны. Имея зачастую «незападное» наполнение, они способны менять контекст, в котором «приживаются» (хотя с добавлением «когда и если»).

В целом же прошедшее мероприятие стало совершенно уникальным по масштабу обсуждаемых проблем, широте и глубине политологического дискурса и содержания, а также по формату проведения, обозначив острые и дискуссионные вопросы, анализ которых является важным направлением современных политологических исследований международного уровня.

Круглый стол «Национальная и личностная идентичность в глобальном мире» (расширенное заседание редакционной коллегии журнала «Ценности и смыслы», Институт эффективных технологий, 17 июня 2010 г., г. Москва)

17 июня 2010 г. в Институте эффективных технологий состоялась расширенное заседание редакционной коллегии журнала «Ценности и смыслы» и круглый стол на тему «Национальная и личностная идентичность в глобальном мире».

Круглый стол вели режиссер П.С. Лунгин, главный редактор журнала «Ценности и смыслы» С.В. Иванова и заведующий кафедрой социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН П.К. Гречко. В обсуждении участвовали представители МГУ, РУДН, Пограничной академии ФСБ. От МГИМО в мероприятии приняли участие декан факультета политологии А.Д. Воскресенский и заместитель декана Е.В. Колдунова.

Открывая круглый стол, С.В. Иванова отметила, что тема идентичности уже давно обсуждается в российском обществе, однако пока не существует ни общего представления, ни целостного видения данной проблематики на государственном уровне. В свою очередь П.К. Гречко обозначил узловые моменты темы, задав общие параметры дальнейшей дискуссии.

П.С. Лунгин высказал точку зрения о том, что для русского народа со времен Ивана Грозного характерно раздвоение сознания и двойное восприятие государства. Результатом такой амбивалентности, формирующей общие параметры экзи-

стенциальной идентичности, становится сосуществование в нас двух истин — правды государства и правды личного общения.

В рамках обсуждения поставленных проблем А.Д. Воскресенский акцентировал особое внимание на проблемах конструирования гражданско-правовой идентичности и обратил внимание на новое современное звучание конфуцианской концепции «исправления имен» (*чжэнь мин*).

Общим выводом дискуссии в рамках круглого стола стала мысль о том, что место каждой идентичности (город, регион, этнос, страна, глобальный мир и т.д.) должно быть гармонично выстроено. Только в таком случае удастся избежать конфликтных проявлений и нежелательной политизации отдельных аспектов идентичности.

VII Съезд российских востоковедов (13–16 сентября 2010 г., г. Звенигород)

С 13 по 16 сентября в Звенигороде прошел VII Съезд российских востоковедов. Работа съезда была организована в рамках трех секций, посвященных соответственно политическим аспектам востоковедческих исследований, историческим, археологическим и культурным вопросам востоковедения, а также современным научным и педагогическим направлениям изучения стран Востока.

Среди участников съезда были представители основных академических и учебных востоковедных центров России (включая Институт востоковедения РАН, Институт Дальнего Востока РАН,

Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова, Казанский университет, Дальневосточный государственный университет и др.) и стран СНГ. Со стороны МГИМО в съезде приняли участие первый проректор профессор А.Д. Богатуров, декан факультета политологии профессор А.Д. Воскресенский, заведующий кафедрой востоковедения профессор Д.В. Стрельцов, профессора кафедры востоковедения В.Я. Белокреницкий, И.Д. Звягельская, старший преподаватель кафедры востоковедения, заместитель декана факультета политологии Е.В. Колдунова.

На съезде обсуждались актуальные вопросы отечественных востоковедческих исследований, междисциплинарные и сравнительные аспекты современных научных разработок в области изучения Азии и Африки, а также пути решения проблемы эффективного соединения классического и современного циклов востоковедения. Об общей ситуации, сложившейся сейчас в востоковедных исследованиях и новых вызовах, с которыми сталкивается востоковедная наука, в своих приветственных обращениях к собравшимся рассказали директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин, директор ИСАА при МГУ М.С. Мейер, директор ИДВ РАН М.Л. Титаренко. Профессор А.Д. Богатуров, выступая перед участниками съезда на пленарном заседании, особо подчеркнул тесную связь МГИМО с востоковедческими исследовательскими центрами Российской академии наук.

В рамках работы секций съезда профессор А.Д. Воскресенский выступил с докладом о развитии такого современного направления востоковедческих исследований, активно развивающегося в рамках МГИМО, как политология Востока, и осветил перспективы формирования нового предметного поля на стыке политологии и классического востоковедения. Охарактеризовав основные задачи политического востоковедения, он также обратил внимание на разворачивающуюся в международном академическом сообществе дискуссию о возможностях и пер-

спективах формирования незападной политической теории международных отношений. В свою очередь, профессор Д.В. Стрельцов рассказал об основных направлениях научной деятельности кафедры востоковедения МГИМО. В своем докладе Е.В. Колдунова обозначила параметры исследования проблем региональных трансформаций на Востоке с учетом политико-экономических аспектов и вопросов безопасности.

В рамках съезда также состоялась презентация журнала «Сравнительная политика» (главный редактор — профессор А.Д. Воскресенский), один из первых номеров которого посвящен теме Востока в мировой политике.

Презентация журнала «Сравнительная политика» на VII Съезде российских востоковедов (15 сентября 2010 г., г. Звенигород)

В рамках VII Съезда российских востоковедов состоялась презентация первых двух номеров журнала «Сравнительная политика». Об общей концепции, задачах и тематическом содержании журнала собравшимся рассказали главный редактор, д.полит.н., профессор, декан факультета политологии МГИМО-Университета А.Д. Воскресенский и член редакционного совета журнала д.и.н., профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН В.Я. Белокреницкий.

Отдельное внимание собравшихся было уделено второму, специальному, выпуску журнала, посвященному теме Востока в мировой политике, которая

органично вписывалась в рамки общих дебатов съезда. В частности, широко обсуждался вопрос о возможных путях сочетания традиционного и современного циклов востоковедения, которые позволили бы этому научному направлению соответствовать духу времени и при этом не утратить уже накопленные классическими исследованиями опыт и знания. Методологический и содержательный подход к анализу роли стран Востока в современных международных политико-экономических процессах, предложенный в специальном выпуске журнала, как раз и представляет собой попытку предложить один из вариантов решения поставленной проблемы.

Презентация журнала вызвала большой интерес у собравшихся и стала основой для плодотворных дискуссий. В частности, уже в рамках обсуждения по итогам презентации участниками съезда были выдвинуты интересные и конструктивные идеи о тех проблемах востоковедной политологической тематики, которые могли бы найти отражение в последующих номерах. В частности, от коллег из Татарстана поступили предложения о формировании специального тематического номера, посвященного сравнительному анализу политических процессов, происходящих в регионе Большого Ближнего Востока.

VI Конвент Российской ассоциации международных исследований (МГИМО-

Университет, 24–25 сентября 2010 г., г. Москва)

24–25 сентября 2010 г. в МГИМО-Университете прошел VI Конвент Российской ассоциации международных исследований, посвященный теме «Россия и мир после мирового кризиса: новые вызовы, новые возможности».

В рамках пленарного заседания перед собравшимися выступили с приветствиями и докладами статс-секретарь — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Г.Б. Карасин, президент РАМИ, ректор МГИМО-Университета, академик РАН А.В. Торкунов, исполнительный директор Ассоциации исследования проблем славистики, Восточной Европы и Евразии профессор Линда Парк, декан факультета прикладной политологии ГУ — ВШЭ профессор А.Ю. Мельвиль, президент Фонда «Новая Евразия» А.В. Кортуннов, первый проректор МГИМО-Университета А.Д. Богатуров.

Работа конвента проходила в рамках двадцати девяти секций и четырех круглых столов. За это время в фокусе внимания собравшихся оказался целый спектр вопросов посткризисного развития, начиная от политэкономических последствий глобального кризиса и заканчивая вопросами межкультурной коммуникации.

**Материалы рубрики подготовлены
Е.В. Колдуновой, М.Г. Миронюком**

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Региональные трансформации в «Большой Восточной Азии»: выводы для внешне-политической стратегии России

Белокреницкий В.Я., Воскресенский А.Д., Денисов В.И., Ефимова Л.М. и др. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО-Университет, 2010. 444 с.

Уже давно вполне очевидным стал факт, что анализ глобальных политико-экономических изменений в современном мире вряд ли может считаться продуктивным без рассмотрения их регионального измерения. Процессы сдвига экономических центров силы в направлении стран Восточной Азии, интенсифицировавшиеся под влиянием мирового финансового кризиса, появление новых форматов сотрудничества межрегионального (БРИК) и глобального (Большая двадцатка), с участием новых растущих азиатских экономик, уровня — вот лишь некоторые из новых тенденций, иллюстрирующих это утверждение. Следовательно, для формулировки адекватной современным реалиям внешнеполитической линии российского государства как на региональном, так и на глобальном уровнях необходимо четкое понимание ситуации в регионах, располагающихся по периметру российских границ и с геоэкономической точки зрения являющихся естественными партнерами России. Макрорегион «Большой Восточной Азии», переживающий в настоящее время динамичные процессы конвергенции и развития регионального сотрудничества субрегионов Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии, как раз относится к числу таких важных и перспективных соседей.

Для России «Большая Восточная Азия» — это прежде всего комплекс экономических возможностей, политико-экономическое пространство, где могут быть в полной мере реализованы российские конкурентные преимущества. Однако в то же время это и территория со

сложным набором проблем безопасности в самом широком их понимании, замыкающая своеобразную евроазиатскую «дугу нестабильности». Именно поэтому монография авторского коллектива МГИМО-Университета и представителей ведущих российских аналитических центров (ИМЭМО РАН, ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, Амурского государственного университета, под ред. профессора А.Д. Воскресенского¹), посвященная трансформационным процессам в этом значимом макрорегионе мира, является важной и очень своевременной.

Представляется, что в отечественных и зарубежных исследованиях пока не создано аналога такой монографии, не только качественно сочетающей теоретическую концептуализацию с подробным анализом конкретного регионального материала, но и представляющей комплекс практико-ориентированных выводов. В то же время концептуальным осмыслением этой проблематики активно занимаются аналитики США, Франции, Китая, Японии, Южной Кореи и других держав, вовлеченных в восточноазиатские региональные процессы.

Структурно монография подразделяется на две части. Первая часть содержит анализ макрорегиональных тенденций в увязке с проблемами мирополитического уровня с точки зрения вопросов глобального лидерства и роли Китая в этом контексте, сдвигов в мировой геоэкономической структуре с учетом появления новых растущих экономик в Азии, дискуссий об экономической роли Китая и Индии, аспектов политической модернизации, интеграционных процессов и угроз

¹ Авторский коллектив: В.Я. Белокреницкий (гл. 10), А.Д. Воскресенский (введение, гл. 1, 3, § 1, 4, 6, 7, 11, 13, 15, заключение), В.И. Денисов (гл. 8), Л.М. Ефимова (гл. 3), К.А. Ефремова (гл. 12), Е.В. Колдунова (гл. 5, 6), С.Г. Лузянин (гл. 14), С.И. Лунев (гл. 4, 9), Н.В. Стапран (гл. 4), Д.В. Стрельцов (гл. 4), В.А. Мельянцева (гл. 2, § 2–5), А.И. Салицкий (гл. 2, § 1), О.А. Тимофеев (гл. 11, § 6).

безопасности в их расширенном понимании (гл. 1–6).

Вторая часть, отталкиваясь от теоретического анализа, акцентирует внимание на конкретных региональных аспектах и проблемах, в том числе в связи с поиском возможных путей укрепления российских позиций в Восточной Азии (гл. 7–15), включая анализ потенциала и перспектив треугольника Россия — Китай — Индия, российско-китайского регионального сотрудничества, поставки российских вооружений в регион и т.д. Как справедливо отмечают авторы, «формирование Большой Восточной Азии отражает одну из наиболее перспективных узловых тенденций регионального развития» (с. 362), которую Россия может и должна учитывать в своей внешнеполитической стратегии.

Символично, что в завершающей монографии главе, посвященной перспективам развития сотрудничества и интеграции в «Большой Восточной Азии» с участием Российской Федерации, особо подчеркивается значение энергетических проектов и приводятся примеры их возможной реализации в целях усиления позиций России в региональном масштабе (с. 355). Такое понимание роли энергетики, не традиционно-сырьевое, а реализуемое на новом технологическом и пространственно-региональном уровне, напрямую коррелирует с одним из основных стратегических векторов экономической модернизации российского государства, предложенных президентом Д.А. Медведевым².

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая книга относится к редкому, инновационному жанру. Она представляет собой научно-методический комплекс, т.е. высококласное исследование сопряжено с приложением подробной методики его использования в обучении. Книга эта — прекрасный повод задуматься о том, как можно влиять на региональные изменения путем форматирования двусторонних региональных отноше-

ний, а также каким образом происходящие в мировой политике изменения увязываются с региональными трансформациями, экспортом вооружений, энергетической дипломатией, каков облик современного восточноазиатского макрорегиона, еще полвека назад вряд ли имевшего возможность претендовать на роль центра мировой экономики, в чем заключаются эндогенные и экзогенные причины таких удивительных метаморфоз, а также каким образом российская внешняя политика в регионе может быть эффективно реализована на основе реальной научно-экспертной базы, попытки расширить которую очевидно просматриваются в материале книги.

Полагаю, что эта работа будет интересна и полезна всем интересующимся современными проблемами мировой политики, их региональными аспектами, перспективами развития России в современном мире, включая молодое поколение обучающихся по международной политической проблематике, для удобства которых книга снабжена подробными методическими комментариями, программой обучения и списком литературы.

К.И. Косачев,
председатель Комитета
Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
по международным делам

Оседлавший время: Нурсултан Назарбаев и модернизация Казахстана

Назарбаев Н. В стремлениях времени: от коммунизма к капитализму. Первые уроки экономики нового века. Алматы : Атамұра, 2010. 280 с.

Сейчас, когда перед Россией стоят задачи поиска собственной модели модернизационного развития, как никогда своевременным представляется внимательный и объективный анализ успехов, которых добились на этом поприще другие государства, в сжатые исторические сроки осуществляющие осовременивание

² Медведев Д.А. Россия, вперед! [Электронный ресурс] / Портал «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413>

в самом широком понимании этого слова. Особенно актуален для России опыт тех стран и народов, которые на протяжении прошедшего века были объединены с российским государством общей историей и логикой развития, а затем пустились в свободное плавание независимого существования, сталкиваясь на этом пути со всеми сложностями адаптации к изменчивым условиям окружающего мира.

С этой точки зрения книга президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева представляет особый интерес не только как исследование, суммирующее основные итоги развития Казахстана в условиях высокой экономической неопределенности, но и как материал, основанный на глубоко сравнительном анализе стратегий и направлений развития других стран, опыт которых был учтен Казахстаном при проведении структурных реформ. Среди них — Япония, США, Бразилия, Китай, Россия, НИС и государства Центральной Азии.

Нурсултан Назарбаев — политический деятель особого, достаточно редко для политика международного масштаба, рода: он известен не только своей личной ролью в модернизации Казахстана, но и как автор по крайней мере трех масштабных политических идей, чем может «похвастаться» перед историей не каждый политик мирового масштаба: двух оригинальных политических проектов международного уровня — идеи Евразийского Союза, политико-экономической интеграции евразийского пространства; оригинальной модели модернизации Казахстана в широком мировом контексте; и смелой, мастерски осуществленной путем переноса столицы Казахстана в Астану концепцией формирования новой казахской идентичности, а также теперь и как автор, обобщивший свой практический опыт политика в исследовании теоретико-прикладного характера. Интересно устроена жизнь: один из авторов этой рецензии был первым рецензентом в российской печати идеи Н. Назарбаева о Евразийском Союзе³, а много лет спустя, вместе со сво-

ими учениками, он размышляет о результатах политики масштабных реформ Назарбаева в отношении одного из ключевых для России государств Центральной Азии.

Монография, по сути, представляет собой анатомию казахстанских реформ последних 20 лет. Казахские реформы прошли несколько этапов и основывались сначала на принятой в 1992 г. среднесрочной стратегии, а затем на долгосрочной Стратегии развития Казахстана до 2030 г. «Казахстан-2030» (1997 г.). Результатом воплощения последней, по словам Н. Назарбаева, стало то, что «спустя 10 лет, благодаря системному проведению экономических реформ, Казахстан стал государством с одной из лидирующих экономик среди стран СНГ» (с. 30). Такое четкое обозначение временных параметров не случайно, поскольку категория «сжимающегося» исторического времени неоднократно особо подчеркивается в книге и как условие, и как общий контекст, в рамках которого современным странам приходится выстраивать свои траектории развития. «Процессы, которые ранее занимали столетия, теперь стали укладываться в десятилетия», — отмечает автор (с. 19). Это размышление масштабного политика имеет особый смысл в условиях разворачивающейся на постсоветском пространстве неформальной дискуссии о необходимой скорости осуществления перемен, о необходимости и целесообразности «подталкивания» перемен, не подрывая стабильности. В случае Казахстана главным фактором перемен является личный «фактор Назарбаева».

Структурно книга подразделяется на четыре главы. Первая глава посвящена характеристике общих параметров казахстанской модели социально-экономической и политической модернизации. В качестве таких краеугольных камней были выбраны цели создания правового государ-

императив. Проект Президента Назарбаева как возможный вариант развития событий // Независимая газета. 1994. 2 июля. С. 3; см также: Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: Идеи. Практика. Перспективы. 1994—1997. Выступления участников конференции. С. 125—132.

³ Алексей Воскресенский. Единое евразийское пространство — новый геостратегический

ства, рыночной экономики и демократии. При этом, несмотря на то что осуществление этих задач встретило принципиальное согласие в казахстанской политической элите и обществе в целом, их реальное воплощение не было столь однозначным. Очевидно, что исторический опыт и социально-психологические особенности казахстанского общества не предполагали возможности быстрого построения демократии, аналогичной западному типу. В этих условиях исходной посылкой руководства Казахстана стало понимание того, что «один тип демократии подходит не всем. Стандарты демократии всеобщие, но в разных странах они приобретают собственный колорит» (с. 26). Один из интересных выводов, к которому приходит автор монографии, заключается в том, что «демократию нельзя объявить, ее можно получить только через опыт». Следовательно, «демократия — это конечная цель пути, а не его начало» (с. 26). Идеи Нурсултана Назарбаева, высказанные в этой главе книги, интересно корреспондируются с концепцией незападной демократии, развернутой в данном номере журнала «Сравнительная политика» и нью-йоркских и московских дискуссиях семинара под эгидой Института демократии и сотрудничества проекта по проблемам демократии, организованного Адамом Пшеворски и Андраником Мигра-няном.

Во второй главе анализируется положение Казахстана в условиях глобального экономического кризиса, в сравнительно-политологическом плане рассматриваются основные параметры антикризисных стратегий Казахстана, России и Китая. Как отмечает автор во введении к главе, формирование глобальной экономики нивелирует границы между внешним и внутренним измерением экономических проблем, а это означает, что «в национальных стратегиях развивающихся государств особенно важен баланс между ориентирами ускоренного развития и устойчивости к внешним потрясениям» (с. 101). Специфика Казахстана как раз и заключается в том, что ему, несмотря на высокую степень открытости своей фи-

нансовой системы, удалось достичь такого баланса и в целом сохранить его в период мирового экономического кризиса. Как представляется, основой подобного баланса стало эффективное распределение задач и ответственности за цели развития между государственным и частным секторами при сохранении «конструктивного равновесия» между либерализацией внутреннего рынка и протекционизмом. Именно государство и созданный в 2008 г. Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына» в период экономических потрясений приняли на себя бремя проведения антикризисных мер, которые были призваны не только стабилизировать экономическую и социальную обстановку, но и заложить основы для дальнейшего развития.

Третья глава фокусирует внимание на конкурентных преимуществах модернизационной модели Казахстана как основы для выхода из кризиса и дальнейшего посткризисного развития. При этом анализируются не только позитивные тенденции, но также отмечаются те сложные моменты, преодоление которых является необходимым условием индустриально-инновационного развития. Среди них — низкий уровень инженерного обеспечения инвестиционных проектов, недостаточный опыт отраслевого управления, особенно в государственных ведомствах, необходимость формирования более эффективных моделей государственно-частного партнерства при осуществлении инвестиционных проектов, а также задачи объединения местных инвестиционных ресурсов за счет создания так называемых региональных портфелей проектов инвестирования. Отметим, что подход к инвестиционным проектам с учетом задач территориального развития и сокращения экономических диспропорций внутри страны отвечает также целям создания «точек роста» и инфраструктуры, объединяющей их, в масштабах всего Казахстана.

В четвертой главе представлен региональный и глобальный контекст формирования казахстанской модели развития. Этот контекст для Казахстана, с точки

зрения автора, определяется по крайней мере двумя важными параметрами. Первый связан с тем, что Казахстан и Центральная Азия в целом занимают важное геополитическое положение между Западом и Востоком, т.е. старыми и новыми полюсами роста. Второй — обусловлен спецификой формирующегося мультиполярного мироустройства. Содержание этого процесса Н. Назарбаев определяет как начало нового исторического периода, «в котором будут сосуществовать и конкурировать различные модели экономического и политического развития» (с. 265). Эти непростые условия высокой международной конкуренции в регионе и мире, заключает автор, побуждают руководство Казахстана в своем внешнеполитическом поведении придерживаться философии «созидательного лидерства», т.е. «прагматического и конструктивного взаимодействия с многочисленными и часто весьма непростыми силами в нашем регионе» (с. 273).

Обобщая сказанное, следует отметить, что процесс формирования современной модели развития Казахстана, несомненно, представляет интерес не только с теоретической, но и практической точки зрения, а многое из опыта этой страны вполне может быть полезно и для российских преобразований. Но в то же время представляется, что, помимо принятых и осуществляемых программ и стратегий, одной из наиболее важных предпосылок успешности казахстанских реформ стала консенсусная ненасильственная консолидация нации вокруг поставленных целей и четкое понимание своего места в регионе и мире. Квинтэссенция такого понимания удачно выражена автором следующим образом: «Казахстан — ответственный член международного сообщества, который выполняет важные функции по обеспечению геополитической стабильности и международной безопасности в регионе» (с. 34). А это, в свою очередь, означает, что такая страна, претендующая на роль «созидательного лидера», не может себе позволить не быть успешной в своем развитии.

Личная роль и исторические заслуги Н. Назарбаева как политика в концептуализации в формировании и осуществлении этой модели в Казахстане несомненны. Дальнейшее воплощение, теоретическое и практическое развитие концепции незападной демократии и направление развития самого Казахстана как демократического государства, признанного всем международным сообществом, зависит не столько от политологов-теоретиков, сколько от политиков-практиков. Самого Н. Назарбаева можно отнести к редкому случаю представителя обеих категорий, поскольку он своими размышлениями и действиями формирует не только будущее своей страны, но и других стран, экспериментирующих на пути построения демократий незападного типа и внимательно изучающих опыт Казахстана, в частности, с точки зрения понимания того, к демократии какого типа, т.е. в каком направлении «внутри» категории незападной демократии, будет эволюционировать казахстанский политический режим, судьба которого зависит от самого Н. Назарбаева, масштабного политического теоретика и практика своей страны.

А.Д. Воскресенский,
профессор, доктор политических наук
Е.В. Колдунова,
кандидат политических наук

Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии : монография. Алматы : Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010. 220 с.

Монография Г.И. Чуфрина «Россия в Центральной Азии» посвящена исследованию взаимодействия России со странами Центрально-Азиатского региона (ЦАР) по трем основным направлениям: (1) в области безопасности, (2) экономического и (3) институционального (прежде всего, в рамках СНГ и ШОС) сотрудничества.

Каждое из направлений взаимодействия рассматривается в отдельном разделе

ле. Причем, по мысли автора, каждое из направлений является значимым, однако наиболее перспективным, с точки зрения достигнутых на сегодняшний день соглашений между правительственными и неправительственными акторами, признается экономическое сотрудничество.

Действительно, если рассматривать первое направление, то некоторый сдержанный пессимизм исследователя в отношении проблемы безопасности объективно обусловлен тем, что безопасность ЦАР, возможно, более зависит от интересов и усилий внешних акторов, нежели от сильно ограниченных возможностей стран региона. Именно потому, чтобы обосновать определяющую роль влияния внерегиональных акторов на безопасность ЦАР, Г.И. Чуфрин сначала обращает внимание на военно-политические, экономические, институциональные возможности акторов региона, следуя модели «вызовы/угрозы — ответы».

Внутренняя слабость правящих режимов, соперничество между кланово-клиентелистскими группами влияния, межэтническая напряженность, недоверие между государствами, обусловленное конкуренцией на рынке углеводородов и водных ресурсов, различные внешнеполитические векторы — ко всем этим более или менее традиционным угрозам безопасности добавляются и нетрадиционные: исламистский экстремизм и терроризм, наркоторговля и незаконная торговля оружием.

Ограниченность возможностей акторов способствует образованию некоторого вакуума региональной стабильности, поддержание которой становится все более реактивным по своему характеру. В этой связи можно согласиться с автором и в том, что вакуум региональной стабильности пытаются использовать и достаточно эффективно используют для реализации своих интересов внерегиональные акторы. Наиболее значимыми внерегиональными акторами, влияющими на безопасность всех стран ЦАР, исследователь признает Россию и поддерживаемый ею ОДКБ, а также США. Наиболее же важным внерегиональным фактором, влия-

ющим на безопасность региона, является согласно Г.И. Чуфрину ситуация в Афганистане и Пакистане.

Более перспективным направлением автор считает экономическое сотрудничество стран региона с Россией. Особенность рассмотрения этой проблемы в данном исследовании заключается в том, что сначала дается общий обзор основных тенденций сотрудничества России со странами Центральной Азии, затем следует детальное описание сотрудничества России с единственным из стран региона соседом первого порядка — Казахстаном. Пожалуй, именно подробное отраслевое рассмотрение российско-казахского экономического сотрудничества представляет главный интерес для любого дотошного исследователя ЦАР. Наряду с существующей динамикой взаимодействия, несколько подорванной, по справедливому замечанию автора, международным финансово-экономическим кризисом, значительное внимание уделено перспективным соглашениям. Рассматриваются межгосударственные соглашения, соглашения между частными компаниями — не только в области энергетики, но также и в торговой, финансово-банковской и инвестиционной, научно-технической, транспортной сферах, в области атомной энергетики и сельского хозяйства.

В целом автор оптимистично оценивает современную динамику и перспективы российско-казахского экономического сотрудничества, но признает, что большее внимание следовало бы уделять, например, трансграничному сотрудничеству — в большей степени на трансрегиональном уровне, чем на межгосударственном, также снижению таможенно-тарифных барьеров, формированию благоприятного инвестиционного климата в двусторонних отношениях.

Деятельности и перспективам ШОС как центра институционального сотрудничества России со странами ЦАР посвящен третий раздел монографии. В данном разделе, в духе общей структуры работы, рассматриваются два основных направления сотрудничества: в области безопас-

ности и экономическое. Интересно, что в отношении первого направления автор, пожалуй, представляет оптимистическую точку зрения. Напротив, развитие экономического сотрудничества в рамках ШОС является отнюдь не очевидным перспективным направлением деятельности этой организации — по крайней мере, с точки зрения интересов России. В этой связи автор приводит дискуссионный тезис о том, что именно жесткая экономическая конкуренция России с Китаем в Центрально-Азиатском регионе рискует и подорвать приемлемый для обеих сторон уровень доверия и сотрудничества в области безопасности, и вызвать кризис доверия внутри членов ШОС в случае охлаждения отношений между двумя державами. В итоге Г.И. Чуфрин делает вывод о том, что перспективы ШОС как региональной организации, ориентированной на экономическую интеграцию, остаются весьма туманными.

Точно так же туманны и возможные векторы развития Центрально-Азиатского региона в рамках любых других институтов, в том числе в СНГ и ОДКБ. По меньшей мере, очевидным является то, что сам регион остается в большей степени объектом взаимодействия мирового лидера (США), старого (Россия) и нового (Китай) контрлидеров, а также региональных (субрегиональных) держав (Индия, Пакистан, Иран) — объектом новой «Большой игры», нежели совокупностью ответственных и объединенных общими интересами субъектов. «Расколотовость» региона, внутренняя слабость стран ЦАР, их осторожная многосторонняя (многодержавная) ориентация все еще позволяют России использовать исторически сложившуюся ориентацию стран ЦАР в свою пользу. Однако сохранившаяся ориентация стран на Россию становится все более хрупкой, а сам баланс между влиянием акторов в регионе — все более неопределенным и запутанным.

Именно потому в условиях роста усилий Соединенных Штатов по стабилизации обстановки в Афганистане и Пакистане, в условиях явного наращивания

своего экономического влияния Китаем рецензируемая монография представляется весьма актуальной. Важными являются и прогнозы автора относительно перспектив ШОС и мер по реализации изложенных им межправительственных соглашений, соглашений между государственными и частными компаниями России и Казахстана.

Пожалуй, среди не слишком существенных недостатков работы следовало бы отметить некоторое небрежение к вопросам гуманитарного сотрудничества, взаимодействия в области культуры и образования. «Мягкая сила» России как один из ее ресурсов внешнеполитического взаимодействия осталась почти вне поля зрения данной работы. В целом же заявленная маститым автором цель — исследование взаимодействия России со странами Центральной Азии — и задачи — взаимодействие в области безопасности, экономического и институционального сотрудничества — были успешно решены. При этом автору удалось выдержать и заявленный им характер работы — как можно более реалистическое и в то же время устремленное в будущее, перспективное изображение одного из важнейших в настоящее время векторов российской внешней политики на постсоветском пространстве.

Е.А. Пронин,
*аспирант МГИМО-Университета
МИД России*

Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М.: Издательская группа «Navona», 2010. 240 с.

Восточная Азия, весь Азиатско-Тихоокеанский регион — объект нашего вполне понятного внимания, интереса и озабоченностей. Сегодня АТР превращается в центр глобального экономического и политического взаимодействия. Россия заинтересована в том, чтобы ее восточные районы стали частью серьезных интеграционных процессов, происходящих в Азиатско-Тихоокеанском регионе и при-

носящих экономические, политические и иные выгоды их участия.

На совещании в Хабаровске в июне 2010 г. президент Д.А. Медведев поставил задачу по укреплению позиций российского государства в АТР в сфере экономики, торговли, безопасности и других областях. Решению этих стратегических задач российской политики, несомненно, будет способствовать председательство России в АТЭС в 2012 г. и проведение саммита АТЭС во Владивостоке.

В последние годы российское научное сообщество все более активно вовлекается в исследование различных аспектов азиатско-тихоокеанской проблематики. Среди последних работ заметно выделяется монография молодого талантливого ученого и успешного педагога Екатерины Валерьевны Колдуновой. Ее научный интерес концентрируется сегодня на очень актуальной проблеме формирования регионального комплекса безопасности в Восточной Азии с учетом новых угроз и нетрадиционных аспектов безопасности.

В рецензируемой работе, которую по праву можно назвать глубоким научно-исследовательским трудом, представлены теоретико-методологические аспекты изучения вопросов региональной безопасности, проанализированы отечественные и зарубежные концепции регионального уровня, новые мировые и региональные тенденции. Автор выделяет ряд общих тенденций современных мировых трансформаций, оказывающих существенное влияние на всю систему международных отношений, отмечает рост экономической составляющей международных отношений, развитие противоречивых (имеющих позитивные и негативные составляющие) мировых процессов — глобализации и регионализации мира (с. 45).

Нельзя не согласиться с авторским тезисом о том, что завершение холодной войны, трансформация международных отношений привели к возникновению новых, невоенных угроз безопасности. Е.В. Колдунова строит свои рассуждения на этот счет на основе критического анализа работ известных российских и зарубежных исследователей — Б. Бузана,

О. Вевера, Э. Тана, К. Бутина (с. 56–59), И.Д. Звягельской, В.В. Наумкина и других (с. 63–64).

С большим интересом читается вторая глава монографии, посвященная нетрадиционным аспектам безопасности в Восточной Азии. Автор подробно излагает восприятие Китаем, Японией, двумя Кореями, Монголией, другими государствами Восточной Азии угроз безопасности. Для Китая, как утверждает автор, нетрадиционные аспекты безопасности прежде всего связываются с этническими и религиозными конфликтами, экономической конкуренцией. Курс на «мирное возвышение» Китая предполагает создание благоприятных условий, внешней и внутренней стабильности для укрепления позиций и роли Пекина в мировом и региональном масштабе. Подход Японии к проблеме безопасности основывается на тесном военно-политическом сотрудничестве с США, поддержании нормальных отношений с Китаем и Россией, обеспечении энергетической безопасности. Токио последовательно выступает против терроризма, распространения ОМУ и т.д. Японии также очень беспокоит ядерная и ракетные программы КНДР.

В монографии Е.В. Колдуновой затрагивается корейская проблема, которая, как справедливо подчеркивает автор, «сохраняет высокий потенциал деструктивного влияния не только на развитие двух корейских государств, но также и на ситуацию на региональном и глобальном уровнях» (с. 102–103).

Республика Корея выступает против международного терроризма, распространения ядерного оружия, пиратства и т.д. и за совместные усилия в борьбе с новыми пандемиями. Сеул последовательно отстаивает линию на обеспечение экономической и энергетической безопасности. В последнее время Южная Корея стала активным актором в усилиях по минимизации последствий, связанных с изменениями климата.

К сожалению, в работе не рассматривается вопрос о восприятии угроз безопасности северокорейским режимом. Прямо скажем, это достаточно слож-

ная проблема, ибо политический режим КНДР концентрирует свои усилия на самосохранении, недопущении эрозии существующей тоталитарной политической системы. Исходя из тезиса о нарастании угрозы «социализму корейского образца», Пхеньян взял курс на создание ракетно-ядерного оружия как «оружия сдерживания». Руководство КНДР не видит других методов для выживания режима, кроме наращивания военного потенциала. А это, как известно, ведет к обратному результату — росту военно-политической конфронтации, противостоянию и угрозам нового военного конфликта на полуострове.

Думается, следовало бы проанализировать более широко и глубже представить усилия России в борьбе против новых вызовов и угроз безопасности, наши инициативные шаги по строительству в регионе полицентричной, внеблоковой архитектуры безопасности и сотрудничества.

Автор подробно разбирает угрозы, вызовы и риски нетрадиционного ряда в Восточной Азии — терроризм, морской терроризм и пиратство, незаконный оборот наркотиков, деятельность организованной преступности, экономические угрозы, проблемы энергетической безопасности, проблему пандемий, экологические риски. При этом Е.В. Колдунова опирается на труды отечественных ученых, в том числе профессоров МГИМО — А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, А.В. Торкунова, С.И. Лунева и других.

В работе представлено авторское определение регионального комплекса безопасности в Восточно-Азиатском регионе, которое сформулировано на основе глубокого и всестороннего исследования зарубежных и отечественных концептуальных оценок данной проблемы. «Под региональным комплексом безопасности, — отмечает Е.В. Колдунова, — нами предполагается понимать набор взаимосвязанных узловых проблем в области безопасности... логику их эволюции в региональном срезе, совокупность двусторонних и многосторонних межгосударственных отношений по по-

воду данных проблем и систему восприятия и ранжирования всего спектра угроз, вызовов и рисков государствами региона» (с. 216). Думается, что предложенное автором определение, несмотря на то что оно звучит несколько «тяжеловато», по замыслу и научной глубине представляется весьма интересным и приглашает исследователей к новым поискам и размышлениям.

Книга Е.В. Колдуновой получилась содержательной, глубокой, нестандартной, что, естественно, не может не привлечь к ней внимание ученых, аспирантов и студентов. После прочтения работы складывается впечатление, что автор обладает серьезным научным потенциалом, который, несомненно, будет использован в дальнейшей научной работе. Хотелось бы пожелать Екатерине Валерьевне новых творческих удач на научном и педагогическом поприще.

В.И. Денисов,
*Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор*

John Naisbitt. Doris Naisbitt. China's Megatrends: The 8 Pillars of a new Society. N Y: Harper Business, 2010.

Джон Нейсбит. Дорис Нейсбит. Мегатренды в Китае: 8 опор нового общества. Нью-Йорк: Харпер Бизнес, 2010.

В начале этого года супруги Нейсбит, с которыми мне посчастливилось сдружиться, издали свою новую книгу — «Мегатренды в Китае: 8 опор нового общества». Название книги отсылало читателя к политологическому бестселлеру Дж. Нейсбита «Мегатренды», принесшему ее автору всемирное признание еще в начале 1980-х годов. Трудности, с которыми сталкиваются современные исследователи Китая, лежат, как представляется, в парадигмальной плоскости. С одной стороны, в среде западных аналитиков-китаистов имеет место «когнитивное сме-

шение» (*cognitive bias*)⁴, когда исследователь начинает приписывать стране поведенческие особенности, свойственные государству, гражданином которого он является, или оказывается неспособен удержаться от соблазна использования существующих штампов «коллективного сознания» (в случае с Китаем — «желтая угроза», «новая сверхдержава», «экспансия китайских интересов» и т.д.), — в таком случае поведение страны «подгоняется» под заранее определенный результат. С другой стороны, сами китайские ученые и примкнувшие к ним представители международного научного сообщества, объясняя тенденции развития Китая, используют китайский же «культурный код» («конфуцианский капитализм», «...с китайской спецификой» и т.д.), что порождает другое искажение аналитической призмы — за счет взаимного наложения субъекта и объекта исследования. Важную роль в процессе выработки «правильного» языка для описания Китая могла бы сыграть китайская политология — но в ней по сей день идеологический компонент инкорпорирован в научный, а декларативное подавляет смысловое. Безусловно, китайской политологической школе предстоит еще, как представляется, долгий путь развития.

В мире науки, таким образом, вполне оформилась актуальная потребность в выработке нового комплексного исследовательского языка, задача которого — не вписать тот или иной политический, экономический, общественный процесс по принципу «прокрустова ложа» в существующие научные представления, а привести теорию в соответствие с фактами, сохранив при этом ее универсальность. Единственной академической дисциплиной, способной адекватно решить эту задачу, является сравнительная политология. Именно на решение этой исследовательской задачи и ориентировались Джон и Дорис Нейсбит в своей кни-

ге, материал для которой готовился ими более 10 лет. Для ее решения был избран метод комплексного контент-анализа, состоявший в кропотливом отслеживании изменения содержания газетных публикаций более чем в 50 газетах провинциального уровня. Структурно книга (хотя правильнее было бы именовать ее исследовательским проектом) разделена на 8 частей, 8 «опор», по мнению автора, современного китайского общества, каждая из которых подвергается анализу.

Книга получилась весьма необычной. Наверное, сказалось то, что написана она не Китаистами, которые, практически постоянно находились в Китае во время написания своего исследования. При этом авторам удалось удержаться от восторженности, которая свойственна многим приезжающим в Китай зарубежным обозревателям. Наверное, сыграл свою роль и круг встреч, который Дж. и Д. Нейсбит смогли провести в процессе подготовки книги, — она изобилует цитатами и воспоминаниями из бесед с Цзян Цзэминем (с. X), «отцом-основателем» Пудуна и руководителем Канцелярии информации Госсовета КНР Чжао Цичжэнем (с. 50–51), мэром Тяньцзиня Дай Сяньлуном (с. 22), руководителями провинций, мэрами городов, представителями крупного бизнеса. Книга — не только о процессах, во многом она — о людях, которые их развивают и претворяют в жизнь. Думается, этот «человечный подход к политике», о котором говорится в книге (с. 33) — верно подмеченный признак того, что провозглашенная Ху Цзиньтао стратегия «*и жэнь вэй бэнь*» — «*видеть в человеке основу*» — является не декларацией, а практическим руководством к действию.

Надо сказать, авторы не вполне обычно подошли к вопросу структурирования книги, нестандартным образом расставляя акценты и отходя от классических триад «экономика — политика — культура» и «прошлое — современность — перспективы». Так, долгосрочным достижением патриарха реформ Дэн Сяопина авторы книги видят не только и не столько трансформацию экономической матрицы, сколько начавшуюся в Китае и про-

⁴ Подробнее см.: Amos Tversky; Daniel Kahneman. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. Science, New Series. Vol 185. № 4157. (Sep. 27, 1974). P. 1124–1131.

долгающуюся по сей день «эмансипацию ума» (с. 11–39), которая охватила все сферы жизнедеятельности китайского общества, что, как утверждают авторы, лежит в основе «оживления гена предпринимательства у китайской нации» (с. 18). При этом саму политическую систему, существующую в КНР, авторы признают, не отказываясь от критики, адекватной нынешнему моменту развития страны: «...постоянство Коммунистической партии сыграло не против, но во благо благосостояния китайского народа. Долгосрочное стратегическое планирование могло осуществляться без отвлечения на выборы и без прерывания ими, характерных для демократических государств Запада. Китай не раздирали политические противоречия и не замедляли резкие смены курса: напротив — с самого начала реформ он был настроен на достижение общих целей» (с. 1). При этом исследователи исходят из постулата о том, что мерой легитимности власти для китайского народа является ее эффективность. Для того чтобы оставаться у власти, КПК необходимо эффективно удовлетворять нужды народа, ретранслируя их в виде своих руководящих установок. Такую модель авторы книги называют «вертикальной демократией», которая, по их мнению, является собой баланс правительственных директив, идущих «сверху вниз», и гражданских инициатив, поднимающихся «снизу вверх». Поддержание этого баланса является залогом устойчивости развития Китая (с. 41–66). При этом динамика и эволюция политической системы КНР состоит, по убеждению авторов, в постепенном расширении сферы гражданских инициатив: Китай, приверженный традиционным ценностям социального порядка и гармонии, последнее время постоянно говорит о своей «ответственности» — в первую очередь ее следует понимать как ответственность перед своим народом за его судьбу.

Отдельную главу исследователи посвящают концептуальному описанию механизма трансляции и реализации гражданских инициатив. Так, для описания существующей в Китае модели взаимодей-

ствия общества и власти Дж. и Д. Нейсбит предлагают читателю запоминающуюся формулировку, очень похожую на китайскую поговорку-*чэньюй*: «огородить лес и позволить деревьям расти». Подразумевается, что партия и государство определяют только стратегические «рамки» развития, предоставляя обществу самому выбирать способы достижения целей и поддерживая граждан в их начинаниях до той поры, пока они остаются в пределах установленных рамок. При этом сами границы могут изменяться по мере накопления в обществе потребности в таких изменениях. Государство, освободив таким образом себя от необходимости участия в микроменеджменте, может сконцентрироваться на двух группах задач: отслеживании идущих «снизу» сигналов для принятия решений о соответствии рамок актуальным потребностям и соответствующем формулировании дальнейших стратегических задач (с. 68–88). При этом наиболее интересные решения, предложенные обществом, будь то в политической, экономической, социальной или культурной сфере, государство сначала старается опробовать в рамках пилотного проекта, а затем — в случае успеха — распространить на всю страну. Именно таким образом интерпретируют авторы книги максиму Дэн Сяопина «переходя реку, ощупывать камни» применительно к сегодняшнему дню (с. 90–120).

Результатом использования описанной модели государственного управления стал, по мнению авторов, стремительный рост инноваций во всех сферах жизни и в целом особый акцент китайского правительства на инновациях: термин «новый научный взгляд на развитие» стал с недавних пор неотъемлемым атрибутом большинства официальных выступлений китайских руководителей. Китайское общество не боится учиться и заимствовать зарубежный опыт, постепенно перерабатывая и «локализуя» его, — процесс, таким образом, развивается от заимствования и копирования к творчеству (процесс этот описан авторами в отдельной «главе-опоре» — «Творческий и интеллектуальный фермент», с. 120–150).

Не обходят авторы стороной и ключевую дилемму развития страны: пытаться взять все лучшее, как от капиталистической, так и от социалистической моделей развития, Китай оказался вынужден постоянно балансировать: в социальном смысле это поиск баланса при решении одинаково важных задач сохранения темпов экономического роста и ответственности за благосостояние самого большого в мире населения, в политическом — необходимость увязать расширение свободы действий на муниципальном и региональном уровне при неуклонном сохранении «руководящей и направляющей» роли партии и центрального правительства, в культурном — понять правильное соотношение глобального — современного и самобытного — традиционного. И все же при прочтении книги складывается ощущение, что авторы согласны с китайскими официальными оценками: «возможности превосходят вызовы» — истории успеха, приводимые в книге, роднят китайское общество с модернизированными обществами Запада куда больше, чем обычно представляется стороннему наблюдателю; в Китае происходит формирование «креативного класса», что, по Р. Флориде, неизбежно должно привести к новому социально-экономическому скачку⁵, первые признаки которого и описывают авторы в своей книге «Мегатрен-

ды в Китае: 8 опор современного общества».

Эта книга интересна с самых разных точек зрения. В первую очередь, как уже говорилось выше, она представляет собой «новую волну» литературы о Китае, признающей плюрализм моделей развития и наличие альтернативных — и равнозначных — западным сценариям мирового будущего. Примечательно, что книга Нейсбиттов вышла одновременно на английском и китайском языках. Похоже, авторы стремились не только рассказать о Китае зарубежным читателям, но и объяснить перспективы и тенденции развития страны самим гражданам КНР. С учетом успеха, которым пользуется книга в Китае, цель была выбрана авторами верно. Наконец, она небезынтересна и российскому читателю: в настоящее время наша страна запускает амбициозную программу экономической и социальной модернизации — и опыт незападного государства, которому удалось за сравнительно короткое время «разбудить» в обществе интерес к предпринимательству и инновациям, преодолеть социальную фрустрацию, начать формирование социальных лифтов и принципов «равных возможностей», задуматься о механизме «обратной связи» с гражданами страны и стимулировать их инициативность, может быть полезен. Или как минимум даст пищу для размышлений.

М.В. Мамонов,

магистр международных отношений

⁵ Richard Florida. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life, Basic Books, 2002.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Исследования теоретических и прикладных аспектов международных отношений и мировой политики

Торкунов А.В. По дороге в будущее. М. : Аспект Пресс, 2010. 476 с.

Труд, подготовленный к юбилею ректора МГИМО, академика РАН, профессора, доктора политических наук А.В. Торкунова, содержит его избранные научные и публицистические статьи, актуальные фрагменты монографических исследований, а также не публиковавшиеся ранее тексты выступлений в российских и зарубежных аудиториях. Материалы сборника сгруппированы в тематические разделы — международные отношения, история, корееведение, общество и образование. Книга представляет большой интерес, поскольку в ней помещены глубокие размышления о мире и нашей стране ведущего политолога-международника России.

Современные глобальные проблемы / под ред. В.Г. Барановского, А.Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2010. 350 с.

Книга является результатом совместной работы коллектива ведущих международных МГИМО-Университет МИД России и ИМЭМО РАН. Авторы раскрывают значение и сущность проблем современного общемирового развития, анализируют их региональное преломление, рассматривают основные сферы глобального взаимодействия. Издание адресовано широкому кругу читателей — научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, студентам, обучающимся по направлениям «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Политология» и «Экономика».

Кортунов С.В. Мировая политика в условиях кризиса. М. : Аспект Пресс, 2010. 471 с.

В учебном пособии — жизненном итоге крупного российского международ-

ника — анализируются важнейшие проблемы мировой политики в условиях текущего мирового экономического кризиса. В первую очередь рассматриваются вопросы методологического и концептуального характера: трансформация понятия «мировая политика», возрождение мировой политэкономии, изменение взглядов на национальную и международную безопасность, а также на теорию международных отношений. В сфере глобальных факторов мировой политики автор выделяет и исследует глобальные вызовы и угрозы XXI в., роль и место информационного фактора в международных отношениях, проблемы экологической безопасности и глобального изменения климата, ООН как универсальный механизм глобальной безопасности. В сфере региональных факторов — приоритеты внешней политики США, новую архитектуру евробезопасности, отношения России и Евросоюза и проблемы Большого Ближнего Востока. Особое внимание уделяется анализу роли и места России в формирующейся новой международной системе. Пособие предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, а также специалистов, занимающихся вопросами современной международной жизни и ключевыми вопросами развития современного мира.

«Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / В.Я. Белокреницкий и др. ; рук. авт. колл. А.Д. Воскресенский ; под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО-Университет, 2010. 444 с.

В научно-образовательном комплексе, подготовленном в рамках инновационного проекта МГИМО-Университет, освещаются актуальные вопросы политических и экономических изменений, геополитических рисков, региональной энергетической безопасности, военно-технического сотрудничества, новых угроз и вызовов

безопасности, интеграционных трендов, которые позволяют говорить о процессах роста взаимозависимости субрегионов Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии и интеграции их в единый макрорегион «Большая Восточная Азия». Подробно анализируются центробежные и центростремительные тенденции, освещается роль многосторонних диалоговых структур, при этом особое внимание уделяется вопросам, связанным с перспективами интеграции России в формирующийся макрорегион, даются подробные рекомендации по использованию книги в учебном процессе.

Белокреницкий В.Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. М. : Восточный университет, 2009. 292 с.

Книга включает курс лекций, подготовленных для студентов Восточного университета, программу семинарских занятий, экзаменационные вопросы и литературу. Автор — доктор исторических наук, профессор В.Я. Белокреницкий. Разработанный им курс посвящен исключительно актуальной и важной с академической точки зрения теме значения Востока, стран Азии и Африки для истории международных отношений и мировой политики. В курсе рассмотрена эволюция места традиционного Востока в международной системе на протяжении XVI–XX вв., выделены этапы колониального завоевания и освобождения азиатского и африканского континентов, отмечена возрастающая роль Востока в мировой политике на современном историческом этапе после окончания Второй мировой войны, освещены проблемы Востока на фоне глобализации, милитаризации и усиления угроз безопасности, отношения России с государствами Азии и Африки, а также перспективы эволюции восточного ареала в мирополитической системе текущего века.

Кавешников Н.Ю. Трансформация институциональной структуры Европейского Союза. М. : Навона, 2010. 480 с.

Книга посвящена развитию институциональной структуры Европейского Союза в 1992–2010 гг. В ней анализируются

роль и полномочия институтов ЕС, практика взаимодействия между ними, сосуществующие в рамках ЕС методы управления. Прослеживается трансформация структуры институтов ЕС, проанализированы вызовы, с которыми она сталкивается на современном этапе. Адресована специалистам в области международных отношений, политологам, преподавателям, аспирантам и студентам соответствующих специальностей, а также всех, кто интересуется вопросами европеистики.

Сравнительный анализ вопросов внешней политики

Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М. : Аспект Пресс, 2010. 824 с.

Книга представляет собой совместный труд российских и польских историков, подводящий итоги работы российско-польской Группы по сложным вопросам. Разделы книги позволяют сопоставить взгляды российских и польских исследователей по наиболее важным проблемам двусторонних отношений начиная с 1917 г. до сегодняшних дней. В числе этих проблем — советско-польская война 1920–1921 гг., отношения Советского Союза и Польши в период между двумя мировыми войнами, генезис и причины Второй мировой войны, польско-советские противоречия и сотрудничество в период вооруженной борьбы с германским фашизмом, характер отношений СССР и ПНР в рамках социалистического сотрудничества и противостояния двух мировых систем. Особое место занимают вопросы, связанные с катынской трагедией. Предназначена для специалистов-международников и широкого круга читателей, интересующихся российско-польскими отношениями.

Рангсимапом П. Россия как претендент на статус великой державы в Восточной Азии. Хаундмиллс : Пэлгрейв Макмиллан, 2009. 260 с. (на англ.яз.).

В фокусе внимания автора монографии — сравнительный анализ взглядов

российской политической элиты на роль России в Восточной Азии в период правления Б.Н. Ельцина и В.В. Путина. Автор доказывает, что Россия стремится играть роль великой державы в Восточной Азии и последовательно добивается этого, позиционируя себя в качестве евроазиатской страны и выстраивая планы усиления своего влияния в Восточной Азии с использованием экономических, энергетических, военно-стратегических и других механизмов.

Книга адресована всем интересующимся проблемами внешней политики российского государства и ролью России в международных отношениях в Восточно-Азиатском регионе.

Дегтярев Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. М. : Навона, 2010. 176 с.

Издание посвящено теории и практике экономической дипломатии на современном этапе глобализации. Работа носит междисциплинарный характер: значительная ее часть основана на положениях экономической науки, но используются и современные теории международных отношений, и положения доктрины международного экономического права. Адресована специалистам-практикам в области внешней политики и внешнеэкономической деятельности, преподавателям и студентам факультетов экономики, политологии, международных отношений и права.

Сравнительные исследования проблем международной безопасности и политической регионалистики

Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М. : Навона, 2010. 240 с.

В книге рассматриваются процессы формирования регионального комплекса безопасности в Восточной Азии с учетом новых угроз и нетрадиционных аспектов безопасности. Критически анализируются отечественные и зарубежные концепции регионального уровня, предпринимается попытка комплексно,

в сравнительном плане осмыслить практику региональных процессов в области безопасности в широком понимании этого термина. Книга адресована исследователям, аспирантам, студентам бакалавриата и магистратуры, обучающимся по направлениям «зарубежное регионоведение», «международные отношения», «политология», а также широкому кругу читателей, интересующихся глобальными и региональными проблемами безопасности, новыми региональными тенденциями в Восточной Азии и современными макрорегиональными процессами.

Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М. : Аспект Пресс, 2010. 272 с.

Предлагаемое издание дает комплексное представление о политической и бизнес-элите в России в региональной проекции. В ней представлены как теоретические подходы к определению категории элиты вообще, так и к региональной элите в частности. Отдельно рассматривается вопрос о возможных подходах и методах изучения элит, учитывая высокий уровень закрытости власти и бизнеса в России. Прослеживаются базовые тенденции, характерные для политической региональной элиты времени Ельцина и Путина, анализируется ресурсный потенциал региональных элит и его изменение в условиях вертикали власти. Особое место в работе уделяется анализу гендерных проблем властной элиты в регионах.

Бхаттачария Х. Федерализм в Азии. Нью-Йорк : Ратледж, 2010. 240 с. (на англ. яз.).

В монографии представлен подробный сравнительный анализ проблем федерализма в Индии, Пакистане и Малайзии. На примере трех названных стран автор критически оценивает успехи и достижения федеративной политики в области решения проблем этнически разнородных обществ и на основе сравнения трех страновых моделей делает выводы о степени применимости тех или иных мер и для других азиатских стран, многие из которых сталкиваются с проблемами этнических конфликтов и противоречий. Не-

смотря на то что исследование посвящено анализу вопросов федерализма в Азии, книга представляет интерес и для российских читателей, интересующихся вопросами федеративных отношений и проблема-

ми сравнительного анализа федерализма в России и зарубежных странах.

**Материалы рубрики подготовлены
Е.В. Колдуновой**

ОБ АВТОРАХ

Воскресенский Алексей Дмитриевич — профессор, доктор политических наук, доктор философии (Манчестерский университет), декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России, главный редактор журнала «Сравнительная политика»

Денисов Валерий Иосифович — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

Ермолин Илья Васильевич — кандидат политических наук

Журавлев Денис Александрович — преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений Российского государственного гуманитарного университета

Колдунова Екатерина Валерьевна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Косачев Константин Иосифович — председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Россий-

ской Федерации по международным делам

Лукин Александр Владимирович — доктор исторических наук, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО (У) МИД России

Мамонов Михаил Викторович — магистр международных отношений, начальник Отдела международной деятельности и молодежных обменов Федерального агентства по делам молодежи России

Никифоровс Никита Валерьевич — кандидат политических наук, депутат Сейма Латвийской Республики

Пронин Евгений Александрович — специалист по международным отношениям, аспирант МГИМО (У) МИД России

Соловей Валерий Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью МГИМО (У) МИД России

Хатояма Киитиро — приглашенный преподаватель Высшей школы бизнеса МГУ, приглашенный исследователь Института комплексных стратегических исследований

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте и представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц
- иные материалы, либо материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией

При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала
- размер шрифта основного текста 14
- сноски можно печатать через 1 интервал
- размер шрифта 12
- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см

При ссылках на авторов в тексте следует указать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница.

При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е. например, 12 декабря 2006 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наимено-

вание акта, дающее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

Все сноски размещаются внизу страницы. Нумерация сноска сквозная (1, 2, 3 ...).

На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: Доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

После заголовка, фамилии и инициалов автора размещается краткая аннотация статьи (не более 3 абзацев) и ключевые слова (не более 5) на русском и английском языках.

На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся:

Фамилия, имя, отчество автора (полностью)

- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.)
- ученая степень (при наличии)
- точные контактные данные:
- адрес — служебный и (или) домашний, с индексом
- телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом)
- адрес электронной почты

Статьи и материалы принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений, либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru или по адресу: 125057, г. Москва, а/я 15

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

